

Р. В. Завадский

Своя чужая ВОЙНА

**Дневник русского офицера
вермахта 1941–1942 гг.**

Ростислав Вадимович Завадский

СВОЯ ЧУЖАЯ ВОЙНА

Дневник русского офицера
вермахта 1941–1942 гг.

Редактор-составитель
Олег Игоревич Бэйда

ПОСЕВ
Москва
2014

УДК 355.48(430)(=161.1)(093.3)
ББК 63.3(2)622
3-13

Книга издана при участии МПИКЦ «Белое Дело»

Редактор-составитель Олег Игоревич Бэйда

Завадский Р. В.

3-13 Своя чужая война. Дневник русского офицера вермахта 1941–1942 гг./ред.-сост. О. И. Бэйда. — М.: Содружество «Посев», 2014. — 232 с., ил.

ISBN 978-5-906569-02-8

Ростислав Вадимович Завадский родился в Санкт-Петербурге в 1908 году в семье потомственного дворянина. После революции эмигрировал вместе с родителями. Окончил Первый русский кадетский корпус в Сараево, а позже стал выпускником Русской стрелковой генерала Врангеля дружины (Брюссель) при V отделе РОВС. С нападением Германии на СССР вступил в валлонский легион вермахта (373-й пехотный батальон) и отправился на фронт в качестве переводчика. В дневнике рассказывается о службе в 1941–1942 гг. Уникальный документ позволяет читателю взглянуть на мир глазами эмигранта, решившего участвовать в войне против СССР на стороне Германии. Издание снабжено редкими фотографиями и материалами, часть из которых публикуется впервые.

УДК 355.48(430)(=161.1)(093.3)
ББК 63.3(2)622

Адрес для отзывов и замечаний: 8.08.1941@gmail.com

ISBN 978-5-906569-02-8

© Содружество «Посев», 2014
© О. И. Бэйда, 2014

ИЗГНАННИКИ ПОНЕВОЛЕ, ИЛИ «ВРАГ МОЕГО ВРАГА...»

Не таким способом я думал попасть на Родину. Бог расположил, да будет святая Его воля. Но твердо верю, что Он указал мне путь — мой путь.

Он же видит, как мне тяжело, ведь все чужое и я для всех чужой. Господи, помоги же мне выполнить мой долг.

*Из дневника Р. В. Завадского,
8 августа 1941 года*

Вторая мировая война, закончившаяся вот уже почти 70 лет назад, не только определила политические контуры Европы будущего. Прежде всего, в «активе» этой войны были миллионы сломанных жизней и судеб. Не стала исключением в этом водвороте несчастья и русская эмиграция, для которой те события стали некой «разделительной чертой».

Много жизней унесла война и из числа тех, кто примкнул к германской армии, думая, что иноземное вторжение окажется для Родины «меньшим злом», по сравнению с последствиями сохранения и укрепления советского режима. Современному читателю это может показаться странным, непонятным: русские пошли воевать против русских. Чем же был вызван такой поступок? Почему они сделали такой выбор?

Русская армия генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля, ушедшая на чужбину в 1920 году, ее ядро — оружием не сложила. Для сохранения кадров армии главнокомандующий Русской армии генерал-лейтенант П. Н. Врангель создал РОВС — Русский

Обще-Воинский Союз. Жизнь в тяжелых условиях, в чужом государстве диктовала свои правила, поэтому многие офицеры днем работали разнорабочими, таксистами, грузчиками и т. п. По вечерам же, собираясь в среде подобных себе русских военных, они предавались воспоминаниям о том, как когда-то они воевали.

Так родилась идея «весеннего похода» — высадки на Черноморском побережье¹. С годами надежды на возобновление борьбы стали связываться с иностранным вторжением в СССР, во время которого можно будет вновь применить сохранившиеся кадры старой армии. Гражданская война для этих людей никогда и не заканчивалась, наступил лишь вынужденный перерыв, побежденными они себя не признали. Не заканчивалась война и для их противников, которые, казалось бы, одержали победу: история первых 20 лет советского государства убедительно демонстрирует, какую роль большевики придавали борьбе с «внутренними врагами» и «контрреволюционными элементами».

Дискуссии и прения в среде эмигрантов привели к тому, что произошел большой раскол на два лагеря: «оборонцы» и «пораженцы». Первые считали, что в случае иностранной интервенции надо защищать территорию СССР и отказываться от сотрудничества с иностранцами, которые преследуют лишь свои интересы. Вторые были уверены, что в случае конфликта необходимо продолжить неоконченную войну, использовать любую возможность для борьбы против СССР, который, как они считали, не являлся Россией, и не мог рухнуть без стороннего вмешательства. Проблема заключалась в том, что одни эмигранты рассматривали СССР в качестве наследника старой России, а другие — категорически в этом ему отказывали, полагая, что СССР — это принципиально новое политическое, социальное и культурное образование, возникшее на месте бывшего российского государства.

Так как далее речь пойдет в основном о «пораженцах», следует сделать важную ремарку об «оборонцах». Позиция «оборончества» не всегда равнялась позиции советского патриотизма: «оборонцы» нередко отрицательно относились к советской власти, однако считали, что большевики в будущем конфликте, защищая самих себя, вольно или невольно защитят терри-

торию России, территорию бывшей империи. А уже после завершения войны армия-победительница должна будет свергнуть советский режим. *«Чтобы свергнута была советская власть и чтобы Империя Российская не потерпела ущерба от внешних сил»*, — именно это и было сутью «оборончества», той самой «двойной задачей», которую ставил перед эмиграцией генерал-лейтенант А. И. Деникин, самый известный представитель этого течения².

Конечно в рядах «оборонцев» были и те, кто по каким-то причинам стал считать свой выбор в годы Гражданской войны ошибкой, а Российскую Империю — равной Советскому Союзу, и призывал к примирению с коммунистическим режимом. Их называли «сменовеховцами», и находились они в явном меньшинстве. Некоторые из них вернулись в теперь уже советскую Россию. Судьба их была незавидна: многие были уничтожены или репрессированы большевиками, в перерождение которых поверили³.

Таким образом, для части «оборонцев» и для всех «пораженцев» советский режим был явлением негативным. «Пораженцы», исходя из идеи «меньшего зла», считали, что для борьбы с СССР, как «большим злом», иностранное вторжение вполне подходит. Они не видели другой силы, на которую можно было бы опереться в будущей войне. «Оборонцы» же, держась за идею территориальной целостности старого государства, считали сотрудничество с иностранцами неприемлемым. Они решили не опираться ни на кого, а только надеяться на внутренний переворот. В какой-то мере именно это различное отношение к сотрудничеству с другими государствами определило будущую расстановку сил в эмиграции уже в годы Второй мировой.

Даже на фоне такого раскола сложно разделить эмиграцию только лишь на два «лагеря» — их было гораздо больше⁴. Почти каждый из эмигрантов думал о России, а спустя десятилетия лишь вспоминал о своих мечтах, принимая их за истину. Образ исчезнувшей империи и жизни постепенно идеализировался, в итоге представления и суждения были диаметрально противоположными. Эмиграция была очень разной, и это стоит помнить, приступая к ее изучению и анализу; в данном случае мы рассматриваем лишь один из аспектов.

На чужбине каждый устраивался как мог⁵. Военные искали и находили себе применение: за 20 предвоенных лет русские офицеры отметились в большом количестве войн и конфликтов⁶. Конечно, в них участвовало активное меньшинство, но даже это свидетельствовало о жизни эмиграции в целом. Так об их мотивации писал А. В. Окороков: *«Многие шли на войну, как на работу. И все же, на наш взгляд, несмотря на бытовые причины, “внутренний мир” русских изгнанников поддерживала Идея России [...] Часто эта Идея ощущалась подсознательно, но так или иначе проявлялась в их поступках. Например, приток русских волонтеров в армию китайского маршала Чжан-Зун-Чана (1924–1928 гг.) был, на наш взгляд, во многом связан с тем, что, сотрудничая во время Русско-японской войны с русской разведкой, он получил чин штабс-капитана русской армии. Пусть китаец, желтолицый, с раскосыми глазами, но офицер Русской армии. Значительным фактором поступления ротмистра С. Голубинцева в парагвайскую армию стала схожесть формы парагвайских кавалеристов с формой русских драгун. Пустяк, но психологически связывающий с родиной»⁷.*

В начале 30-х военные эмигранты одними из первых обратили свой взор на резкие политические изменения в Германии. В первый период существования НСДАП (до «Пивного путча» 1923 года) существовало определенное политическое сотрудничество между некоторыми представителями эмиграции и нацистами, в основном замыкавшееся на организацию «Возрождение» («Aufbau»). Впоследствии, из-за гибели ключевых связующих фигур во время путча и последовавшего развала организации, а также из-за изменения изначальной политикомировоззренческой позиции нацистов, это сотрудничество сократилось до минимума, а после прихода НСДАП к власти было практически свернуто⁸.

Глава II отдела РОВС (Германия) генерального штаба генерал-майор А. А. фон Лампе в своей переписке с председателем РОВС генерал-лейтенантом Е. К. Миллером высказывал опасения: *«Современный режим (Режим Веймарской республики. — Е. Ш.) хорош для нас потому, что власти относятся к нам безразлично! (Выделено А. А. фон Лампе. — Е. Ш.) Национал же социалисты шовинистичны и будут от нас требовать “признательности” за приют или “дружбы” —*

а то и другое будет означать безоговорочное подчинение...»⁹ Нацистскую идеологию среди эмигрантов разделяло явное меньшинство, хотя военная эмиграция, будучи консервативной по своей природе, и «ориентировалась вправо»¹⁰.

Приход к власти нацистов, мощь и сила нового государства вызывали сложные чувства. Один из основателей журнала «Часовой», вокруг которого объединилась русская военная эмиграция, капитан В. В. Орехов, посетивший Берлин, описал свое смешанное впечатление: восхищение перед творческой силой немецкой нации, зависть, боль за свою Родину и страх за будущее, «*ибо если мы не создадим своей русской дисциплины и не сговоримся вовремя достойным и реальным путем, вряд ли что-нибудь сможет устоять перед непоколебимой и стойкой политикой возрожденной Империи*»¹¹. Как замечал бельгийский специалист В. Куденис: «*Несмотря на то, что в среде русских эмигрантов, несомненно, было много симпатий к антикоммунизму Гитлера, многие гадали, не превратится ли он со временем в антирусский крестовый поход*»¹².

Разумеется, некоторые читали программный труд рейхсканцлера Германии, книгу «Моя борьба», и видели содержащиеся в ней пассажи о «жизненном пространстве на Востоке». Так, один из деятелей эмиграции, даже испытывая симпатии по отношению к Германии, отмечал, что «*книга наносит ущерб будущим отношениям между Россией и Германией*»¹³.

Первые лица военной эмиграции обсуждали книгу. Так, 27 августа 1933 года председатель РОВС генерал-лейтенант Е. К. Миллер писал генерал-майору С. Ц. Добровольскому, что Гитлер задался целью переселить население западной части России, дабы создать германское «жизненное пространство», и что он (Гитлер) является «*прежде всего, немцем, и совершенно не думает об освобождении России — он полностью безразличен к этому. Поэтому вопрос переговоров с ним... совершенно непрост*». Вероятно, вопрос восприятия написанного в книге был вопросом личной оценки и веры в это¹⁴. Например, 2 февраля 1939 года генерал-лейтенант А. С. Лукомский в письме начальнику РОВС генерал-лейтенанту А. П. Архангельскому написал об этом сюжете следующее: «*Я думаю, что это лишь ужасные слова, и действительность будет приемлемой для России и не ужасной*»¹⁵.

По мнению историка П. Робинсона, «*Это не было лишь простым принятием желаемого за действительное. Казалось немислимым, что любой из вторгающихся в Россию не воспользуется антисоветскими настроениями, и вместо этого будет умышленно восстанавливать против себя русских людей. Совершенно точно, что в интересах любого захватчика было бы поддержать русских людей в борьбе против советского режима. Как фон Лампе писал Миллеру [15 января 1933 года. — О. Б.], “немцы слишком практичны, чтобы не использовать с выгодой для себя данное обстоятельство”*»¹⁶.

Особое место в ряду довоенных конфликтов занимает Гражданская война в Испании. Эта война, в которой русские волонтеры воевали с обеих сторон, сыграла большую роль и вызвала бурное обсуждение¹⁷. Казалось бы, зачем русским было воевать за чужую страну? Джудит Кин, написавшая книгу об иностранных добровольцах, в том числе русских, сражавшихся на стороне Франко в годы Гражданской войны в Испании, отмечала: «*Это были люди, что жили в мире, в котором мечта о возможном повторении 1918–1921 годов, ведущих к победному результату, была единственной компенсацией за психологическое отчуждение и физическое изгнание*»¹⁸.

Русские, воевавшие за Франко, очень четко видели параллели между той гражданской войной, сквозь огонь которой прошли они почти 20 лет назад, и той, которую теперь переживали испанцы. Чего стоят хотя бы заголовки в «Часовом», вроде «*Привет испанским “корниловцам”*». Или следующие строки: «*Это то же самое, до странного то же самое, что было у нас в первые месяцы Добровольческой армии*» и «*Всякий русский, бывший на Юге России в период нашей гражданской войны, прибыв в Саламанку, чувствует себя в Екатеринодаре*»¹⁹.

Испанская гражданская война закончилась победой франкистов. Для волонтеров-националистов это была испанская победа, в которую русские внесли свой вклад; победа, которая не была дарована им двумя десятилетиями ранее. «Генеральная репетиция», как иногда называют Гражданскую войну в Испании, была закончена: мир стоял на пороге глобального конфликта. Уже очень скоро было осуществлено нападение Германии на Польшу, а позже началась Советско-финляндская

война, в которую чины РОВС также внесли свою небольшую лепту, пытаясь создать формирование из военнопленных красноармейцев²⁰.

Эмиграция, с одной стороны, была обескуражена заключенным между Германией и СССР пактом, а с другой стороны, не видела никакой иной силы, которая в будущем могла бы выступить войной против СССР, кроме Германии. В. В. Орехов занял следующую позицию: *«Стало быть, политическая эмиграция не имеет никакого права вмешиваться в настоящий европейский конфликт, до тех пор, пока одна из сторон не объявит о том, что в числе целей войны есть и борьба с узурпировавшими русскую власть большевиками»*²¹.

Накануне нападения Германии на СССР лидерами военной эмиграции предпринимались попытки связаться с главным командованием вермахта и получить официальное разрешение принять участие в будущей войне.

21 мая 1941 года начальник ОРВС²² генерал-майор А. А. фон Лампе обратился с письмом к руководителю Верховного командования сухопутных сил (ОКХ) генерал-фельдмаршалу В. фон Браухичу. Этим обращением он предоставлял возглавляемое им Объединение в распоряжение германского штаба. Ответом ему было молчание. 4 июня фон Лампе вызвал в Берлин начальника штаба отдела ОРВС в Варшаве капитана Б. А. Смысловского вместе с начальником Восточного отдела генерал-майором В. А. Трусовым. На совещании они обсудили вопрос участия русских эмигрантов в будущей войне на стороне Германии²³.

После 22 июня фон Лампе повторил свое обращение, а 5 июля обратился по тому же вопросу на имя Гитлера. 1 августа на оба письма он получил ответ, гласивший, что *«в настоящее время чины Объединения не могут быть применены в германской армии»*. После этого фон Лампе своим приказом № 46 от 17 августа 1941 года объявил, что каждый из чинов ОРВС отныне может действовать самостоятельно и вступать в армию в индивидуальном порядке, поддерживая при этом регулярную связь. Таким образом, в глобальном смысле результат этих попыток найти точки соприкосновения был неудачен для русских эмигрантов: официально признать эмиграцию и начать создавать формирования на основе ее военных кадров на-

цисты не пожелали²⁴. Из правила, как мы увидим далее, были исключения, которые, однако, не меняли общего отношения.

Как следует из письма генерал-лейтенанта Е. И. Балабина своему представителю в Венгрии есаулу А. Ф. Егорову от 23 января 1943 года, вопрос о предоставлении русской национальной эмиграции *в целом* возможности принять участие в событиях, происходящих в России, немцы отложили до конца войны «*ввиду его неактуальности*». *Отдельные же эмигранты* могут участвовать в происходящем лишь в том случае, если отдадут свои силы *исключительно* интересам германской государственности и будут при этом удовлетворять предъявленным властями требованиям²⁵.

В реальности, это ограничение не было случайным или «временно неактуальным»: еще в марте 1941 года руководством Германии была занята позиция, которая должна была исключить использование эмиграции в войне против СССР. Нацисты считали, что интеллигенция из числа эмигрантов «*не воспримется русским народом и, кроме того, она враждебна по отношению к немецкой нации*». Был и иной мотив: «*Кроме того, мы ни в коем случае не должны допустить замены большевистского государства националистической Россией, которая, в конечном счете (о чем свидетельствует история), будет вновь противостоять Германии*»²⁶.

С началом войны в июне 1941 года эмиграция была поставлена перед выбором: либо воевать «за Россию против Сталина» вместе с нацистской Германией, либо «за Россию против Гитлера» в рядах Сопrotивления и вооруженных сил антигитлеровской коалиции²⁷. Парадокс в том, что каждая из сторон считала именно себя борцами за Отечество, только вот благо самого Отечества ими понималось совершенно по-разному.

Некоторые впоследствии пытались создать некую «Третью силу», но все эти попытки оказались не более чем иллюзиями. На наш взгляд, третий вариант в то время был только один: вообще не воевать и остаться пассивным наблюдателем. Конечно, многие эмигранты выбрали последний путь, что объяснимо с человеческой точки зрения.

Для «оборонцев» 22 июня 1941 года стало днем скорби. Так, один из бывших руководителей РОВС вице-адмирал М. А. Кедров с началом войны перешел на «оборонческие» позиции и го-

ворил впоследствии: «Кровавыми слезами мы плакали, когда слышали о первых поражениях, но в глубине души мы продолжали верить, что Советский Союз победит, так как для нас он представлял русский народ»²⁸.

Кто-то уже воевал в армии своей новой Родины (Э. В. Голицын, Г. Е. Чаплин). Некоторые попытались отправиться в СССР, чтобы там вступить в РККА (князь Оболенский, Н. Н. Вырубов). Начальник штаба ВСЮР генерал-лейтенант П. С. Махров в своем письме полковнику П. В. Колтышеву от 12 мая 1953 года отмечал: «День объявления войны немцами России, 22 июня 1941 года, так сильно подействовал на все мое существо, что на другой день 23-го (22-е было воскресенье) я послал заказное письмо Богомолу (советскому послу во Франции. — Н. Р.), прося его отправить меня в Россию для зачисления в армию, хотя бы рядовым». За это письмо Махров попал в лагерь Вернэ, откуда был освобожден лишь по ходатайству знавшего его генерала Нисселя в декабре²⁹. К слову, Махров, занявший «оборонческие» позиции еще до войны, в 1938 году призывал создать эмигрантский «оборонческий батальон» для борьбы вместе с РККА³⁰.

Для «пораженцев», или «непримиримых», что жили идеей продолжения войны и свержения советского строя любой ценой, выбор был однозначен: чего бы это ни стоило, воевать против СССР³¹. В то время это значило присоединиться к немцам или их союзникам.

Еще 18 июня 1941 года начальник гестапо Г. Мюллер разослал во все отделения государственной полиции указ о препятствовании самовольному возвращению эмигрантов-выходцев с великорусской территории из Рейха на Восток. За неразрешенное оставление рабочего места и места проживания предусматривался арест³².

30 июня 1941 года состоялось совещание Министерства иностранных дел, отдела Верховного командования вермахта (ОКВ) по зарубежным вопросам, Главного управления войск СС и Управления внешнеполитических связей НСДАП, посвященное выработке общих директив относительно рассмотрения заявлений иностранных добровольцев, желавших принять участие в борьбе против СССР. Было решено не принимать заявления от русских белых эмигрантов и чехов³³.

Министерство иностранных дел выпустило приказ, который запрещал принимать в вермахт эмигрантов «ни великорусского, ни национально-сепаратистского» толка. С заявителями надлежало обращаться «вежливо, но сдерживающе». В инструкции также было отмечено, что решающей причиной для таких действий являются «политические причины, в связи с которыми выступление людей этого круга нежелательно, что является конфиденциальной информацией»³⁴.

2 июля 1941 года государственный секретарь Э. фон Вайцеккер озвучил официальную позицию: «Русские (имеются в виду, конечно, не только этнические русские, а все выходцы с территории Советского Союза. — И. Г.) эмигранты заявили о своей готовности воевать против СССР в качестве добровольцев. Их желание надо приветствовать, но регистрировать их в таком качестве нельзя, так как создание таких соединений не предусмотрено. Мы не имеем никакого интереса в подобном представительстве русских эмигрантов»³⁵.

Был наложен ряд ограничений на публикации в прессе. В указании министерства пропаганды для прессы от 26 июня 1941 года запрещалось использовать заявления русских эмигрантов, желающих участвовать в борьбе против СССР. В указании от 2 июля отмечалось: «Желания, прежде всего старых царских эмигрантов, полностью беспочвенны. Подобные запыленные великорусские планы совершенно неинтересны, ибо приведут опять к империализму». 9 июля был наложен запрет на текстовое или иллюстративное использование манифестов и символики бывших балтийских государств или эмигрантов. В указании от 1 августа значилось: «Прежде всего, не позволяется использовать отклики царских и белых русских. Мечты русских эмигрантов в Германии, Франции и где бы то ни было не имеют никаких надежд на осуществление. Любая реакция белых русских будет националистической, а посему неприемлемой. Мы не хотим превратить русских в хороших немцев, а хотим сделать из них понятливых тружеников во благо европейского континента»³⁶.

В одном из документов осени 1941 года зафиксировано: «На политических основаниях в новом строительстве не могут быть использованы ни эмигранты и их потомки, ни православная церковь, несмотря на их однозначно антиболь-

*шевистские настроения»*³⁷. Таким образом, за первые полгода войны с СССР изменения позиции, занятой по отношению к эмиграции, не произошло, хотя и тут буква закона не всегда соответствовала разноплановой реальности.

С началом операции «Барбаросса» эмигранты попытались поступить на службу в индивидуальном порядке. Несмотря на нежелание высшего руководства видеть русских эмигрантов в рядах вермахта, существуют документы, которые свидетельствуют о том, что попытки, предпринимаемые белоэмигрантами для поступления в германские ВС в индивидуальном порядке, были явлением массовым. Однако попасть на фронт удалось немногим³⁸. Также на фронт проникали вступившие в немецкую армию представители этнически нерусской части военной эмиграции³⁹.

Некоторые нацисты из высших кругов пытались поинтересоваться точкой зрения эмигрантов на происходящие события. Так, по словам последнего командующего Северо-Западной армией генерал-лейтенанта П. В. Глазенапа, после начала войны к нему обратился начальник ОКВ генерал-фельдмаршал В. Кейтель с вопросом, каким образом можно привлечь русских эмигрантов к борьбе. Глазенап поставил два условия: создание национального российского правительства и создание русской армии. Кейтель ответил, что эти условия являются неприемлемыми. В свою очередь, Глазенап написал Кейтелю письмо, в котором *«отказывался от участия в войне против Советов на иных условиях и высказывал уверенность в том, что, ведя войну против России иными методами, немцы ее проиграют»*⁴⁰.

В основном эмигранты поступали в армию в качестве переводчиков: несмотря на официальный запрет, вермахт нуждался в подобных кадрах и использовал их⁴¹. Российские эмигранты не допускались на оккупированные территории без специального разрешения, а запись переводчиком была одним из немногих путей на фронт⁴². Переводчик мог работать с документами, взаимодействовать с местным населением, присутствовать при допросах военнопленных. Бывало, что из-за ценного навыка таких людей офицеры предпочитали держать поближе к себе и подальше от линии фронта⁴³. Случалось и обратное: переводчик мог непосредственно

сталкиваться с красноармейцами⁴⁴. При недостатке эмигрантских кадров использовали местное население⁴⁵.

Можно сказать, что не все немецкие военные выдерживали «политическую линию». Подбором переводчиков из белой эмиграции озаботился абвер (военная разведка): в начале войны начальник отдела «Иностранные армии — Восток» полковник Э. Кинцель встречался с бывшими царскими офицерами по этому вопросу⁴⁶.

Незадолго до нападения Германии на СССР, начальник ОРВС генерал-майор А. А. фон Лампе приказом от 16 июня 1941 года доводил до сведения офицеров, что 13 июня 1941 года в городе Данциг *«на специально собранном для этой цели собрании русских эмигрантов представители германской армии обратились к русским с предложением вступить добровольно в армию на должность переводчика, указывая, что в этой должности особенно желательны русские офицеры»*. В приказе было сказано, что начальник VII отдела ОРВС в Данциге, ветеран Северо-Западной армии, Лейб-гвардии Финляндского полка полковник Д. И. Ходнев первым откликнулся на этот призыв. А. А. фон Лампе одобрял это решение и от души желал успеха, ждал его обратно *«здоровым и благополучным»*⁴⁷.

Сам Ходнев вспоминал об этом так. На собрание в Данциге было приглашено около 25 эмигрантов. Немцы объявили, что им требуются 15 русских переводчиков, желательно из бывших офицеров, как знающих военное дело и дисциплину. Обещали хорошие материальные условия для служащих и членов их семей, но не говорили, зачем нужны переводчики (хотя все присутствовавшие сразу поняли, что война с СССР стоит на пороге). Пожелали встать на должность 19 человек, из которых немцы взяли 17. Помимо А. А. фон Лампе, одобрил решение Ходнева и П. Н. Краснов. 15 июня переводчики покинули Данциг. В ранге зондерфюрера бывший полковник полтора-два месяца 1941 года служил в отделе снабжения 36-й моторизованной дивизии вермахта. Дмитрий Иванович вел дневник и подробно все записывал; источник был утрачен в 1945 году⁴⁸.

По собственным словам Ходнева, он резко выступал против той политики, которую немцы проводили по отношению к русскому населению. Так, если в Литве и Латвии немцы платили крестьянам за корову, свинью или телят, которыми предпола-

галось снабдить дивизию, то после перехода латвийско-русской границы (7 июля), отношение к населению стало совсем иным. Русских крестьян, которые и без немцев были в бедственном положении, попросту грабили. Ходнев публично высказывал свое неодобрение проводимой линии, пытался уговаривать, просил, доказывал — ничего не помогало. Немецкий майор фон Шайбе, служивший с Ходневым, был согласен с ним, но ничего не мог сделать из-за приказа выше, а помощник майора, капитан Вольф, просто ненавидел русских (убит партизанами в начале 1942 года). Это противодействие, по словам Ходнева, послужило одной из причин его будущего ухода. Видел он и сдававшихся в плен красноармейцев, был и боевой эпизод с партизанским обстрелом⁴⁹.

Однажды, потеряв надежду, Ходнев воскликнул в присутствии немецких офицеров: *«Бедная Россия, это будет то же, что и при большевиках»*. Уговоры о том, что проводимая политика ожесточает население, не действовали, а сами немцы отвечали, что уже через месяц будут в Москве и Петербурге. В конце концов, в один день в отдел снабжения прибыл новый зондерфюрер, молодой балтийский немец, окончивший школу переводчиков в Берлине. Майор фон Шайбе запросил штаб, так как переводчик уже был. Это не было ошибкой: штаб подтвердил, что Ходнева заменяют новым кадром. Ему был выдан «маршбефель» в Данциг, а также сопроводительные документы, где указывалось, что все свои обязанности он выполнял исправно и что от должности он освобожден вследствие прибытия специально обученного человека. Проводили его достаточно тепло; капитан Вольф не присутствовал. В качестве подарка домой Ходнев привез черный русский хлеб. Уже в Данциге он получил расчет, сдал казенные вещи и *«снова из "долметчер и зондерфюрера Ходманна" стал русским эмигрантом Ходневым»*. Из 17 переводчиков, выехавших в середине июня, вернулись 3, было ранено 6, пропали без вести 2, оставались продолжительное время 6, из которых двоих наградили Железным крестом. С некоторыми немцами-сослуживцами Ходнев переписывался во время войны, но позже связь прервалась⁵⁰.

Были переводчики-эмигранты в 9-й армии вермахта. Наиболее известен служивший при штабе армии зондерфюрер «К» Б. Н. Карцев⁵¹. Родился в 1897 году в селе Ивановское

Ярославской губернии, до эмиграции жил в Петербурге на Васильевском острове. Карцев был переводчиком отдела Іс (разведка) 9-й армии, а также был личным переводчиком командующего армией генерал-полковника Адольфа Штраусса (руководил до 14 января 1942 года). В апреле 1942 года начальник отдела Іс 9-й армии подполковник Шлипер провел в Ржеве совещание начальников отделов Іс корпусов и дивизий 9-й армии, а также отделов абвера І, ІІ и ІІІ. Карцев на совещании выступил с докладом «О положении переводчиков и их недокомплекте»⁵². Впоследствии Карцев служил в XV казачьем кавалерийском корпусе СС, в 3-й пластунской дивизии (бывшая отдельная пластунская бригада им. полковника И. Н. Кононова), где занимал должность переводчика и начальника отдела Іс. Был адъютантом у И. Н. Кононова. Репатриации в СССР весной — летом 1945 года избежал⁵³.

Один из членов правления Пражского общества галлиполийцев, подпоручик М. А. Губанов, служил в 129-й пехотной дивизии до апреля 1942 года, когда получил тяжелое ранение и, по-видимому, был демобилизован. Он прибыл на фронт с группой эмигрантов в 8 человек. Среди них были: войсковой старшина Роговской (бывший командир лейб-казачьей сотни генерала П. Н. Врангеля, в Ледяном походе — адъютант генерала А. П. Богаевского); штабс-капитан Червяков (чин Алексеевского пехотного полка, галлиполиец); поручик Замотин (чин 14-го гусарского Митавского полка); корнет Лосев (чин 11-го гусарского Изюмского полка, галлиполиец); гардемарин Шебалин (в Гражданскую войну служил в Талабском полку армии генерала Н. Н. Юденича). Также был латыш по национальности, прапорщик Первой мировой войны; юрист из Берлина и студент-юрист из Варшавы по фамилии Арсеньев.

Губанов был лично знаком с корнетом (капитаном) Б. Н. Карцевым, называл последнего племянником галлиполийца, генерал-лейтенанта от артиллерии В. А. Карцева. Карцев сообщал Губанову, что до апреля 1942 года в 9-й армии *«не было ни одного переводчика не эмигранта»*. Две трети переводчиков были участниками Белых армий, одна треть — эмигрантская молодежь; галлиполийцев было около 40%. Также, по словам Карцева, к 1 октября 1941 года (первые 100 дней войны) было убито 28 переводчиков. Отметим отдельно, что пер-

вые потери среди убывших на фронт переводчиков относятся к августу 1941 года. В приказе по ОРВС за № 48 от 27 сентября сообщается о смерти 10 августа под Рославлем вольноопределяющегося (по ОРВС), переводчика В. Г. Новицкого, состоявшего в Восточном отделе. В приказе Новицкий был назван «первой жертвой объединения в возобновившейся борьбе против коммунистов, захвативших Россию...»⁵⁴ По словам Губанова, общее количество переводчиков 9-й армии до октября 1941 года не превышало 120 человек, и были уже раненые, которые вернулись в строй. Каждую неделю приходило пополнение в 10–15 человек⁵⁵.

Губанов писал, что процент галлиполийцев, служивших в годы Второй мировой войны переводчиками, был значителен: из 29 юнкеров-галлиполийцев из взвода, где он служил, были ранены двое (подпоручик Левашев и подпоручик Грищенко), а капитан Сагайдаковский (один из командиров рот училища, которое окончил Губанов) был убит. По его мнению, в 9-й армии было убито или ранено около ста галлиполийцев. Отмечал Губанов и еще один момент: «Многие переводчики-галлиполийцы (я в том числе) носили на мундире галлиполийский крест — и этот “железный крест Врангелевской армии” внушал всем уважение»⁵⁶.

Убывшие поддерживали связь посредством переписки. Некоторые из этих писем публиковались в печати: подобные анонимные впечатления есть в «Галлиполийском вестнике», который издавался в Софии (Болгария), в ноябрьском номере 1941 года. По всей видимости, это была перепечатка из еженедельной берлинской газеты, ставшей рупором нацистской пропаганды в русской диаспоре в Европе, «Новое слово»⁵⁷. Любопытно, что в том же номере была напечатана более полная версия письма одного из переводчиков, которое было ранее опубликовано в «Бюллетене Объединения Лейб-Гвардии Московского полка»⁵⁸. «Новое слово» также публиковало впечатления переводчиков⁵⁹.

С лета 1942 года газета Управления делами русской эмиграции во Франции, «Парижский вестник», публиковала анонимные выдержки из писем тех, кто уехал из Франции на фронт⁶⁰. Попадают и письма переводчиков, которые обозначены как таковые или где авторы четко заявляют о своей должности⁶¹.

Набор происходил под пристальным надзором УДРЭ во Франции под руководством Ю. С. Жеребкова. По его сообщению, он, совместно с председателем французского отдела РОВС генералом Н. Н. Головиным, зарегистрировал более 1500 офицеров, изъявивших желание отправиться на фронт. Отъезд был централизованным: 7 и 17 мая 1942 года первые группы русских офицеров покинули Париж⁶². До 7 июля 1942 года из Парижа сумел выехать на фронт в составе трех групп лишь 71 человек, преимущественно чины ОРВС⁶³.

Скорее всего, именно эти убывшие офицеры писали письма, которые публиковались в газете: в статьях содержится информация о специальной униформе и указание на группы. *«У нас особая форма, погоны, отличные от немецких, на рукаве черный круг с белым крестом. У нас два чина — капитана и лейтенанта. Первый — командир роты, второй — взводный офицер. [...] Здесь требуются переводчики всех родов и племен. Недостаток страшный, нас расхватывают во все стороны»*⁶⁴

Сложно сказать, сколько всего эмигрантов было на должности переводчиков в германской армии. Известно, что по состоянию на 20 мая 1943 года Управление делами русской эмиграции в Германии, которое возглавлял генерал-майор В. В. Бискупский, направило в вермахт около 1200 эмигрантов-переводчиков⁶⁵. Тема белоэмигрантов-переводчиков, тоскующих по России и служащих в немецкой армии, как минимум единожды затрагивалась в советской религиозной печати военного периода. Так, было опубликовано сообщение от Иоанна Соколова, священника города Старицы, от 30 марта 1942 года. Соколов рассказывал о своей беседе с таким бывшим офицером русской армии⁶⁶.

Искали и другие пути. Некоторые чины РОВС смогли обойти немецкие преграды и уехать на Восточный фронт, где приняли участие в формировании восточных добровольческих частей вермахта. На сегодня известны лишь порядка 85 чинов РОВС и ОРВС, в разное время и в единичном порядке служивших в 1941–1944 гг. на Восточном фронте⁶⁷. Кто-то вступил в НСКК в качестве водителей и механиков⁶⁸. Часть эмигрантов пыталась проникнуть на фронт в качестве единой силы, как это было в случае с Русским корпусом на Балканах. Они не добились того, чего хотели: нацисты так и не отправили корпус воевать

с РККА. В бои с Красной армией чины корпуса вступили только осенью 1944 года на территории Югославии⁶⁹. Отдельные эмигранты смогли войти в контакт с абвером и отправились по этой линии⁷⁰. Присоединялись эмигранты и к комиссиям по работе в лагерях военнопленных, нередко в качестве переводчика или врача⁷¹. Бывало и так, что участвовали не только эмигранты-отцы, прошедшие войны, но и эмигранты-дети⁷².

Русские военные эмигранты были не только в немецкой армии. Кто-то вступал в армии союзников Германии: так, В. С. Левашов, офицер Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, впоследствии бывший во ВСЮР, в качестве переводчика служил в итальянской армии, о чем оставил написанные под псевдонимом воспоминания⁷³. Помимо него, там же были А. Н. Альбранд, А. А. Стацевич, Л. П. Сукачев, А. П. Яремчук 2-й и другие⁷⁴. Были попытки привлечения русских эмигрантов в армию на территории Венгрии⁷⁵. Формирования из русских эмигрантов существовали в Императорской армии Японии⁷⁶.

Чем же объясняется подобная двойственность между официальным запретом и фактическим привлечением эмигрантов к службе? На наш взгляд, здесь сыграла свою роль группа факторов.

Во-первых, взгляд на «эмигрантский вопрос» в среде немецких военных и политиков временами мог различаться. Несомненно, военные, как служащие государства, были обязаны выполнять предписания сверху, как минимум, ориентироваться на них. Точно так же вермахт подвергался идеологической индоктринации⁷⁷. Де-факто же сложная институциональная схема нацистского государства, с постоянной конкуренцией различных ведомств, позволяла отдельным «исполнителям на местах» допускать некоторую самостоятельность в ограниченном формате. Вермахт объективно нуждался в тех же переводчиках, поэтому некоторые офицеры, пусть даже в одностороннем порядке, принимали эмигрантов, руководствуясь практической полезностью данных кадров, а не берлинскими циркулярами. Плюс, был фактор, который историк М. Бросцат называл «устойчивостью» («Resistenz»): некоторые представители германского офицерского корпуса, воспитанные в старых прусских традициях, могли не воспринимать нацистские постулаты, что, на наш взгляд, могло способствовать подобным

послаблениям⁷⁸. Во-вторых, определенную роль сыграл вопрос с гражданством эмигрантов, о чем мы поговорим подробнее чуть позже.

Во вторжении в СССР эмигранты видели только то, что идет борьба с советским государством на фронте, а значит, их место было, по их мнению, там. В какой-то степени боевая часть русской эмиграции видела лишь то, что могла (и хотела?) видеть. О реальных военно-политических планах нацистов, которые не имели ничего общего с декларируемым в пропаганде «освобождением», эмигранты знать не могли, так как подобные идеи эксплуатации завоеванных территорий обсуждались только на самом высоком уровне и в узком кругу⁷⁹. Вопрос оценки книги Гитлера, как уже сказано, нередко был вопросом личной веры.

Как напишет позже о тех первых впечатлениях от начавшейся войны А. П. Яремчук 2-й: *«И действительно, через несколько дней немцы вторглись в СССР. Можно было ожидать, что война примет форму крестового похода против мирового врага — коммунизма. В то время трудно было предвидеть, что Гитлер окажется настолько тупоумным и, согласно своей книге “Майн Кампф”, пойдет завоевывать Россию, чтобы превратить многострадальный русский народ в рабов “высшей расы”!»*⁸⁰

Лишь с течением времени, когда приехали в отпуск первые побывавшие на фронте, начало приходить осознание того, какая война идет в тылу, как обращаются с военнопленными и что представляет собой германская оккупационная политика⁸¹. После избавления от первоначальных иллюзий некоторые эмигранты предприняли попытки изменить политическую линию. Например, Л. В. Сердаковский нашел связи с союзниками Германии (Финляндией и Венгрией), добился аудиенции у Маннергейма, встретился с сыном Хорти и министром иностранных дел Италии графом Чиано. Его попытки через союзников Германии повлиять на Гитлера оказались тщетными⁸².

В то же время, и внутри тех, кто пошел на сотрудничество с немцами, будучи советскими гражданами, начались протесты, выразившиеся в попытках критики проводимой нацистами «восточной политики», предложении создать русское

национальное правительство и дать политические гарантии будущей независимости. Эти попытки воздействия осуществлялись при помощи немногочисленных сочувствующих немецких офицеров, в большинстве своем, «старой закалки», ветеранов Первой мировой войны; часть этих офицеров участвовала в заговоре против Гитлера. И точно так же, как и в случае с эмигрантами, эти предложения наталкивались на стену неприятия и непонимания в высших нацистских кругах, в первую очередь из-за расхождения конечных целей войны в глазах немецкого руководства и в глазах тех, кто пытался что-то изменить⁸³. Неприятие нацизма толкнуло и небольшую часть немцев на ненасильственное сопротивление: одним из основателей такой организации («Белая роза») стал эмигрант, русский немец А. Г. Шморель, который также некоторое время служил в вермахте в качестве врача на Восточном фронте⁸⁴.

Стоит также отметить, что хотя точка зрения Гитлера на оккупационную политику и цели Германии на Востоке была доминирующей, и без сомнений именно его воззрения определяли бы содержание проводимой линии на оккупированных областях в случае победы, все-таки единого мнения относительно советского коллаборационизма среди германского военно-политического руководства не было. Дискуссии о проводимой военной, социальной и политической линии по отношению к народам СССР продолжались до самого конца войны. В итоге специалисты выделяют как минимум еще четыре точки зрения, отличных от мнения Гитлера, каждая из которых так или иначе зиждилась на общем тезисе: население оккупированных восточных областей нужно активнее привлекать к сотрудничеству⁸⁵.

Зимой 1941–1942 гг. была попытка сместить некоторые ориентиры в вопросе использования эмиграции. В декабре 1941 года один из ответственных чиновников МИД фон Эрманнсдорф подготовил документ о привлечении русских эмигрантов в зоне германского влияния. В нем значилось: *«Хотя привлечение эмигрантов в зоне германского влияния в целом отвергнуто, все же использование русских эмигрантов, которые состоят из основных народов Советского Союза, в ограниченных масштабах имеет место»*. Было отмечено, что эмигранты привлекались в качестве переводчиков в вермахте и организации

Тогда, в роли полицейских, фабричных рабочих и командиров антипартизанских отрядов. В документе значилось, что *«Восточным министерством уже подготовлены объемные списки русских эмигрантов, которые в необходимое время будут задействованы в экономике как инженеры, врачи, ветеринары, земледельцы и пр.»*⁸⁶

Впоследствии МИД действительно попытался использовать эмиграцию в своих целях (акция «Адлониада»), что вызвало конфликт ведомств, МИД и Восточного министерства. В итоге, А. Розенберг смог убедить Гитлера в своей правоте, и 5 мая 1942 года тот в категоричной форме запретил МИД заниматься вопросами, связанными с оккупированной территорией СССР⁸⁷. Изменения позиции вновь не произошло.

Уже весной 1942 года немцы стали пытаться как-то ограничить попавших в армию эмигрантов. Например, тем немногим, что смогли проникнуть в войска СС, изменили статус и из военнослужащих перевели в служащие войск СС. В специальной инструкции от 21 апреля 1942 отмечалось: *«Рейхсфюрер СС видит опасность в том, что эмигранты-переводчики в форме зондерфюреров творят собственную политику в странах Балтии, на Украине и в России. В соответствии с приказом рейхсфюрера СС всех переводчиков войск СС, не служивших в СС до 1 января 1941 года, следует немедленно уволить со службы, выдать им в качестве униформы кителя свободного кроя без петлиц и знаков различия, а также повязки "переводчик войск СС". Исполнение донести до 15.5.1942 г.»*⁸⁸ Это означало, что теперь они, занимая, по сути, те же должности, не могли иметь воинские звания (и продвигаться по служебной лестнице), не имели права командовать и получали довольствие наравне с гражданскими служащими войск СС.

27 июня 1942 года, в соответствии с *«однозначным приказом фюрера»*, *«использование русских эмигрантов в вермахте для борьбы на Востоке»* было запрещено, и отправка офицеров-эмигрантов на фронт прекратилась⁸⁹. 18 августа 1942 года была выпущена подписанная Гитлером директива № 46 *«Об усилении борьбы с бесчинствами банд на Востоке»*, в которой, помимо прочего, еще раз запрещалось применение *«эмигрантов или лидеров старой интеллигенции»* в немецкой армии, после чего началась демобилизация подобных кадров⁹⁰. В июне 1943

года начальник ОКВ генерал-фельдмаршал В. Кейтель упоминал эту демобилизацию: «Там [группа армий «Центр». — О. Б.] эмигранты, которые начинали как переводчики, достигли важных постов, но мы их вышвырнули»⁹¹.

Демобилизовали не всех. Вступление эмигрантов в легионы вермахта, формировавшиеся из граждан Западной Европы, имело свою специфику. Двойственность ситуации заключалась в том, что белые эмигранты, как уже было сказано, официально не могли приниматься на службу в вермахт. Многие из них были лицами без гражданства и имели так называемый «нансеновский паспорт». С другой стороны, те, кто принимали подданство страны проживания, иногда переставали восприниматься как эмигранты или лица русско-го происхождения и воспринимались лишь как граждане той страны, паспортом которой обладали. Так, эмигранты призывного возраста, имевшие немецкое гражданство, на общем основании призывались в вермахт (М. М. Медем, А. М. Стахович, поручик Циммерман, Г. Н. Чавчавадзе)⁹². Еще одним понятным примером здесь могут быть русские граждане Прибалтики, служившие в эстонских или латышских формированиях немецкой армии⁹³.

Многое зависело не только от имевшегося в наличии у эмигранта паспорта и не только от случая, но и от происхождения человека. Практически никаких препятствий для вступления в немецкую армию не было у тех, кто произошел от смешанного брака или родился уже за рубежом. Их чаще рассматривали как западных европейцев по национальности и по паспорту. Эти единичные эмигранты уже летом 1941 года проникали даже в войска СС. Самым ярким примером здесь будет второй (и наиболее популярный среди солдат) командир добровольческого корпуса СС «Дания» датско-русский аристократ К. Ф. фон Шальбург⁹⁴. В добровольческом легионе СС «Норвегия» было порядка 5 русских: среди них один был русским уроженцем Норвегии, а двое — полукровками (так, один родился в Ленинграде в 1920 году от русской матери и норвежского отца и эмигрировал в 1935 году)⁹⁵.

Еще одним моментом могли быть внутренние (национальные) правила приема в легион, которые позволяли иностранцам служить в формировании. Так, в «Легион французских

добровольцев против большевизма» (638-й пехотный полк вермахта) иностранцев принимали с оговорками. Русских эмигрантов из-за запрета немцев, подчеркнувших свое нежелание видеть эмигрантов в легионе, не должны были принимать, но фактически это было, и в рядах формирования оказалось более 20 эмигрантов из России (в основном, в 1941 году)⁹⁶. В хорватский легион (369-й усиленный пехотный полк вермахта) формально должны были принимать русских и украинцев. В числе солдат и офицеров полка таких было порядка 10 человек⁹⁷.

После окончания Гражданской войны в Испании русским добровольцам, воевавшим на стороне Франко, была предоставлена возможность получить гражданство, чем многие из них и воспользовались. Впоследствии около 20 человек из числа этих офицеров в качестве переводчиков убыли на советско-германский фронт в рядах 250-й (испанской) дивизии вермахта⁹⁸. По словам одного из служивших, *«из десятка с лишним русских, поступивших в Дивизию, трое было убито, несколько человек вернулось в Испанию, задетые враждебностью немцев, остальные же продолжали работать»*⁹⁹. Дивизию начали отводить в Испанию в октябре 1943 года, большинство эмигрантов вернулись вместе с ней. На сегодня известен только один случай, когда эмигрант продолжил службу в Синем легионе, состоявшем из примерно 1600 человек, который был призван заменить дивизию¹⁰⁰.

Однако положение даже имевших подданство страны проживания эмигрантов было неустойчивым. Согласно воспоминаниям А. П. Яремчука 2-го, немцы попытались демобилизовать часть иностранцев, на что командир испанского формирования генерал А. Муньос Грандес ответил: *«Никаких русских офицеров у меня нет, а есть лишь испанские офицеры»*. Приняли также не всех: тот же Яремчук 2-й и несколько человек вместе с ним, хотя и имели испанское гражданство, получили отказ при вступлении в 250-ю дивизию. Военный аташе при германском посольстве рассказал добровольцам о приказе Гитлера, который запрещал русским белоэмигрантам служить в рядах германской армии¹⁰¹. Похожая ситуация была в 638-м (французском) пехотном полку, где немцы, невзирая на паспорт, в начале марта 1942 года демобилизовали большинство эмигрантов и иных иностранцев¹⁰².

Сама ситуация с запретом на службу подобных кадров в течение войны оставалась в целом неизменной, хотя минимальные подвижки были. Так, по состоянию на октябрь 1943 года, использование эмигрантов в боевых операциях с оружием в руках оставалось запрещенным, но допускалось их использование в качестве переводчиков на иных должностях, не связанных с несением боевой службы с оружием в руках. Те же, кто не имели немецкого гражданства, могли применяться лишь на добровольных началах или в экстренных ситуациях; их назначение в качестве зондерфюреров было запрещено¹⁰³.

Интересно тут то, что, к примеру, в директиве № 46 был запрет на боевое применение эмигрантов, а иные случаи применения, тем более с различием по гражданству, даже не обговаривались. Таким образом, вновь виден временами неоднородный подход к эмигрантам, который, однако, почти всегда «венчался» запретом по политическим причинам и постоянными ограничениями.

В Бельгии около 20 белоэмигрантов поступили добровольцами в валлонский легион (*Légion Wallonie*, 373-й пехотный батальон вермахта)¹⁰⁴. В случае с этим легионом наиболее ярким примером карьеры эмигранта, имевшего бельгийский паспорт, будет Г. В. Чехов, который некоторое время даже был командиром батальона¹⁰⁵. После повторного запрета на прием эмигрантов на военную службу летом 1942 года русские эмигранты в Бельгии могли записаться либо шоферами (*Zivilkraftfahrer*), либо стать переводчиками в одном из лагерей для советских военнопленных, и то лишь с одобрения руководителя Управления делами русской эмиграции в Бельгии Ю. Л. Войцеховского¹⁰⁶.

Среди первых эмигрантов, вступивших в валлонский легион, был и автор представляемого дневника. Какова же его судьба?

Ростислав Вадимович Завадский, происходивший из дворянского рода Завадских, родился 22 декабря 1908 года в Санкт-Петербурге¹⁰⁷. В связи с известными событиями оказался в эмиграции вместе со своими родителями. Окончил Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус в Сараево, после 1925 года вместе с семьей перебрался в Бельгию, где позже был зачислен в Русскую Стрелковую генерала

Врангеля Дружину в Брюсселе¹⁰⁸. Семья жила в Льеже, а в гражданской жизни Завадский был инженером¹⁰⁹.

Изначально группа называлась «Русская Спортивная Дружина». Возникла 27 апреля 1930 года при V отделе РОВС; в мае ее переименовали (по другим данным, это произошло 2 июля 1931 года) в «стрелковую» и она была зачислена в состав РОВС. Эта Дружина должна была подготовить кадры для будущей армии, воспитать новое поколение офицеров в традициях старой Императорской армии. Принимались *«все молодые люди, не советские подданные, достигшие 16 лет, с образованием 4 классов среднего учебного заведения, желающие служить в будущей русской армии»*. Дружиной руководил полковник А. Н. Левашов (Левашев). 14 декабря 1930 года состоялось освящение дружинного знамени. Первым личным составом Дружины стали местные русские скауты и Брюссельская военно-учебная группа русской дворянской молодежи. С 23 июля 1932 года Дружина считалась первой строевой частью РОВС; генерал-лейтенант Е. К. Миллер назвал ее *«единственной строевой частью зарубежья»*. Имя генерала Врангеля Дружине было присвоено в декабре 1937 года (по другим данным, в 1938 году) приказом начальника РОВС. В марте 1938 года, когда после похищения генерал-лейтенанта Е. К. Миллера агентами НКВД во главе РОВС стал генерал-лейтенант А. П. Архангельский, живший в Брюсселе, дружинникам было поручено днем и ночью его охранять. К 22 мая 1938 года было произведено не менее 8 выпусков и подготовлено не менее 300 юношей на должности командиров отделений и взводов¹¹⁰.

Рот у Дружины было 5, самой большой была брюссельская. Изначально отделы Дружины были в Брюсселе, Генте, Левене и Шарлеруа. Гентская рота в 1935 году была перемещена в Брюссель, где стала «2-й брюссельской». Личный состав проходил военную подготовку, изучал устав РККА, против которой готовился выступить; позже были открыты военно-училищные курсы, курсы для подготовки унтер-офицеров, отряд разведчиков и рота егерей. Первый выпуск военного училища при Дружине состоялся 18 августа 1935 года (11 выпускников); второй — 22 мая 1938 года. Сборы, тренировки и стрельбы проводились по возможности не слишком заметно

для бельгийских властей. В лесах неподалеку от Брюсселя или от Левена ежегодно (обычно в мае) устраивался временный лагерь. После окончания курса сдавался экзамен, выпускники производились в офицеры и вступали в Общество Дружины, возглавляемое капитаном 2 ранга А. А. Шафровым, отцом одного из новоиспеченных подпоручиков. Незадолго до вторжения немцев, в октябре или ноябре 1939 года, двое старших офицеров Дружины и подпоручик Харкевич побывали у военного министра Бельгии и предложили ему *«услуги нашей тренированной, хорошо мотивированной команды, притом частично вооруженной»*. Министр как будто *«даже немного испугался»*. Из этой инициативы ничего не вышло. С нападением немцев 10 мая 1940 года на Бельгию, А. Н. Левашов распустил Дружину и уничтожил все документы, чтобы не дать немцам возможность использовать ее в своих целях¹¹¹.

Р. В. Завадский успешно окончил курсы и 22 мая 1938 года ему был присвоен чин подпоручика. На праздновании в Брюсселе присутствовал и отец Ростислава, полковник Вадим Герасимович (Иосифович) Завадский, на тот момент бывший председателем союза офицеров в Льеже¹¹². Старший Завадский также был председателем льежского отдела Комитета Фонда Имени Великого Князя Николая Николаевича (Фонд спасения Родины) и ежемесячно проводил сбор средств для нужд комитета¹¹³. Во время посещения Льежа 9 ноября 1931 года генерал-лейтенант Е. К. Миллер благодарил В. И. Завадского *«за его неусыпную энергию»*, которую тот проявлял, собирая деньги на нужды фонда¹¹⁴.

Впоследствии Завадский нередко вспоминал добрым словом свою службу в Дружине и всю войну носил знак дружинника на своем кителе. В 1939 году он выразил желание попасть в СССР в качестве шпиона и вести разведывательную деятельность для РОВС. Этого не случилось¹¹⁵.

После оккупации Бельгии и начала операции «Барбароса» часть выпускников Дружины из первого набора решили применить свои знания на практике, вступив добровольцами в валлонский легион. Некоторые из них были членами Бельгийского отдела монархической организации Российский Имперский Союз (РИС): они вступили в легион с дозволения своего начальника Н. Н. Воейкова. Н. И. Сахновский, кото-

рый вместе со своим братом Петром присоединился к валлонам в марте 1942 года, писал о своей мотивации так: *«Когда решается судьба нашей Родины, то наше место на месте действий, где каждый из нас должен, по возможности с оружием в руках, защищать русские интересы»*¹¹⁶. Помимо Николая и Петра Сахновских, членом РИС являлся Г. В. Чехов; он был уже в первом, июльском, наборе 1941 года.

В числе самых первых добровольцев был и Завадский, записавшийся в легион в Льеже 22 июля. 21 июля в Льеже на встрече рексистов, на которой присутствовало около 3 тысяч человек, выступал глава партии Леон Дегрелль. Тогда же он пообещал присоединиться к добровольцам, едущим на фронт¹¹⁷. В номере газеты «Brüsseler Zeitung» за 22 июля значилось, что из Льежа и окрестностей в легион записалось 200 человек, выходцев из разных социальных уровней, включая профессиональных офицеров и унтер-офицеров бельгийской армии. Интересно, что в газете также было отмечено, что среди добровольцев есть русские белоэмигранты¹¹⁸.

Завадский начал вести свой дневник в день отъезда из Брюсселя 8 августа 1941 года. В первом контингенте валлонов (850 — 860 человек) русских эмигрантов было немного¹¹⁹. На наш взгляд, эта цифра составляет примерно 8 человек.

Валлоны тренировались под Мезерицем, в Регенвурмлагере. По прибытии в лагерь, Завадский был назначен переводчиком при штабе батальона. Сам он надеялся на строевую должность, но из-за того, что был русским эмигрантом и не имел бельгийского подданства, его ждали погоны зондерфюрера¹²⁰. Из русских эмигрантов строевое звание получил только Г. В. Чехов, имевший бельгийское гражданство. Валлоны получили в вермахте звание, равное тому, которое имели в бельгийской армии.

Зондерфюреры — это гражданские специалисты, направленные в войска на срок, пока для выполнения их обязанностей армия не подберет или не подготовит своих кадровых специалистов. Они занимали должности, согласно штатным расписаниям, и им присваивались ранги, эквивалентные военным рангам. Так, были ранги: зондерфюрер «Z» — Zugführer, командир взвода, чаще всего лейтенант; зондерфюрер «K» — Kompanieführer, командир роты, чаще всего капитан¹²¹.

Сослуживцы называли Завадского лейтенантом, так как он исполнял обязанности переводчика на лейтенантской должности (зондерфюрер «Z»), и по своему положению приравнивался к лейтенанту¹²². Согласно данному дневнику, он получал денежное довольствие по той же ставке, что и лейтенант¹²³.

Зондерфюрер — это понятие, родственное «вспомогательному офицеру» времен Первой мировой войны. Не будучи кадровым военнослужащим, он также применял свои специальные знания на военной службе. Первоначально в качестве отличительных знаков зондерфюреры на офицерских должностях в сухопутных войсках носили погоны узкой формы (отчего на солдатском жаргоне стали называться «узкопогонниками», *Schmalspuroffizier*) при петлицах своего рода войск. В 1940 году зондерфюреры получили собственный серо-голубой «войсковой цвет», петлицы с серебристой вышивкой и широкие погоны из шнура с характерным рисунком. В 1942 году большая часть зондерфюреров была переведена в кадровый состав или уволена в запас, оставшиеся снова получили погоны узкой формы. Петлицы образца 1940 года сохранялись до конца войны¹²⁴. Как вспоминал об этой униформе сам Завадский: *«Эх, связали крылышки зондерфюрерскими погонами»*¹²⁵.

Вместе с легионом, в середине октября 1941 года, Завадский направился на Восточный фронт. В начале ноября 1941 года легион расположился в районе Днепропетровска (Екатеринослава). Более плотное столкновение с жизнью советских людей оказало на Завадского, как и на многих других эмигрантов, неизгладимое впечатление¹²⁶. Всю свою гамму ощущений от наблюдения за бытом земляков он выражал в своих письмах в Управление РОВС, с которым продолжал поддерживать связь, по всей видимости, через своего наставника А. Н. Левашова. Текст писем доступен в приложении настоящего издания.

Ранг зондерфюрера давал Завадскому некоторую свободу действий: так, он смог посетить своих родственников в Киеве. Не менее необычным является и то, что Завадский с конца января по середину апреля 1942 года был начальником полиции города Щербиновка (Дзержинск) и Щербиновского района. Завадский резко стал меньше писать, что дважды отмечал и он сам: так, за февраль было сделано лишь три записи. При этом

непосредственно о своей деятельности в качестве начальника он пишет крайне скупой или в общих словах. Судя по дневнику, эта должность была ему в тягость. К сожалению, пока не удалось реконструировать на доступных источниках этот краткий, но важный период жизни Завадского, поэтому он в общем контексте дневника представляет собой определенную «фигуру умолчания». Возможно, дальнейшее исследование поможет пролить свет на эту страницу жизни автора.

Впоследствии он вернулся в валлонский батальон и продолжал службу в его рядах. Вернуться в батальон Завадскому помогал Г. В. Чехов, не без труда задействовавший связи с немецкими офицерами и местными властями¹²⁷.

Дневник заканчивается в середине июня 1942 года, когда Завадский уезжает в долгожданный отпуск к своей семье. Какова же дальнейшая его судьба?

Валлонский легион практически всю войну провел на Восточном фронте, был на Украине, а позже и на Кавказе¹²⁸. Пополнялся 373-й пехотный батальон, понесший очень тяжелые потери под Громовой Балкой в феврале 1942 года и летом того же года во время наступления на Кавказ, в том числе за счет перебежчиков из РККА, которые вступали в его ряды в виде обычных «хиви»¹²⁹. Роль «обозников» (от нем. «troß» — обоз), как их называли валлоны, в легионе сводилась в основном к уходу за лошадьми и иной физической работе.

По мнению историка Ж.-Л. Роба, к ноябрю 1942 года, когда легионеры воевали на Кавказе, перебежчиков и пленных, пожелавших остаться при валлонах, было около 700 человек¹³⁰. Это было больше, чем непосредственно контингент валлонов, составлявший к концу августа 1942 года менее 500 человек¹³¹. Напротив, согласно отчету Завадского в РОВС, в начале ноября всего валлонов и военнопленных в батальоне было 525 (т. е. валлонов было 200 или 250, а остальное составляли бывшие военнопленные)¹³².

Как следует из этого же отчета, осенью 1942 года, в конце сентября — начале октября (?), из этого контингента военнопленных красноармейцев ему было поручено сформировать взвод. К Завадскому в первый день записалось около 100 человек, но командиру валлонского батальона капитану Л. Липперу показалось, что это слишком много. В итоге, Завадский

смог собрать под своим командованием около 52 человек. Формирование называлось «Русский отдельный взвод». Заместителем Завадского стал бывший лейтенант РККА по фамилии Науменко.

Взвод был поделен на 4 отделения (3 стрелковых, 1 минометное). На каждое стрелковое отделение приходилось по два пулемета Дегтярева и одному пистолету-пулемету МР-38/40, остальные были вооружены винтовками. Отделение, в свою очередь, делилось на две группы: помощник командира отделения с пулеметным расчетом и командир отделения со стрелками. Минометное отделение имело на своем вооружении два 50-мм миномета. Возникли определенные сложности с обмундированием и пропитанием солдат, которые Завадский пытался решать¹³³.

Пока остается неизвестным, применялся ли взвод под командованием Завадского в боях на Кавказе. К 11 ноября 1942 года из первого контингента добровольцев, вступивших в легион в августе 1941 года, осталось лишь 208 человек. Стало ясно, что легион пора отводить с линии фронта, что и было сделано, в тот же день начался вывод валлонов¹³⁴. В начале 1943 года обескровленный валлонский легион было решено передать в войска СС и переформировать.

Западные историки утверждают, что при передаче легиона в СС русские эмигранты, служившие в его составе, по причинам проводимой расовой политики лишились своего актуального звания в вермахте. Если они имели строевое звание, то теперь их ждал ранг зондерфюрера; большинство из них итак уже имело его. Это негативное отношение, по словам Э. де Брюйна, оскорбило эмигрантов. Только двое (Г. Чехов и Н. Камский) сохранили и получили звание в СС, да и то лишь благодаря личному заступничеству главы рексистской партии и впоследствии командира валлонской дивизии СС Л. Дегрелля. 17 июля 1943 года Дегрелль отправил рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру телеграмму № 1331, в которой, по всей видимости, просил сделать исключение для этих двух эмигрантов. К слову, и тут не обошлось без особенностей: Камский в армии Врангеля был капитаном, однако в СС получил чин лейтенанта. Возможно, это как-то связано с тем, что Камский, в отличие от Чехова, не имел бельгийского гражданства¹³⁵. Стоит также отметить, что вете-

ран валлонского формирования Ф. Кайзергрубер не помнит, чтобы с присуждением звания русским эмигрантам возникали какие-то проблемы¹³⁶.

В целом, на наш взгляд, этих исключений было больше, чем два, однако остаются вопросы. Во-первых, не до конца понятен формальный статус эмигрантов в штурмовой бригаде: официально все, кроме двоих, должны были получить (или сохранить) ранг зондерфюрера, де-факто же были и другие, кто носил форму войск СС. Если не учитывать личные связи, индивидуальную полезность и гражданство (возможно, это ключевой момент, так как не всегда известно, имел ли эмигрант бельгийский паспорт), то причины столь разных подходов к одной и той же группе лиц внутри формирования пока неясны. Интересно также, что уже упоминавшийся Камский стал СС-оберштурмфюрером только 20 июля 1944 года, т. е. до этого периода должен был сохранять ранг зондерфюрера. Однако фотографии, сделанные в апреле 1944 года, демонстрируют, что Камский носил знаки отличия СС-унтерштурмфюрера, что соответствовало званию лейтенанта в вермахте.

По словам вдовы Г. В. Чехова, Завадский и в легионе, и в войсках СС был зондерфюрером, т. е. перестановки к нему не должны были относиться¹³⁷. Однако, судя по фотографиям конца 1943 года, Завадский носил знаки отличия СС-унтерштурмфюрера. Это можно объяснить либо тем, что при переходе в СС Завадский перестал быть зондерфюрером и был переведен на строевую должность, либо тем, что это была внутренняя инициатива, которую ему позволили (как и другим?). Вопрос остается открытым.

Большую часть своих добровольных помощников из числа военнопленных валлоны оставили на Кавказе при отступлении. По воспоминаниям одного из офицеров легиона, при переходе в СС было решено оставить небольшое количество красноармейцев, взятых в плен летом — осенью 1942 года. Их использовали в качестве конюхов, поваров, ординарцев; их было 52¹³⁸. Учитывая ранее приведенные данные, не вызывает сомнений, что из бывших красноармейцев валлоны взяли с собой на переформирование взвод под командованием Завадского. Позже русских перебежчиков, в качестве 3-го взвода, придали 4-й (тяжелой — пулеметы и минометы) роте штурмовой бри-

гады СС «Валлония» (SS-Sturmbrigade «Wallonien»). Во взводе было шесть 80-мм минометов¹³⁹.

По воспоминаниям СС-оберштурмфюрера М. Боннивера, который и командовал 4-й ротой, взвод был поделен на два отделения, у каждого отделения было по командиру. Эти двое подчинялись адъютанту по поручениям (Науменко); всем руководил Завадский.

Команды во взводе отдавались на русском языке. Взвод был хорошо сплочен, солдаты были выносливы и отношения с валлонами были вполне дружелюбными. Русские запомнились валлонам тем, что любили петь; это ранее отмечал и Завадский в своем отчете. Особенно солировал некто Степанов, «достойный хора Красной армии», любивший песню «Москва моя», за что его недолюбливали некоторые немецкие чины из штаба связи. Помимо этого, были и негласные соревнования между русскими и валлонами: так, чемпионский титул по метанию гранаты на дальнее расстояние за собой застолбил один из перебежчиков. Собирали они и грибы, которыми были полны местные леса¹⁴⁰.

В письме одного из легионеров своей жене, от 11 сентября 1943 года, есть упоминание, что Завадский через него просил передать некое письмо¹⁴¹. Любопытным представляется тот факт, что ординарцем командира штурмбригады СС-штурмбаннфюрера Л. Липпера был «хиви», из числа взятых с Кавказа. Его звали Василий Данилов¹⁴². Стоит также отметить, что с какого-то момента (с лета 1943 года?) у Завадского появился денщик, СС-унтершарфюрер Алексей Ольгин, бывший лейтенант РККА¹⁴³.

Переформированная штурмовая бригада СС «Валлония» в ночь с 19 на 20 ноября 1943 года прибыла на фронт¹⁴⁴. Вместе с валлонами прибыл на станцию Корсунь и взвод под командованием Завадского. В дневнике капеллана валлонской бригады Л. Фьерена в записи за 21 ноября есть краткое упоминание взвода и его командира: во время тяжелого пехотного марша Завадский пригласил священника передохнуть вместе с его людьми и согреться водкой¹⁴⁵.

«В то же время около 50 бывших советских крестьян [солдат, а не крестьян. — О. Б.] борются в рядах бригады "Валлония" как добровольцы. Эти "хивис" (вспомогательно-

послушные) [«желающий помогать». — О. Б.], как их называют, служат в основном только на кухнях или работают снабженцами, не имея никакого оружия. Тем не менее, некоторые из этих людей пришли с немцами с Кавказского фронта и вместе с бургундами доказали свое мужество и верность. Вопреки сложившемуся о них мнению, это вспомогательное подразделение в конечном итоге преобразовали в разведгруппу под командованием оберштурмфюрера СС [правильно — СС-унтерштурмфюрера. — О. Б.] Завадского, русского по происхождению, которой была придана команда с четырьмя крупнокалиберными пулеметами и минометом»¹⁴⁶.

Вероятнее всего, в начале декабря валлонов посетил военный корреспондент СС, рядовой П. Рущка. В объектив его фотокамеры в том числе попал Завадский с некоторыми своими сослуживцами. Рущка был убит под Черкассами во время проведения разведки 14 декабря 1943 года¹⁴⁷.

В январе 1944 года бригада попала в Корсунь-Шевченковский котел, также известный как Черкасский котел. К концу месяца положение стало критическим, тут-то и начались проблемы.

4-я рота и взвод Завадского заняли Мошны, около реки Ольшанки. Фронт был совсем рядом, кольцо окружения уже захлопнулось. Раны, болезни, недостаток продовольствия подточили дисциплину. Особую тревогу у командира 4-й роты Боннивэра вызывали русские перебежчики, которые 26 или 27 января установили контакт с противоположной стороной. Усугублялось все тем, что рядом с расположением взвода, на восточной стороне Мошны, был заминированный деревянный мост через Ольшанку, по которому можно было бы удобно уйти в сторону советских войск. На том берегу было предмостное укрепление с двумя пулеметами. Мост не составило бы труда взорвать сразу после пересечения, а с помощью пулеметов можно было бы нанести ощутимые потери преследователям.

Командир 4-й роты тут же решил сменить часовых, паролы, перебросить один из пулеметов в другое место и проинформировал командиров взводов о сложной обстановке. Он также доложил на командный пункт о своих подозрениях: по его мнению, сержант Виноградов был связующим звеном между

взводом и противоположной стороной. Скорее всего, Виноградов также понял, что его раскрыли, а Боннивэр осознавал, что если русским дать приказ, то они пойдут его «выполнять» и не вернутся.

В ночь с 1 на 2 февраля Боннивэр послал людей, чтобы окружить становившийся неуправляемым 3-й взвод. Русские перебежчики попытались уйти, используя старый пароль, что им не удалось. Тогда они попытались пересечь замерзшую Ольшанку по льду, однако лед не выдержал и треснул. Некоторые пытались вплавь добраться до противоположного берега; многие утонули, в их числе был и помощник Завадского по фамилии Барбичев. Вместе со всеми бежали ординарец Липпера по фамилии Данилов и денщик Завадского Ольгин. Последний факт достаточно сильно расстроил оставшегося с валлонами Науменко, который сдружился с Ольгиным¹⁴⁸.

В воспоминаниях легионеров этот эпизод с дезертирством подробно описан.

Так, будущий командир 28-й добровольческой гренадерской дивизии СС «Валлония» Л. Дегрелль во всем винил происхождение, расу и кровь, которые *«взяли свое»*. По его словам, через местных жителей был установлен контакт с партизанами: русские долго беседовали с местными, но валлоны не понимали ни слова. Дегрелль пишет, что перебежали все (называет цифру 50): они убили часового и после этого пересекли реку. Теперь у красноармейцев были проводники, знавшие все позиции. Уже на следующие сутки, ночью, дважды перебежчики атаковали Мошны вместе с красноармейцами¹⁴⁹.

Один из ветеранов легиона, вступивший в него еще в августе 1941 года, А. Филиппэ, также отметил этот побег в своих мемуарах. По его словам, также перешли абсолютно все, что достаточно сильно расстроило валлонов, так как многие из этих помощников были вместе с ними в течение долгого времени и не раз проявляли преданность. Интересно и то, что, по словам Филиппэ, вспомогательные помощники дезертировали, не взяв свое оружие; та же информация приводится и в одной из работ по легиону¹⁵⁰.

Другой ветеран легиона с августа 1941 года, П. Терлен, непосредственно отражал атаку на Мошны, произошедшую 2 февраля в 22:00. По его словам, помощников было 40 (т. е.

не все из 50 перебежали), и валлоны при перестрелке обзывали бывших помощников за их предательство. Их поступок позволил РККА захватить Мошны меньше чем за 15 минут. Предварительно была проведена артподготовка, которая была очень точной, благодаря информации о расположении подразделений, переданной дважды перебежчиками¹⁵¹.

Куда как более взвешенным выглядит мнение историка Роба: по его данным, перебежало 30 человек¹⁵². Другие историки называют цифру в 33 человека¹⁵³. Офицер, который взаимодействовал с Завадским (Марсель Боннивэр), и на основании мемуаров которого и описан нами этот эпизод, утверждал, что на стороне валлонов осталось 17 человек, вместе с адъютантом по поручениям (таким образом, сбежало 34). Их было приказано разоружить и запереть, до выяснения обстоятельств. Через несколько дней их освободили «под честное слово» адъютанта по поручениям (Науменко), но оружия не вернули. По словам Боннивэра, они прошли с валлонами их путь до конца. 16 из них погибли при прорыве из Черкасского котла; последний из них погиб 6 марта 1945 года под Сааровым (Померания) во время атаки¹⁵⁴.

А что же Завадский? На наш взгляд, совершенно неправдоподобной является информация историка Верлена о том, что он перебежал вместе со своими подчиненными¹⁵⁵. Во-первых, об этом обязательно бы написали другие валлоны, что русские сбежали со своим командиром. Во-вторых, Завадскому не было смысла перебегать, так как это просто перечеркнуло бы все, чем он жил, а красноармейцы его могли и расстрелять. В-третьих, перебежали не все, но почему же тогда Боннивэр не упоминает о нем?

Ответ прост: потому что Завадский был эвакуирован. Последний разговор с Завадским у Боннивэра состоялся примерно в конце января, как раз когда были обнаружены признаки разложения дисциплины в подчинявшемся ему подразделении: *«...так что я вынужден был поговорить с Завадским. Он физически и морально страдал от недолеченной раны, которая могла убить его. Поэтому он был отправлен в Белозерье»*¹⁵⁶. Есть информация, что ранее Завадский получил ранение в ногу¹⁵⁷. По мнению некоторых французских историков, эвакуация Завадского привела к тому, что подразделение потеряло внутреннюю спаянность¹⁵⁸.

В записи за 1 февраля в дневнике капеллана штурмовой бригады Л. Фьерена также содержится упоминание о перебежчиках: он ошибочно называет взвод «взводом Смоленского» и говорит о том, что сбежали все, кроме адъютанта, захватив с собой оружие и снаряжение. Также им критикуется командир валлонов (Боннивэр?), который сместил Завадского с поста командира взвода и отдал этот пост валлону. По словам капеллана, Завадский «хорошо знал своих соотечественников и его бойцы любили его», и было бы лучше оставить его во главе, пусть даже сняв целый взвод с фронта¹⁵⁹. Можно сказать, что смещение Завадского с поста командира не было прихотью Боннивэра, а было вызвано объективной необходимостью лечения. К тому же, нет никаких гарантий, что взвод бы точно так же не перебежал, пусть даже Завадский остался бы его командиром.

Точно дальнейшая судьба Завадского, после его отправки в медсанчасть, неизвестна. Официально он числится пропавшим без вести во время прорыва из Черкасского котла¹⁶⁰. Возможно, он был убит или пропал без вести во время прорыва из котла 17 февраля, у Комаровки¹⁶¹. Третий источник о его судьбе нам сообщил В. Г. Чичерюкин-Мейнгардт, который встречался с его сыном. По словам сына Завадского, один из сослуживцев Ростислава Вадимовича после Черкасс сообщил жене Ирме Завадской о его гибели (мог ли это быть Камский?)¹⁶².

Судьба автора дневника не была нетипичной для валлонской штурмовой бригады. Из 1850 валлонов, прибывших на фронт в конце ноября 1943 года, выбрались невредимыми из Черкасского котла лишь 632. В деталях цифры расходятся. По одним данным, в целом из числа служащих в бригаде около 858 валлонов погибли или пропали без вести¹⁶³, а еще порядка 459 были тяжело ранены или заболели. По другим данным, из 1260 валлонов, непосредственно участвовавших в начавшемся 17 февраля прорыве, погибли или пропали без вести около 607, т. е. 48%. Бригада потеряла все тяжелое вооружение, весь транспорт и немалую часть снаряжения¹⁶⁴. По словам Ф. Кайзергрубера, Черкасский котел был даже хуже, чем бои за альдамский плацдарм весной 1945 года¹⁶⁵.

Несмотря на такие ошеломляющие потери, германская пропаганда представляла прорыв из котла как «оборонитель-

ную победу». Немалую роль в этом сыграли выступления Дегрелля, который получил свой Рыцарский крест из рук Гитлера 20 февраля 1944 года и теперь находился в зените своей славы и политической карьеры¹⁶⁶. Вершиной развернутой кампании стало проведение парада в Брюсселе 2 апреля 1944 года. Технику для парада валлонам одолжила 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд»¹⁶⁷. Весной и летом 1944 года история прорыва штурмовой бригады и образ Дегрелля использовались пропагандистами войск СС для поддержания духа иностранных легионеров (например, латышей), а в Бельгии была даже выпущена отдельная брошюра, посвященная этим событиям (переиздана в наше время)¹⁶⁸.

К слову, фламандцы из 6-й добровольческой штурмовой бригады СС «Лангемарк» в упорных боях на Украине с января по март 1944 года понесли еще большие потери, чем валлоны. Из 2022 человек по состоянию на осень 1943 года выжило порядка 400 (по другим данным, из 2200 человек 75% было потеряно)¹⁶⁹. Однако никакого парада фламандцам провести не удалось...

Всего этого автор настоящего дневника уже не увидел. Скорее всего, уже никогда не удастся установить, узнал ли Завадский о дезертирстве своего взвода, которым он так гордился в отчете, и какие эмоции он испытал по этому поводу. Его имя есть в послевоенном списке разыскиваемых бельгийской службой безопасности лиц, однако, вряд ли это принесло какие-то плоды, так как после Черкасского котла о нем никто не слышал.

За годы войны Завадский был награжден медалью «За зимнюю кампанию на Востоке 1941/42» (еще называемую «мороженое мясо») и почетным знаком боевых формаций (*Insigne d'Honneur des Formations de Combat*), который более известен как валлонский «орден крови». Последнее награждение достаточно нетипично, так как этот знак, выполненный в бронзе, был вручен всем членам боевых формаций (*Formations de Combat*) — военизированного крыла рексистской партии. Таких знаков было 1970. Награждения серебряной и золотой степенью были исключительно редки: к примеру, с 19 апреля по 27 июня 1944 года было выдано лишь восемь серебряных знаков, а золотых знаков было лишь два, один из которых при-

надлежал Дегреллю. По словам знавшего Завадского ветерана Ф. Кайзергрубера, имевшего такой же знак, можно предположить, что Ростислав был членом этой организации до присоединения к легиону¹⁷⁰.

Еще одним свидетельством принадлежности к рексистским структурам служит то, что на одной из фотографий на кармане кителя Завадского виден маленький окаймленный позолотой прямоугольный значок с партийной символикой. Эти почетные значки получили те члены партии, которые подверглись арестам после начала немецкого вторжения 10 мая 1940 года, когда бельгийское правительство начало борьбу с «пятой колонной» (к слову, борьбу не очень эффективную, так как были арестованы многие совершенно непричастные). Такие значки получили лишь порядка 300 членов партии¹⁷¹. Пока остается неизвестным, действительно ли Ростислав Завадский подвергся такому превентивному аресту.

Прежде чем переходить к обсуждению самого дневника, стоит коснуться еще одного сюжета. В конце 1950-х уже упоминавшийся член РИС Н.И. Сахновский оставил свои краткие воспоминания, в которых рассказывал о службе в валлонском легионе и штурмовой бригаде СС. Особое внимание в рукописи уделяется предпринятой им в конце 1943 — начале 1944 года попытке сформировать РНО — Российское народное ополчение. Сахновский утверждал, что в период нахождения бригады под Корсунью был комендантом села Байбузы, где развернул кипучую деятельность. По его словам, он добился аудиенции у командира бригады, СС-штурмбаннфюрера Л. Липпера и командира 5-й танковой дивизии СС «Викинг» группенфюрера СС Г. Гилле. Им он изложил свою идею о формировании новой русской части, с использованием кадров бригады и дивизии; новое формирование должно было быть монархически ориентированным и сражаться под девизом «За веру, царя и отечество». Как утверждал Сахновский, Гилле в обстановке строгой секретности не без колебаний одобрил эту затею, после чего первый вылетел в Берлин, пытаясь найти офицерские кадры в среде эмиграции; это ему не удалось. Вернувшись в бригаду, Сахновский получил разрешение Липпера действовать своими силами. Под Рождество 1943 года ему удалось набрать 200 человек из числа местных

жителей, которые и составили РНО. Ополченцы носили высокие сапоги и рубашки черного цвета, а в качестве опознавательного знака на груди у сердца имелась нашивка с православным крестом и надписью «Сим победиши». По словам Сахновского, 17 января 1944 года поступил приказ всей бригаде двигаться в село Деренковец. Во время передислокации РНО состоялся встречный бой с частями РККА, в котором монархическое формирование понесло тяжелейшие потери. Выжили очень немногие: остаткам РНО удалось соединиться с частями штурмовой бригады в селе Деренковец, и впоследствии за мужество они были признаны полноценными военнослужащими войск СС¹⁷².

Отдельно стоит отметить, что Сахновский в своих мемуарах несколько раз упоминает взвод Завадского, но не называет фамилию командира. Он обозначает его как *«Русский вспомогательный отряд из военнопленных»* и пишет, что при переводе в войска СС немцы не хотели принимать бывших военнопленных: *«После невероятных усилий удалось все-таки сохранить при Легионе 40 человек, выбранных, к великому сожалению, не по моральным и политическим качествам, а исключительно на основании их возраста и физической подготовки»*. На совещании у Гилле на его предложение о создании нового формирования ему был задан вопрос об уже имевшемся русском взводе при легионе: *«Этот вопрос мне был очень неприятен, так как я знал, что во взводе не все благополучно, но говорить об этом было невозможно»*. Во время последующей поездки в Берлин Сахновский встречался с неким полковником Хаусманом, который заметил: *«Вы сами говорите, что со взводом неблагополучно, а командует им эмигрант. Почему? Да потому, что он болен РОВСовской закваской, совершенно неприменимой при политической борьбе, а здравого политического мышления, по-видимому, не имеет. В этом все дело»*¹⁷³. Нет сомнений, что речь шла о Завадском.

Если судить по рукописи Сахновского, его формирование было немаленьким, 200 человек, и акция по созданию РНО поддерживалась командованием бригады. Но, к сожалению, редактору-составителю не удалось найти каких-либо упоминаний об этом удивительном подразделении ни в мемуарах валлонов, ни в работах, посвященных легиону, ни в доступных

документах. При этом легионеры неоднократно вспоминают о взводе Завадского, численность которого составляла лишь четверть от численности РНО, однако ни словом не упоминают мифических ополченцев Сахновского. Удивляет и расхождение в датах: известно, что с 14 по 19 января 1944 года валлоны участвовали в тяжелых боях под Теклино, а позиции в Деренковце ими были заняты лишь 6 февраля.

Из-за узкого круга введенных в оборот источников воспоминания Сахновского стали крайне популярной «обязательной компонентой» при обсуждении истории службы русских эмигрантов в валлонском легионе. Факты остаются фактами: нестыковки и отсутствие сторонних подтверждений существования РНО как минимум наводят на размышления о том, что не все в истории, изложенной Сахновским, соответствует действительности.

Каким же предстает Завадский в своих записях?

Многое из сказанного ранее в целом про непримиримых эмигрантов было верно и для него. Почему он пошел воевать? *«[...] 23 года тому назад шедшие в белую армию русские офицеры не думали о тех пытках, которые их ожидают, к[а]к не думаем теперь и мы [...] борьба с коммунизмом была начата опята-таки русскими офицерами, что она нами еще не закончена и велась все время всякими способами, и если теперь нам представляется возможность работы активной, с оружием в руках, то русскому офицеру другого выбора быть не может, к этому зовет его долг перед Родиной и отчетливое сознание своей принадлежности только Родине»¹⁷⁴.*

Завадский, как и многие «пораженцы», считал, что для борьбы с СССР подходит любая возможность. После принесения присяги он записал: *«Если возможность борьбы мне дается фюрером, то к[а]к я могу ему не повиноваться?! Да, я отдаю себя в его полное распоряжение на борьбу с коммунизмом»¹⁷⁵.* Однако различие между тем, чего он ждал от начавшейся войны и чем в реальности все обернулось, приводило к глубокому внутреннему конфликту, к ощущению себя чужим.

Вначале было краткое замечание: *«...нам, русским, надо быть начеку — нас не любят»¹⁷⁶.* Позже оно превратилось в отдельную мысль: *«Не подать ли прошение по начальству о переводе куда угодно, но подальше отсюда. Становится тяжело,*

нам здесь не место. Мы не ко двору. Нетактичные намеки и разговоры одних, видимая нелюбовь других. Мы, русские — гунны, дикари, народ, который вообще надо уничтожить и проч[ее]»¹⁷⁷.

Возможно, что осознание западного легиона как чужого было не только у Завадского. Например, один из эмигрантов писал в конце июля 1941 года: *«Нет сил терпеть, прошу покорно Вашего совета, есть ли надежда ждать организацию или идти добровольцем в чужой легион. Я бронепоездник с “Иоана Калиты”, был в Галлиполи. Если скоро предпримите что-нибудь, хорошо подожду, если же нет, уезжаю к кому бы то ни было, только к врагам большевиков»*¹⁷⁸.

С сослуживцами-европейцами Завадского объединяла униформа и желание сражаться, но не мотив для этого сражения, так как желания европейских добровольцев и его, русского белоэмигранта, были разными. По словам одного из легионеров, между русскими эмигрантами и самими валлонами были равные отношения, так как большинство эмигрантов давно жили в Бельгии и были интегрированы в общество¹⁷⁹. Тем не менее, можно сказать, что было различие в восприятии начавшейся войны: валлоны (те, что были идеалистами, а не пошли в легион за заработком или по иным причинам) видели в этом войну за «Новую Европу», столкновение цивилизаций, возможность занять будущее «место под солнцем»¹⁸⁰.

Как об этом писал Л. Дегрелль: *«Это [война с СССР. — О. Б.] был уникальный случай, возможность для нас добиться уважения Рейха посредством битв, страданий и славы. В 1940, мы были побежденными, наш король был королев-пленником. В 1941, в один момент, нам представилась возможность стать спутниками и равными победителям. Все зависело от нашей смелости. Мы имели, наконец-то, возможность завоевать престижную позицию, которая, в день реорганизации Европы, позволила бы говорить, с высоко поднятой головой, от имени народа, пожертвовавшего свою кровь. Конечно, уходя биться в степи Востока, мы желали исполнить свой долг европейцев и христиан. Но, это мы говорим открыто — мы заявили об этом четко и ясно с первого дня — мы, прежде всего, отдали нашу молодость, чтобы гарантировать будущее нашего народа внутри спасенной Европы»*¹⁸¹. Такое

же желание «застолбить» свое место в будущей нацистской Европе было и у других легионеров-иностранцев¹⁸².

Идейные европейские добровольцы нередко считали войну на Востоке борьбой против «азиатских большевистских орд», что отражалось и в пропаганде¹⁸³. Тот же Дегрелль писал: «*Борьба в России была борьбой варвара и цивилизованного человека*»¹⁸⁴. В нацистской пропаганде большевизм всегда назывался «еврейским» или «азиатским», но, на наш взгляд, из-за того, что красноармейцы в большинстве своем были русской национальности, то в реальности война превращалась в противостояние «большевизму с русским лицом»¹⁸⁵. Можно предположить, что, в какой-то степени, для западных европейцев неприятие коммунизма и коммунизм как таковой были лишь формой, пусть и наиболее острой, выражения старого конфликта, цивилизационного антагонизма между Западом и Востоком: т. е. то, что у их противника была идеология, лишь «ухудшало» и без того нелестный образ давнего «восточного врага»¹⁸⁶.

В представлении же Завадского, он воевал за будущую Россию или мстил за Россию прошлую, когда и та, и та существовали лишь в его мечтах. Реальность была иной. Все это вызывало противоречие, как противоречив и сам автор. С одной стороны, он пытается оправдать для себя гибель многих солдат РККА какими-то политическими целями; с другой стороны, для него это «*избиение русских*». Впоследствии он ужасается потерям красноармейцев в 1941 году. Уже позже, будучи на фронте, он пишет: «*Все время приходится быть свидетелем тяжелых сцен. У жителей немцы забирают их последние ценности, т[о] е[сть] сено, корову, свинью и т[ому] п[одобное]. Крик, слезы. Что я могу сделать! Кое-что спас, а, по большей части, приходится быть свидетелем, сжимая зубы*»¹⁸⁷.

Создается впечатление, что Завадский пытался найти грань между (условно) «русскими советскими» и «русскими антисоветскими». Из его сослуживцев-европейцев эту разницу между людьми одной национальности (но не одной культуры и мировосприятия¹⁸⁸) не видел почти никто, так как им, как иностранцам, не нужны были «моральные оправдания» для войны против армии, в которой большинство составляли русские, до судьбы которых им в целом не было дела.

Для большинства западных европейцев СССР был продолжением истории старой России, против которой шел войной еще Наполеон. СССР для них был новым воплощением тысячелетнего конкурента, пусть уже в советской форме и с иной идеологией. Для Завадского и подобных ему эмигрантов «советское» не являлось «русским», СССР никогда не был Россией (скорее, верна формулировка «антиРоссия») и не мог ей стать, хотя бы потому, что разрушил старую Россию и возник на ее обломках¹⁸⁹.

Формулируя это еще проще, можно сказать, что для западных европейцев, в смысле самоидентификации и оценок, вопрос «Россия или СССР?» никогда не стоял, так как они не были русскими. Для многих эмигрантов этот вопрос был решающим. Среди немцев и их союзников точку зрения эмиграции понимали единицы, и мало кто из них видел разницу между «русским советским» и «русским антисоветским». Для эмигрантов принципиально важной, определяющей была вторая часть («советский» или нет). Для западных европейцев в обоих случаях было достаточно лишь первой («русский»).

Ассоциируя себя со старой Россией, которая уже не существовала, Завадский не мог найти себе места в мире, что приводило к глубинному непониманию. Он был русским, но служил в чужой армии. Он был русским, но не было той России, которую он знал и о которой мечтал. Россия, как верно замечал А. В. Окорочков, *«для них определялась уже не по территориальному признаку, а по внутреннему ощущению. Для молодого поколения, рожденного за рубежом, но воспитанного в русском национальном духе, она являлась мифической “Жарптицей”.* Для старшего — *ностальгическими воспоминаниями о прекрасной жизни и служению Отечеству, прерванных революцией, вмиг превратившей их из блестящих офицеров в рабочих на шахтах или шоферов такси»*¹⁹⁰.

Противоречия в духе «Против кого и за что я воюю?» терзали и некоторых других эмигрантов, служивших в вермахте¹⁹¹. Так, один из них, переводчик в 250-й пехотной дивизии, душевно надломился, увидев расстрел партизан. На склоне лет он писал, что в Гражданской войне в России, которую он прошел как пулеметчик, *«враги мои тоже были русские»*, и их смерть тогда оставляла его индифферентным. *«Но эта смерть, в глуши лесов Новгородской губернии [...] ранила меня насмерть. Что*

это, раскаяние за то, что пошел на свою родину с иностранцами? Неуверенность в том, что защищаю "правое дело"? Или следствие старости? В праве ли я в свои годы, проживший, изношенный, разочарованный во всем, не ожидающий от жизни ничего, а главное уставший, уставший донельзя от скитаний и обманчивых иллюзий, в праве ли убивать [...]»¹⁹²

Непреодолимое различие между внутренним миром лично Завадского и внешним миром, в котором шла война, приводило к отчужденности, к одиночеству: в дневнике не раз можно увидеть, как он пишет о немцах, валлонах и германской армии как сторонний наблюдатель, считает их чужими. Это ощущение себя чужим было не только у автора дневника¹⁹³.

Внутренние «трения» между Завадским как человеком и как солдатом проходят почти через весь текст. С одной стороны, он понимает, что как принесший присягу и служащий в армии, обязан исполнять приказы. И он это делает, например, участвует в облавах на партизан. Вероятно, он осознавал, что его личные мотивы и настроения в контексте происходивших событий не интересны ни его сослуживцам, ни командованию и что он не более чем боевая единица валлонского батальона. С другой стороны, ему, как русскому эмигранту, тяжело, и он временами сомневается в правильности своего выбора, в верности своей роли.

В некоторые моменты внутренний конфликт виден особенно четко: Завадский служит в немецкой армии, но при этом страдает от восприятия валлонами идущей войны, от их насмешек над военнопленными, над нищетой и бедственным положением русского населения. Хотя Завадский и отмечает про некоторых сослуживцев: *«Есть и сердобольные»*¹⁹⁴. Столь же четко внутренний конфликт виден во время поездки в Киев к родственникам и во время службы в Щербиновке.

Неоднократно он спрашивал себя, не ошибся ли он, поехав на войну, действительно ли все будет так, как ему казалось. Быть может, реальность была слишком страшной, чтобы признать ее, поэтому Завадский старается не думать об этом: *«Немцы зарвались, и конец войны здесь будет не такой, к[а]к они предполагали. Как все это кончится, предполагать трудно, но если не думать, а просто верить, то кончится, к[а]к должно»*¹⁹⁵.

Отчужденность усиливается после того, как он увидел быдн-окупуации: *«На душе все тяжелее и тревожнее. Тяжелее, потому что больно за народ, тревожнее, потому что не знаю, как я из этой истории выскочу. Своим поведением и мероприятиями немцы восстанавливают против себя население»*¹⁹⁶. В трудные моменты он обращается к религии, которая была несомненной ценностью в его жизни, и думает о долге: *«Что то готовит мне близкое будущее? Когда же, наконец, и я смогу проявить инициативу на русском фронте, или же я ошибся в своих предположениях и никаких светочей ниоткуда ждать не надо. Не может быть! Я шел сюда с молитвой и от молитвы. До сих пор Господь меня слышал, и значит, я здесь не напрасно. Быть может, и направление для меня к[а]к раз нужное. Не нужно забывать, на что я сюда шел и в чем состоит долг русского офицера»*¹⁹⁷.

Позже он формулирует это более четко: *«Быть может, в другом окружении и [на] другой службе мне было бы легче, но сейчас тяжело. Отдался течению с верой, что оно меня вынесет куда надо, т[о] е[сть] в нужное место и нужное время. Пока что закаляюсь для будущего и, надо сказать, что закалка хорошая. Если Господь судит выбраться — буду счастлив — нет — Его святая воля»*¹⁹⁸. Наконец, в одной из последних записей Завадский пытается выразить свое впечатление от происходящего: *«Я глубоко верю, что немцы сметут существующий строй, и сделано это будет скоро. Но к[а]к мы вывернем из этой истории? Будем надеяться лишь на Бога!»*¹⁹⁹

Когда читаешь дневник, создается впечатление, что каждый из белых эмигрантов вел свою личную борьбу, в своем персональном понимании и измерении. Эта разница личного мотива заметна на примере русских сослуживцев Завадского. Ростислав Вадимович пошел воевать против СССР в надежде найти старую Россию, надеясь на внутренний переворот²⁰⁰. С. А. Смоленский, убитый в феврале 1942 года, согласно дневнику, *«похоронил Россию»*, т. е. шел лишь для борьбы против СССР как таковой. Самый известный русский офицер в валлонском формировании, Г. В. Чехов, по словам Завадского, *«определенно хочет сделать карьеру, мечтает о местечке коменданта какого-нибудь города в России. Не одинаковые у нас мысли и конечная цель»*²⁰¹.

Уже в 1942 году, с набором взвода, то, чего Завадский пытался добиться в конце 1941 года (создание русского формирования), пусть не полностью, но сбылось. Он был удовлетворен и даже горд: он именует своих бойцов «*мои орлы*», отмечает, что «*политика меняется*», пишет, что «*бесконечно счастлив*». И вот, с одной стороны есть дневник, где с первых строк видны страдания, душевные метания автора. С другой стороны, есть отчет, где автор, признавая существующие проблемы²⁰², вполне оптимистично настроен. Возникают вопросы: насколько реальные ощущения, мысли, эмоции Завадского, которые он доверял, вероятно, лишь своему личному дневнику, корреспондировались с теми, что он излагал в официальном отчете в ноябре 1942 года? И поменялось ли что-то в душе Завадского с течением войны, и в какую сторону? Вопросы без ответов.

Всего в годы войны в различных воинских формированиях, действовавших на стороне Германии и ее союзников, служило от 15 до 20 тысяч русских эмигрантов. Согласно другим данным, это число меньше: не более 12 — 13 тысяч человек. Количество русских изгнанников в рядах армий стран-участниц антигитлеровской коалиции колеблется от 3 до 5 тысяч человек; несколько сотен (300 — 400 эмигрантов) участвовали в европейском движении Сопrotивления²⁰³.

Вторая мировая война оказалась для эмиграции сильнейшим потрясением. Многие погибли, а выжившие зачастую были вынуждены переехать в другие страны. «Русское рассеяние» повторилось, спустя 20 лет. Вспоминая довоенные споры, можно сказать, что по итогам войны и «пораженцы», и «оборонцы» проиграли. Надежды первых на отказ от колониальных appetитов и конечное торжество разума в среде вторгавшихся в СССР, надежды вторых на внутренний крах советского режима или его фактическое изменение — все это, в конечном счете, не сбылось. После войны раскол между оставшимися в живых бывшими «оборонцами» и «пораженцами» лишь углубился²⁰⁴.

В завершение вступления редактор-составитель хотел бы выразить личную точку зрения на предмет своего интереса.

История России такая, какая она есть. Невозможно «выбросить» какую-то ее часть только лишь потому, что она кому-то

«не нравится». Эмигранты же, и военные эмигранты в их числе — это, вне всяких сомнений, часть истории России. Это тяжелая страница русской истории; именно поэтому следует быть особенно аккуратным, работая с ней, избегать политизированных, ненаучных оценок, «слишком простых» объяснений.

Феномен эмиграции, и ее военной части, как представлявшей своеобразное «ядро» явления, есть следствие печального разделения внутри народа. Мир этих людей рухнул, они вынуждены были покинуть Родину и уйти на чужбину. Жизнь рассудила так, что многие из них будто бы «законсервировали» себя, свои чувства в той, старой России, в полях неоконченной ими Гражданской войны. Слова А. А. фон Лампе «*Отбоя не было! Борьба продолжается!*» и лозунг «*Кубанский поход продолжается*» для многих военных эмигрантов были той максимой, которая отражала суть их жизни и ожиданий.

Дело историка — восстановление наиболее полной картины произошедших событий на основе совокупности всех имеющих фактов, без утаивания «неудобных» подробностей и искажения реальности, без грубых оценок, затрудняющих понимание. Факты, особенно в чувствительных темах, подобных этой, должны восприниматься лишь как факты, как данность, а не как почва для одобрения или осуждения (разумеется, если речь не идет о военных преступлениях), так как ни то, ни другое не способствует детальному и глубинному пониманию сложносоставного исторического контекста. Сам контекст стоит воспринимать как цепь неразрывно связанных событий, имеющих свои истоки. Исследователь должен представлять себе мотивацию описываемых персонажей, понимать логику их поступков, детально описывать реальность.

На наш взгляд, именно сложносоставной дифференцированный подход к изучению проблемы коллаборационизма, ставящий во главу угла факт и документ, является наиболее продуктивным в научном смысле. Этот подход позволяет увидеть разноплановые ситуации на общем фоне. Специалисты этого направления стремятся по возможности уйти от морально-этических оценочных и политико-правовых категорий, пытаются воссоздать более беспристрастную картину. Это направление называют неопозитивистским или объективистским²⁰⁵.

По нашему мнению, тему белых эмигрантов на стороне вермахта (и шире — стран Оси) и их выбор стоит рассматривать, учитывая контекст Гражданской войны и последующих событий в России в 20 — 30-е годы прошлого века. Мировоззренческий раскол на «красных» и «белых» не ограничился одним периодом, и это важно помнить, работая над данным сюжетом. Можно сказать, что выбор части белой военной эмиграции в годы войны был своеобразным «эхом» этого раскола, в столь необычных формах проявившимся через 20 лет после, казалось бы, окончившейся, столь жестокой — Гражданской — войны. Той войны, глубокие раны от которой могут затянуться, но ее уродливые шрамы напоминают о себе даже многие десятилетия спустя.

Таким образом, в контексте произошедших с 1917 года событий и учитывая личную «непримиримую» позицию самих эмигрантов, выбор части белой военной эмиграции в годы Второй мировой войны имеет свое научное объяснение. Принимая вышесказанное как факт, нужно признать, что это был выбор вслепую: эмигранты не имели никаких гарантий, что нацисты «освободят» или «возродят» Россию, а последние и не собирались этого делать. В итоге, эмигранты присоединились к тем, кто изначально не доверял им, всячески старался ограничить их службу в армии и преследовал лишь свои интересы.

Часть эмиграции стала орудием в руках тех, кто совершенно не разделял их воззрений на предполагаемый результат войны. Несмотря на объединяющий фактор антикоммунизма и желания воевать против СССР, конечные цели нацистов и русских белоэмигрантов оказались диаметрально противоположными. Для первых это была беспощадная борьба «*идеологий и расовых различий*», поход за «жизненным пространством на Востоке», обеспечением условий для дальнейшей войны с Британией²⁰⁶. Вторые считали это реваншем за Гражданскую войну или ее продолжением, после которой досоветская государственность в том или ином виде должна была быть реконструирована.

На личном уровне эмигранты не верили, что немцы смогут обойтись без них, как не верили и в то, что немецкое руководство будет преследовать именно те колониальные цели, которые были озвучены ранее. Все было основано на вере самих эмигрантов

в лучшее, на надежде на продолжение борьбы, что питала их в течение долгих лет изгнания. Об этой вере, уже после войны, писал крупнейший идеолог эмиграции И. А. Ильин: *«Но многие наивные русские эмигранты ждали от Гитлера быстрого разгрома коммунистов и освобождения России. Они рассуждали так: “враг моего врага — мой естественный единомышленник и союзник”. На самом же деле враг моего врага может быть моим беспощаднейшим врагом. Поэтому трезвые русские патриоты не должны были делать себе иллюзий»*²⁰⁷. В каком-то смысле, Ильин писал и о самом себе: можно вспомнить, как достаточно быстро поменялось его отношение к нацизму и фашизму²⁰⁸.

Знали ли эмигранты, что война примет тотальный характер, выйдя за рамки всех конвенций и правил? На сегодня однозначно и с опорой на источники на этот вопрос ответить нельзя, хотя подобное знание и четкое видение будущей войны представляется маловероятным. Вряд ли много кто осознал, сколь ужесточит нацистская идеология действия немецкой армии, что это будет не «обычная» война, где решается судьба государства лишь как политического образования, а война на уничтожение²⁰⁹. Как об этом писал Ю. С. Цурганов: *«Наконец, к июню 1941 года Гитлер и нацисты еще не успели совершить большей части своих преступлений и не воспринимались мировым общественным мнением в качестве единицы измерения абсолютного зла»*²¹⁰.

Видели ли эмигранты жестокость оккупационной политики? Скорее всего, бытовую жестокость, сопровождающую любую войну, видели все. Некоторые были свидетелями военных преступлений или знали, что собой представлял «новый порядок»²¹¹. Кого-то увиденное шокировало и надламывало психологически²¹². Однако вопрос «Сколько эмигрантов видели подобное?» остается открытым. Стоит помнить о небольшом количестве эмигрантов, сумевших проникнуть на Восточный фронт (на наш взгляд, эта цифра колеблется в пределах 3–5 тысяч человек)²¹³. Вероятно, учитывая «распыленность» эмигрантских кадров в немецкой армии, более поздние (уже на фронте) оценки формировались индивидуально, точно так же, как и действия.

Немаловажным фактором, оказывавшим влияние на восприятие войны, можно назвать так называемое «туннельное зрение». Суть в том, что отдельный эмигрант зачастую видел лишь то, что было вокруг него: локальный участок фронта, маленькую деревню, небольшие группы крестьян и солдат. Действовал этот эмигрант в тех условиях, и, лишенный возможности обозреть и осознать происходящее на *всем* протяжении фронта, не видевший оккупационной политики *в целом*, судил об общей ситуации лишь по тому, что видел перед собой. Это важно помнить каждому исследователю, который имеет возможность сравнивать источники, составляя глобальную картину.

Было ли изменение во взглядах эмигрантов во время войны? Вероятно, здесь также будет верным принцип индивидуального подхода. Кто-то, несмотря на все, продолжал считать, что лучше нацистская оккупация, чем большевики. Другие, напротив, осознали указанное противоречие в целях и средствах, но и попытки что-то изменить не увенчались успехом, а пути назад уже не было (если только не демобилизация по ранению или по приказу начальства). Иные продолжали служить, надеясь, что немецкое руководство одумается. Отдельные эмигранты переосмыслили свой выбор и переходили на другую сторону (князь Гагарин, один из князей Мещерских, князь Мирский)²¹⁴.

Была ли предопределена судьба этих людей? Ответить на этот вопрос очень сложно. Можно лишь констатировать, что на фоне происходившей мировой войны эмиграция в целом осталась практически незамеченной. Самые мощные государства того времени вели борьбу не на жизнь, а на смерть, и никто из них не собирался учитывать интересы российских изгнанников. У эмигрантов больше не было своего государства, которое могло бы представлять и защищать их, и в армии которого они могли бы сражаться. Предопределенным было лишь то, что каждый должен был делать свой личный выбор, к кому присоединиться и присоединиться ли вообще. Некоторая предопределенность была и в самих вариантах: выбранная сторона в любом случае не являлась той Россией, за которую многие эмигранты сражались в годы Первой мировой, а потом и Гражданской войны, а значит, не могла полностью понимать и отражать их чаяния (а зачастую и не хотела).

После эвакуации Русской армии военные эмигранты, словно осколки императорской России, рассеялись по миру. Многие из них не нашли себе места на чужбине: став единожды изгнанниками поневоле, они остались ими²¹⁵. В 1941 году самые непримиримые из этих людей пришли в составе иностранной армии. Два десятилетия отделяли от той страны, которую они когда-то вынуждены были покинуть. Старой России уже не было, за это время изменилось многое, если не все. Обрели ли эмигранты Родину, к которой так стремились с чужбины, придя в уже советскую Россию вместе с немцами, и можно ли было ее обрести таким путем? Подпоручик Губанов 6 августа 1952 года писал: *«Офицеры белых армий и в Русском Корпусе, и в казачьих частях ген. Краснова и переводчиками разных армий продолжали служить той же [...] идее: “За Великую Россию, если в бой зовут...”»*²¹⁶ Полковник Ходнев считал иначе: *«...Что поделать, не сулил Господь освободить тогда нашу Родину, не настали, видимо, еще сроки, и путь был, очевидно, не тот...»*²¹⁷

Тема белоэмигрантов в вермахте характеризуется глубокой противоречивостью: разрывом между личной мотивацией эмигрантов и тем, чем все обернулось в жизни; между представлениями и надеждами изгнанников и реалиями той войны и армии, к которой они присоединились. Во всем этом, по мнению редактора-составителя, и есть двухсторонняя сложность предпринятого этими людьми выбора; до определенной степени — их трагедия. По личному мнению редактора-составителя, однозначного определения, касающегося выбора части русской военной эмиграции в годы войны, не существует. Особая сложность темы не позволяет уместить ее в рамки дихотомии «предательство — патриотизм».

Можно согласиться с мнением историка С. И. Дробязко: *«Немногие нашли в себе силы признаться в самообмане призрачными надеждами на добрую волю нацистского руководства и крушение советского режима в результате “внутреннего взрыва”. Однако прозрение наступило слишком поздно, когда обратной дороги уже не было, и старые эмигранты продолжали вести “свою” гражданскую войну, плечом к плечу со вчерашними красноармейцами, в создании воинских частей из которых они в свое время приняли самое активное участие»*²¹⁸.

Это почти в полной мере относится к Завадскому. Надеясь на крушение советского строя в результате «внутреннего взрыва», он командовал небольшим формированием из бывших красноармейцев, будто бы ведя свою «личную войну», на фоне более глобальной войны, которую, преследуя лишь свои цели, вела чужая армия, частью которой они были.

Похожий сюжет про ветерана Гражданской войны, эмигранта-переводчика Подберезкина, пришедшего с немецкой армией и мучительно ищущего свое место в бушующем океане войны, был выражен в прозе Е. А. Гагарина²¹⁹. В. Л. Герлах, основываясь на своих записях времен войны, осмысливал свой опыт, изложив его в виде романа²²⁰. Однако дневник Завадского куда сильнее этих произведений: он реален, как существовал в реальности и его автор. Эти записи делались именно в то военное время, когда будущее было совершенно неясным. Это маленький отрывок из жизни человека на фоне эпохи, личное, частное восприятие происходивших событий.

Данный дневник будет интересен как российским, так и зарубежным исследователям военного коллаборационизма и темы русской военной эмиграции. Он расширяет список доселе неизвестных источников по теме иностранных формирований вермахта, и представляет собой уникальный документ, свидетельство эпохи, в котором отразилась часть жизни одного из тех белоэмигрантов, что присоединились к немецкой армии в годы Второй мировой войны. Именно так его и стоит воспринимать: как редчайший исторический источник и информацию к размышлению о сложных страницах русской истории, кровавого XX столетия, ставшего для России во многих смыслах роковым. Тема войны еще долго будет актуальной: слишком много жизней было отдано, слишком тяжел был понесенный ущерб. Множество «белых пятен», трудных тем внутри истории войны будут требовать беспристрастного изучения. Быть может, пришло время рассмотреть одну из этих тем, доселе скрытых в толще лет.

Дневник публикуется в новой орфографии (оригинальный текст написан в дореволюционной орфографии). Неверная пунктуация, ошибки и опечатки исправлены без оговорок. В квадратных скобках редактор-составитель раскрыл значение сокращаемых автором дневника слов или подразумеваемых имен.

В случае неясности оригинального текста пишется «[неразб.]»; в случае непонятности того, что имел в виду автор, пишется «[?]»; оставлены зачеркивания в оригинальном тексте. Текст снабжен комментариями по упоминаемым персоналиям, событиям и формированиям.

Редактор-составитель выражает искреннюю благодарность Ирине Григорьевне Завадской (Литва), которая любезно предоставила данный источник и фотоматериалы к нему для публикации. Также хочется отметить и поблагодарить за обстоятельную помощь и всестороннюю поддержку к.и.н. Кирилла Михайловича Александрова, Винсента Домэрга (Франция), Фернана Кайзергрубера (Бельгия), Виталия Евгеньевича Койсина, Игоря Романовича Петрова (Германия), Константина Константиновича Семенова.

Примечания

1. *Цурганов Ю. С.* Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 10, 11, 13, 27.
2. *Волков С. В.* Характер и перспективы Второй мировой войны в оценке русской военной эмиграции // Русское зарубежье и Вторая мировая война: IV Культуролог. Чтения «Русская эмиграция XX века». М., 2013. С. 14.
3. *Антропов О. К.* Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). Астрахань, 2008. С. 101–114; *Кручинин А. С.* Один год эмиграции генерала Я. А. Слащова-Крымского. Попытка историко-психологической реконструкции // Люди и судьбы Русского зарубежья: сб. статей. М., 2011. С. 99–120.
4. *Антропов О. К.* Третий путь для России. Пореволуционные организации и движения российской эмиграции 1920–1930-х гг.: монография. Астрахань, 2011.
5. *Чичерюкин-Мейнгардт В. Г.* Дроздовцы после Галлиполи // Дроздовский и дроздовцы. М., 2006. С. 597–651.
6. В. К. Абданк-Коссовский — Российские офицеры в изгнании / Публикация *И. В. Образцова* // Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 90–96.
7. *Окороков А. В.* Русские добровольцы. М., 2004. С. 13.
8. Подробнее об этом сотрудничестве см.: *Kellogg M.* The Russian Roots of Nazism: White Emigrés and the Making of National-Socialism, 1917–1945. N. Y., 2005.
9. *Широкова Е. А.* Генерал А. А. фон Лампе и его дневник: взгляд на военную эмиграцию // Новый исторический вестник. 2000. № 2. С. 83.
10. Под знаком свастики // Между Россией и Сталиным: российская эмиграция и Вторая мировая война. М., 2004. С. 48–69; *Семелов К. К.* Политические солдаты Гитлера. М., 2011. С. 263–272; *Стефан Д.* Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945. М., 1992; *Jdanoff D.* “Russische Faschisten“. Der nationalsozialistische Flügel der russischen Emigration im Dritten Reich. Magisterarbeit, Humboldt-Universität zu Berlin, Philosophische Fakultät I. Berlin, 2003.
11. *Орехов В.* От Брюсселя до Варшавы // Часовой. 5-го июля 1937 г. № 193. С. 17, 18.

12. *Coudenys W.* Russian Collaboration in Belgium during World War II. The Case of Jurij L. Vojcehovskij // *Cahiers du Monde russe.* Avril-septembre 2002. Vol. 43. № 2–3. P. 487.

13. *Войцеховский С. Л.* Новая Германия и «Русский вопрос» // *Часовой.* 5-го августа 1937 г. № 194. С. 3.

14. См.: *Орехов В.* С Новым Годом! // *Часовой.* 1 января 1939 г. № 227. С. 20.

15. *Robinson P.* The White Russian Army in Exile. N.Y., 2002. P. 219.

16. *Ibid.*

17. *Семенов К. К.* Лицом к солнцу: участие белоэмигрантов в гражданской войне в Испании (1936–1939) // *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына*, 2010. М., 2010. С. 46–74; *Огороков А. В.* Русские добровольцы. С. 107–144.

18. *Keene J.* Fighting for Franco: International Volunteers in Nationalist Spain during Spanish Civil War, 1936–1939. London, 2007. P. 207, 208.

19. Привет испанским «корниловцам» // *Часовой.* Август 1936 г. № 172. С. 2, 3; Русский доброволец в Испании (из письма) // *Часовой.* 1 сентября 1936 г. № 173. С. 5; Вива Эспанья! // *Часовой.* 20-го марта 1937 г. № 187. С. 12.

20. *Александров К. М.* Антисталинский протест в период Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // *Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели: сборник статей и материалов.* М., 2005. С. 17–43; *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «терийокского правительства». СПб.; Хельсинки, 2003. С. 219–224; *Веригин С. Г.* Предатели или жертвы войны: коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2012. С. 75–78; *Зимняя война 1939–1940.* Книга первая. Политическая история. М., 1999. С. 326; *Советско-финляндская война 1939–1940: в 2 т. Т. II / сост.: П. В. Петров, В. Н. Степаков.* СПб., 2003. С. 281, 282.

21. *Орехов В.* Будем достойны русского имени! // *Часовой.* 5-го декабря 1939 г. № 246. С. 2.

22. II отдел РОВС (Германия) 22 октября 1938 года под давлением германских властей был преобразован в формально независимое Объединение Русских Воинских Союзов.

23. Исторический очерк зарождения и развития Российского Военно-Национального Освободительного Движения имени генералиссимуса А. В. Суворова // *Перекличка. Орган связи белых воинов в С.А.С.Ш-х.* 15 июля 1953 г. № 26. С. 20; *Дробязко С. И.* Эпопея гене-

рала Смысловского // *Материалы по истории Русского Освободительного Движения: сб. статей, документов и воспоминаний. Вып. 4. Под общей ред. А. В. Огорокова. М., 1999. С. 119; Семенов К. К. Берлинский узел РОВСа (1920–1945) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012. М., 2012. С. 39.*

24. *Гетманенко О. Д., Юшко А. А. Черная белая гвардия (о судьбе белогвардейцев-эмигрантов) // Военно-исторический журнал. 1989. № 11. С. 46; Голдин В. И. Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. Мурманск, 2005. С. 170, 171, 174–178, 191, 192; Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К. Иностранцы формирования Третьего рейха. М., 2009. С. 557, 558; Цурганов Ю. Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытка реванша. 1939–1945. М., 2010. С. 99, 100.*

25. *Цурганов Ю. Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытка реванша. С. 104.*

26. Запись в дневнике штаба оперативного руководства ОКВ о создании оккупационного режима на территории Советского Союза. 3 марта 1941 г. // 1941 год: в 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 709.

27. Между Россией и Сталиным... С. 5.

28. *Голдин В. И. Роковой выбор... С. 188, 189.*

29. *Махров П. С. В Белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 11.*

30. *Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. Т. 1. М., 1994. С. 276. Со ссылкой на: Галай Н. На собрании оборонцев // Сигнал. 1938. № 27. 15 марта. С. 4. См. также: Секретный доклад генерала Махрова // Грани. Журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли. 1982. № 124. С. 188, 189.*

31. О восприятии начавшейся войны см.: *Морской Журнал. Июль 1941. № 145(2). С. 2–20; Бюллетень Объединения Лейб-Гвардии Московского полка. 23 августа / 8 сентября 1941 года. № 87. С. 1–3; Галлиполийский вестник. 23 июня 1941 г. № 96. С. 1–3; Кромиади К. За землю, за волю... Сан-Франциско, 1980. С. 22–25; Крикунов П. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М., 2005. С. 75–84; Baur J. Die russische Kolonie in München 1900–1945: deutsch-russische Beziehungen im 20. Jahrhundert. Wiesbaden, 1998. S. 295.*

32. *Shkarovskij M. Die Kirchenpolitik des Dritten Reiches gegenüber den orthodoxen Kirchen in Osteuropa (1939–1945). Münster, 2004. S. 117; Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь. Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированных территориях СССР. М., 2002. С. 248.*

33. Förster J. The "Crusade" Aspect // Germany and the Second World War. Volume IV: The Attack on the Soviet Union. N.Y., 1999. P. 1051.

34. Dallin A. Deutsche Herrschaft in Rußland 1941–1945. Eine Studie in Besatzungspolitik. Düsseldorf, 1958. S. 123.

35. Гулязов И. А. Легион «Идель-Урал». М., 2009. С. 53.

36. Hagemann J. Die Presselenkung im Dritten Reich. Bonn, 1970. S. 170, 237, 269; Sündermann H., Sudholt G. Tagesparolen: deutsche Presseanweisungen 1939–1945: Hitlers Propaganda und Kriegsführung. Leoni am Starnberger See, 1973. S. 170, 171.

37. Выдержка из циркулярного письма оберквартирмейстера при командовании 16-й армии от 19.10.1941 г. о списке гражданских лиц, настроенных лояльно к Германии // Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Документальная экспозиция. Берлин, 1994. С. 83.

38. Цурганов Ю. Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытка реванша. С. 102.

39. Абрамян Э. Кавказцы в Абвере. М., 2006. С. 75–81; Боляновский А. Українські військові формування в збройних силах Німеччини (1939–1945). Львів, 2003. С. 41–87; Мамулия Г. Г. Грузинский легион вермахта. М., 2011. С. 41, 266–281; Романько О. В. Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941–1945). Симферополь, 2008. С. 204, 205; Thomassian L. Summer of '42: A Study of German-Armenian Relations during the Second World War. Atglen, PA, 2012. P. 30–38.

40. Глазенан П. В. Письмо в редакцию // Часовой. Декабрь 1950 г. № 303(11). С. 23; Institut für Zeitgeschichte (IfZ) — München. ZS A—3/1. Bl. 114.

41. См. например: Dawletschin T. Von Kasan nach Bergen-Belsen: Erinnerungen eines sowjetischen Kriegsgefangenen. Göttingen, 2005. S. 46, 47; Koulomzin S. Many Worlds: A Russian Life. N.Y., 1980. P. 203, 226; Гончаренко О. Г. Изгнанная армия. Полвека военной эмиграции. 1920–1970 гг. М., 2012. С. 279; Осипова Л. Дневник коллаборантки // «Свершилось. Пришли немцы!». Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2012. С. 89, 92; Подевильс К. Бои на Дону и Волге. Офицер вермахта на Восточном фронте. 1942–1943. М., 2010. С. 15.

42. Цурганов Ю. Белоэмигранты и Вторая мировая война... С. 89.

43. «Вскоре к нам зашел высокий красивый немец и вдруг заговорил на чистом русском языке. Мы очень удивились, а оказалось, что он рус-

ский. Его отец в империалистическую войну был в плену у немцев, работал у немецкого бауера и, поскольку его хозяин был хорошим человеком, отец Коли Денисенко (так звали нашего нового знакомого) вызвал в Германию жену с ребенком; этим ребенком и был Коля. Ему тогда шел только второй годик, а теперь ему 22, немецкий язык он знает, как и русский, и служит у командира дивизии переводчиком. Он заверил, что, если кто-либо из нас заберут немцы, допрашивать будет он и переведет наши показания так, как нужно. С помощью Коли Денисенко я за шесть-семь месяцев освоил разговорную речь на языке врагов, и мне это впоследствии очень помогло. Жалею только, что я не записал адреса этого русского человека».

Цит. по: Братышенко И. Испанцы, немцы, балалайка: из воспоминаний // Чело: альманах. 2000. № 2(18). С. 82.

В РГВА хранится допрос советского военнопленного, в котором участвовал переводчик Денисенко, см.: РГВА. Ф. 1387. Оп. 1. Д. 104. Л. 205.

44. *Стеенберг С.* Гитлер спас Сталина. Выступление на XXVI расширенном совещании «Посева» (1974) // Вторая мировая: иной взгляд. Историческая публицистика журнала «Посев» / сост. и ред. Ю. С. Цурганов. М., 2008. С. 198, 199.

45. «22 июня 1941 г. Брест. В 3.15 батарея начинает стрелять ...». Военный дневник Эберхарда фон Ханкследе — солдата 29 артиллерийского полка 29-й пехотной дивизии. Минск, 2011. С. 39; Испанцы в России // Наша страна. 24 февраля 2007. № 2814. С. 8; *Рудинский В.* Испанцы Голубой дивизии // Наша страна. 8 сентября 2007. № 2827. С. 5; *Hartmann C.* Wehrmacht im Ostkrieg. Front und militärisches Hinterland 1941/42. München, 2009. S. 264.

46. *Seaton A.* The Russo-German War 1941–45. N.Y., 1971. P. 223.

47. *Кривошеева Е. Г.* Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны (1936–1945 гг.). М., 2001. С. 55.

48. *Ходнев Д. И.* Месяц в Германской Армии // Финляндец. Осведомительный листок Объединения Лейб-Гвардии Финляндского полка. 1955. № 31. С. 17–21.

49. *Ходнев Д. И.* Месяц в Германской Армии // Финляндец. Осведомительный листок Объединения Лейб-Гвардии Финляндского полка. 1955. № 32. С. 24–30.

50. *Ходнев Д. И.* Месяц в Германской Армии // Финляндец. Осведомительный листок Объединения Лейб-Гвардии Финляндского полка. 1956. № 33. С. 48–53.

51. В исследовании Федорова сказано, что Карцев был немцем по национальности и носил приставку «фон», однако это не подтверждается другими источниками. Вопрос о немецком происхождении Карцева остается открытым.

52. Федоров Е. С. Правда о военном Ржеве: документы и факты. Ржев, 1995. С. 48, 49, 200.

53. Александров К. М. Армия генерала Власова 1944–1945. М., 2006. С. 472; Он же. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944–1945. М., 2009. С. 499, 509, 988.

54. Голдин В. И. Роковой выбор... С. 195; Семенов К. К. Берлинский узел РОВСа (1920–1945)... С. 40.

55. В редакцию «Переключки» // Переключка. Орган связи белых воинов в С.А.С.Ш-х. 15 ноября 1952 г. № 19. С. 5.

56. Там же. С. 6.

57. Вести с родины (из писем переводчиков) // Галлиполийский вестник. 20 ноября 1941 г. № 100. С. 8–15.

58. По какой-то причине в «Галлиполийском вестнике» эти письма представлены, как идущие от разных респондентов, когда в «Бюллетене» это один персонаж, скрытый под буквами «Н. Д.». Также интересно то, что в «Бюллетене» этот «Н. Д.» назван шофером, а не переводчиком. См.: Выписки из писем, полученных в Париже от русских офицеров, поступивших переводчиками в Герм. Армию, с театра военных действий из освобожденных от большевиков местностей России // Галлиполийский вестник. 20 ноября 1941 г. № 100. С. 21–23; Россия сегодняшнего дня // Бюллетень Объединения Лейб-Гвардии Московского полка. 23 августа / 8 сентября 1941 года. № 87. С. 18–20.

59. См. например: Записки переводчика // Новое слово. 24 августа 1941 г. № 35 (364). С. 4, 5; Записки переводчика // Новое слово. 7 сентября 1941 г. № 37 (366). С. 6, 7; Письмо переводчика // Новое слово. 21 сентября 1941 г. № 39 (368). С. 6.

60. См. например: Письмо из России от уехавшего со второй группой // Парижский вестник. 28 июня 1942 года. № 3. С. 5; Письма оттуда // Парижский вестник. 5 июля 1942 года. № 4. С. 4.

61. Письма оттуда. О том, что видят, слышат, думают и как живут русские офицеры, уехавшие из Парижа в Россию // Парижский вестник. 12 июля 1942 года. № 5. С. 4; Впечатления переводчика // Парижский вестник. 26 июля 1942 года. № 7. С. 4; Письма оттуда // Парижский вестник. 9 августа 1942 года. № 9. С. 4.

62. Оповещение Управления Делами Русской Эмиграции во Франции // Парижский вестник. 14 июня 1942 года. № 1. С. 1, 2; Штрик-Штрикфельдт В. К. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М., 1993. С. 58.

63. *Ильинский П. Д.* Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии. (Жизнь Полоцкого округа 1941–1944 годов) // Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / Составитель *К. М. Александров*. СПб., 2011. С. 135.

64. Письма оттуда. О том, что видят, слышат, думают и как живут русские офицеры, уехавшие из Парижа в Россию // Парижский вестник. 12 июля 1942 года. № 5. С. 4.

65. *Dodenhoeft В. Vasilij von Biskupskij* — Eine Emigrantenkariere in Deutschland // *Russische Emigration in Deutschland. 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg*. Berlin, 1995. S. 227.

66. Мой разговор с белогвардейцем (сообщение священника г. Старицы Иоанна Соколова) // Правда о религии в России. М., 1942. С. 427, 428.

67. *Александров К. М.* Белая военная эмиграция и Вооруженные силы Комитета Освобождения Народов России // Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. Сборник статей и материалов. СПб., 2003. С. 204; *Ильинский П. Д.* Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии... // Под немцами... С. 135; *Думбадзе А.* Из записок переводчика // Возрождение. Ежемесячный литературно-политический журнал. Март 1969. № 207. С. 61–75.

68. *Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К.* Иностранные формирования Третьего рейха. С. 565.

69. *Скородумов М. Ф.* История возникновения Русского Корпуса в Сербии // Русский Корпус на Балканах (1941–1945). Сборник воспоминаний и документов. СПб., 1999. С. 43–54; *Кьосева Ц.* Русские эмигранты из Болгарии в Русском охранном корпусе в Югославии. (По документам болгарских архивов) // Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания. СПб., 2011. С. 100–114; *Тимофеев А. Ю.* Русская эмиграция и гражданская война в Югославии, 1941–1945 // Русский сборник: исследования по истории России. Том VI. М., 2009. С. 200–211.

70. *Бутков П. Н.* За Россию: русские «белые» в борьбе против русских «красных», сталинского террора, нацизма и коммунизма (1917–1994). СПб., 2001. С. 39–43; *Грибков И. В., Жуков Д. А., Ковтун И. И.* Особый штаб «Россия». М., 2011. С. 104–111; *Жуков Д. А., Ковтун И. И.* РННА. Враг в советской форме. М., 2012. С. 12–26; *Каров Д. П.* Немецкая оккупация и советские люди в записках русского офицера Абвера, 1941–1943 годы // Под немцами... С. 383–429; *Чуев С. Г.* Спецслужбы Третьего Рейха. Книга I. СПб., М., 2003; *Он же.* Спецслужбы Третьего Рейха. Книга II. СПб., М., 2003.

71. *Кромиади К.* За землю, за волю... С. 25–48; Живая память. Сборник писем бывших советских военнопленных. М., 2005. С. 51, 64.

72. К примеру, семья Трушновичей. Отец, Александр Рудольфович, был словенцем по национальности и перешел на сторону русских в годы Первой мировой, впоследствии воевал в Корниловском полку и, оставшись в СССР, застал первые 12 лет советской власти. В конце войны вступил в ВС КОНР. Его сын Ярослав присоединился к отцу. См.: *Трушнович А. Р.* Воспоминания корниловца: 1914–1934. Москва—Франкфурт, 2004; *Трушнович Я. А.* Русские в Югославии и Германии в 1941–1945 гг. // Новый Часовой. Русский военно-исторический журнал. 1994. № 2. С. 140–172.

73. *Морелли А.* На Родине // Часовой. Май 1951 г. № 308(5). С. 23–25; *Морелли А.* На Родине // Часовой. Июнь 1951 г. № 309(6). С. 15, 16; *Морелли А.* На Родине // Часовой. Июль 1951 г. № 310(7). С. 16, 17; *Морелли А.* На Родине // Часовой. Сентябрь 1951 г. № 311(8). С. 22–25.

74. *Волков С. В.* Офицеры армейской кавалерии: опыт мартиролога. М., 2004. С. 500; *Он же.* Офицеры флота и морского ведомства: опыт мартиролога. М., 2004. С. 20; *Рутченко-Рутыч Н. Н.* Среди земных тревог: воспоминания. М., 2012. С. 473–477; *Сафронов В. Г.* Итальянские войска на Восточном фронте. 1941–1943 гг. М., 2012. С. 123; *Фолькерт Р.* Александр Александрович Стацевич. Некролог // Кадетская перекличка. Апрель 1990. № 48. С. 135–137.

75. *Пихурик Ю.* Русская эмиграция в Южном крае в Венгрии в 1941–1944 годах // Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы). М., 2012. С. 148–152.

76. *Stephan J. J.* The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile, 1925–1945. London, 1978. P. 196–199, 323; *Окороков А. В.* В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. М., 2013. С. 109–119; *Смирнов С. В.* Отряд Асано: русские воинские формирования в Маньчжоу-Го, 1938–1945. Екатеринбург, 2012. С. 28–136; *Чуев С. Г.* Проклятые солдаты. Предатели на стороне III рейха. М., 2004. С. 40–52.

77. *Расс К.* Человеческий материал. Немецкие солдаты на Восточном фронте. М., 2013. С. 316–339.

78. *Broszat M., Fröhlich E.* Alltag und Widerstand. Bayern im Nationalsozialismus. München — Zürich, 1987. S. 49. Исследования показывают, что офицеры вермахта, являвшиеся выходцами из аристократических кругов, реже вступали в НСДАП, см.: *Bartov O.* The Eastern Front, 1941–45, German Troops and the Barbarisation of Warfare. N.Y., 1986. P. 46.

79. *Доллман Е.* Переводчик Гитлера. Десять лет среди лидеров нацизма. 1934–1944. М., 2008. С. 206, 207; *Штрайт К.* «Они нам не товарищи...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М., 2009. С. 25, 34; *Fritz S. G.* Ostkrieg: Hitler's War of Extermination in the East. Kentucky, 2011. P. 105, 106.

80. *Яремчук 2-й А. П.* Моя последняя — четвертая — война // Мемуары власовцев. М., 2011. С. 8.

81. См. например: «Сердце раздирается на части». Письма председателя Объединения русских воинских союзов А. А. фон Лампе. Июнь — октябрь 1941 г. / Публикация З. С. Бочаровой и Л. И. Петрушевой // Исторический архив. Научно-публикаторский журнал. 2010. № 3. С. 39–55; *Голдин В. И.* Роковой выбор... С. 190, 191. Об оккупации в целом и проводимой политике см.: *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация. М., 2010; *Schulte T. J.* The German Army and Nazi Policies in Occupied Russia. Oxford, New York, Munich, 1989.

82. *Сердаковский Л. В.* У Хорти в Будапеште // Кадетская переключка. Февраль 1981. № 27. С. 65–69; Памяти Л. В. Сердаковского // Там же. С. 110.

83. *Александров К. М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944–1945. С. 78, 79, 86, 87, 90, 91, 95, 96; *Хавкин Б. Л.* Сопrotивление в рядах вермахта на Восточном фронте и генерал Х. фон Тресков // Новая и новейшая история. 2013. № 1. С. 157–175; *Штрик-Штрикфельдт В. К.* Против Сталина и Гитлера... С. 54–66; *Gersdorff R.-C. von.* Soldier in the Downfall: A Wehrmacht Cavalryman in Russia, Normandy, and the Plot to Kill Hitler. Bedford, PA, 2012. P. 84–86.

84. *Храмов И. В.* Русская душа «Белой розы». Оренбург, 2009. С. 104–127; Александр Шморель. Протоколы допросов в гестапо. Февраль — март 1943 г. (РГВА. Ф. 1361 К. Оп. 1. Д. 8808): пер. с нем. *Храмова И. В.* / Автор вступит. статьи, сост. *Храмов. И. В.* Оренбург, 2005.

85. См. подробнее: *Романько О. В.* Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941–1945. М., 2013. С. 12–17.

86. *Гилязов И. А.* Легион «Идель-Урал». С. 212. См. также: *Abso- lon R.* Die Wehrmacht im Dritten Reich. Band VI, 19. Dezember 1941 bis 9. Mai 1945. Woppard am Rhein, 1995. S. 633.

87. *Гилязов И. А.* Легион «Идель-Урал». С. 213.

88. Institut für Zeitgeschichte (IfZ) — München. MA—329, Bl. 2655. Источник предоставлен А. В. Резяпкиным (Германия).

89. *Hoffmann J.* Deutsche und Kalmyken: 1942 bis 1945. Freiburg, 1974. S. 98. Со ссылкой на: ОКВ, betr. Verwendung von russischen Emigranten in der Wehrmacht, Nr. 002152/42 gKdos./WFSSt/Qu.(II), 27.6.1942.
90. *Дробязко С. И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2004. С. 88, 354; *Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945.* Koblenz, 1983. S. 201–205.
91. *Hitler and His Generals: Military Conferences 1942–1945. The First Complete Stenographic Record of the Military Situation Conferences, from Stalingrad to Berlin.* N. Y., 2003. P. 162.
92. *Семенов К. К.* Берлинский узел РОБСа (1920–1945)... С. 36, 37; *Пермикин Борис Сергеевич. Генерал, рожденный войной. Из записок 1912–1959 гг. / редактор-составитель С. Г. Зурин.* М., 2011. С. 270; *Чавчавадзе Г. Н.* О Русском Освободительном Движении // *Материалы по истории Русского Освободительного Движения: сб. статей, документов, воспоминаний.* Вып. 2. Под общ. ред. *А. В. Огорокова.* М., 1998. С. 401.
93. *Korõtin I.* Vene ohvitserid Eesti sõjaväes 1918–1940. Tallinn, 2012. L. 10–17, 51–59; *Laar M.* Eesti Sõdur II Maailmasõjas. Tallinn, 2009. L. 143, 298, 299, 314; *Latviešu leģionāri / Brūvelis E... et al.* Rīga, 2005. L. 98, 146, 280, 284.
94. *Haaest E.* Frontsvin. Frikorps Danmark-folk om kampene ved Ipmensøen. Lyngø, 1975. S. 56–62; *Werther S.* Dänische Freiwillige in der Waffen-SS. Berlin, 2004. S. 79–81. Наиболее полную биографию Шальбурга см.: *Kirkebæk M.* Schalburg — en patriotisk landsforræder. København, 2008.
95. *Blindheim S.* Nordmenn under Hitlers fane. Dei norske frontkjemparane. Oslo, 1977. S. 115, 116; *Legionsminner. Trekk av den Norske Legions historie.* Oslo, 1943. S. 84; *Trang C.* Waffen-SS: dictionnaire. Volume 4. Damigny, 2012. P. 293; *Veum E. Brenden G.* De som falt. Nordmenn drept i tysk krigstjeneste. Oslo, 2010. S. 289.
96. *Бэйда О. И.* Французский легион на службе Гитлеру. 1941–1944 гг. М., 2013. С. 273–275; *Lambauer B.* Otto Abetz et les Français ou l'envers de la Collaboration. Paris, 2001. P. 402.
97. *Obhodaš A., Mark J. D.* Croatian Legion: The 369th Reinforced (Croatian) Infantry Regiment on the Eastern Front 1941–1943. Sydney, 2010. P. 6 [*Obhodaš A., Mark J. D.* Hrvatska legija: 369. pojačana (hrvatska) pješaka pukovnija na Istočnom bojištu 1941–1943. Zagreb, 2012]; *Pojić M.* Hrvatska pukovnija 369. na istočnom bojištu 1941–1943.: ratni dnevnik. Zagreb, 2007. S. 16.

98. *Огороков А. В.* Русские добровольцы. С. 119, 120; *Яремчук 2-й А. П.* Русские добровольцы в Испании. 1936–1939. Сан-Франциско, 1983. С. 365–369, 372; *Julia X. M.* La División Azul. Sangre española en Rusia, 1941–1945. Barcelona, 2005. P. 399–401; *Sagarra P., Castillo V.* Lejos de España, pero por España. Las mejores fotos de la División Azul. Madrid, 2011. P. 128.

99. *Рудинский В. С.* Испанцами на Ленинградском Фронте // Под Белым Крестом. Сентябрь 1952. № 3. С. 13.

100. *Бучин Д. Ю.* Коррида на Восточном фронте. Испанские добровольцы в вермахте. М., 2005. С. 34; *Esteban J. D., Redondo E. R., Esteban E. R.* The Military Intervention Corps of the Spanish Blue Division in the German Wehrmacht 1941–1944: Organization, Uniforms, Insignia, Documents. Atglen, PA, 2008. P. 175, 176; *Kleinfeld G. K., Tambs L. A.* Hitler's Spanish Legion: The Blue Division in Russia. Carbondale and Edwardsville, London and Amsterdam, 1979. P. 334–344; *Morales G., Togores L. E.* La División Azul: las fotografías de una historia. Madrid, 2009. P. 45–49.

101. *Яремчук 2-й А. П.* Моя последняя — четвертая — война... С. 9, 10. См. также: *Absolon R.* Die Wehrmacht im Dritten Reich. Band V, 1. September 1939 bis 18. Dezember 1941. Boppard am Rhein, 1988. S. 247.

102. Anlage zu M.i.G. Ia/Org. Nr. 169/42 geh. v. 23.2.42. Richtlinien für personelle Reorganisation // NARA. T—501. R. 223. F. 263; OKH Chef H Rüst und BdE АНА/Ia (VI) Nr. 7103/42 geh. 3.3.42. Reorganisation der Franz. Legion // NARA. T—501. R. 223. F. 298.

103. OKH/Gen.St.d.H./Gen.d.Osttr. II Nr. 6576/43, 21.10.43 // NARA. T—501. R. 223. F. 147.

104. *Маньков С. А.* Русские добровольцы в составе Валлонского легиона, 1941–1945 гг. // Новый Часовой. Русский военно-исторический журнал. 2006. № 17–18. С. 174; *Лебедев Л. (прот.)* Российский имперский союз-орден // Имперцы. 70 лет. 1929–1999. Б.м., б.г. С. 10; Имперец. Циркуляр Верховного Совета РИС-О. Осень 2004. Номер 46. С. 3.

105. *Кузнецов Н. А.* Русский флот на чужбине. М., 2009. С. 354–356; *Кузнецов Н. А., Семенов К. К.* Судьба морского офицера Георгия Чехова // Нансеновские чтения 2009. СПб., 2010. С. 269–276.

106. *Coudenys W.* Russian Collaboration in Belgium during World War II... P. 504.

107. *De Bruyne E., Rikmenspoel M.* For Rex and for Belgium. Léon Degrelle and Walloon Political & Military Collaboration 1940–45. Solihull, 2004. P. 224.

108. Капитан Р. В. Завадский // Дворянское Собрание: историко-публицистический и литературно-художественный альманах. 1995. № 3. С. 283.

109. *Verlaine T.* La Légion Wallonie en photos et documents. Erpe, 2006. P. 351.

110. *Александров К. М.* Белая военная эмиграция и Вооруженные Силы Комитета Освобождения Народов России // Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели: сборник статей и материалов. С. 362; *Ожороков А. В.* Знаки русской эмиграции 1920–1990. М., 2005. С. 121; *Ронин В. К.* «Русское Конго»: 1870–1970: книга-мемориал: в 2 т. Т. 1. М., 2009. С. 446, 447.

Наиболее полный материал по истории Дружины см.: *Beliauskaya N., Kharkevitch C.* La Drougina et la Belgique // *Militaria Belgica.* 2005. P. 17–60.

111. Русская Стрелковая Дружина в Бельгии // Часовой. Пасхальный 1935 г. № 146–147. С. 30; Русская Стрелковая Дружина в Бельгии // Часовой. Июнь 1935 г. № 150. С. 6; Русская Стрелковая Дружина в Бельгии. Выпускной праздник военного училища // Часовой. Сентябрь 1935 г. № 154–155. С. 18; *Ожороков А. В.* Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945 гг.). М., 2000. С. 62–66; *Ронин В. К.* «Русское Конго»... С. 446, 447; *Coudenys W.* Leven in tijden van oorlog: Russen in België, 1914–1950 // *De Russische beer en de Belgische leeuw: drie eeuwen Russische aanwezigheid in België.* Leuven, 2005. P. 85.

112. Памятник Генералу Врангелю // Часовой. 1-го июня 1938 г. № 213. С. 21.

113. Помни Россию // Часовой. 31 мая 1931 г. № 56. С. 3.

114. По гарнизонам и постанам... // Часовой. 15 декабря 1931 г. № 70. С. 25.

115. Письмо от Э. де Брюйна. 08.05.2012 // Личный архив автора (ЛАА).

116. *Маньков С. А.* Бельгийский коллаборационизм и русская правая эмиграция в 1940–1945 гг. // Нансеновские чтения 2009. С. 87, 88; История Российского имперского союза-ордена: 1929–2009 гг. // Имперцы. 80 лет РИС-О. 1929–2009. Б.м., б.г. С. 18.

117. *Knoebel E. E.* Racial Illusion and Military Necessity: A Study of SS Political and Manpower Objectives in Occupied Belgium. University of Colorado, Ph.D., 1965. P. 309.

118. Degrelle sprach in Lüttich. Er meldete sich selbst zur Freiwilligenlegion Wallonien // *Brüsseler Zeitung.* 22. Juli 1941. Nr. 201. S. 5.

119. *De Bruyne E.* L'engagement dans la Heer // *Axe & Alliés.* 2006. Hors série № 10. P. 20.

120. *Mabire J.* Brigade d'Assaut Wallonie. La Percée de Tcherkassy. Paris, 1995. P. 146.

121. *Thomas N.* The German Army 1939–45 (3). The Eastern Front 1941–43. Men—at—Arms #326. Oxford, 1999. P. 10.
122. Письмо от Ф. К. 13.03.2012 // ЛАА; *Luytens D.-C.* SS Wallons. Témoignages. Paris — Bruxelles, 2010. P. 287.
123. Запись от 5 сентября 1941 года.
124. Редактор-составитель благодарит за помощь коллекционера А. В. Резяпкина.
125. Запись от 2 сентября 1941 года.
126. Еще один пример первых впечатлений эмигранта см.: *Святополк-Мирский В.* Письма из России 1941 // Посев. Общественно-политический журнал. 2011. № 5(1604). С. 32–35.
127. *De Bruyne E.* Léon Degrelle et la Légion Wallonie: la Fin d'une Légende. Liège, 2011. P. 79.
128. *Tessin G.* Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Band 10: Die Landstreitkräfte 371–500. Osnabrück, 1975. S. 9.
129. От нем. «Hilfswilliger» — желающий помогать. Вспомогательные помощники вермахта, из числа советских военнопленных.
130. *Roba J.-L.* L'Honneur et la Fidélité. Essai de biographie de Lucien Lippert. Erpe, 2005. P. 84.
131. *De Bruyne E., Rikmenspoel M.* For Rex and for Belgium. P. 110.
132. Отчет Р. В. Завадского, ноябрь 1942 года. Л. 1 об. // Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive (BAR). Arkhangelsky collection. Box 1. Folder "Arranged Correspondence".
133. BAR. Там же. Л. 1 об.
134. *De Bruyne E., Rikmenspoel M.* For Rex and for Belgium. P. 112, 273.
135. Ibid., P. 197; *De Bruyne E.* Léon Degrelle et la Légion Wallonie: la Fin d'une Légende. P. 94, 95; *Roba J.-L.* L'Honneur et la Fidélité. P. 124; *Verlaine T.* La Légion Wallonie en photos et documents. P. 358.
136. Письмо от Ф. К. 11.09.2013 // ЛАА.
137. Письмо от Э. де Брюйна. 08.05.2012 // ЛАА.
138. *Luytens D.-C.* SS Wallons. Témoignages. P. 287; *Roba J.-L.* L'Honneur et la Fidélité. P. 84.
139. *Mabire J., Lefèvre E.* Léon Degrelle et la Légion Wallonie 1941–1945. Paris, 1988. P. 163.
140. *Luytens D.-C.* SS Wallons. Témoignages. P. 288, 289.
141. *Broekaert P.* Mon Journal au Paradis. Tome 2: De Meseritz à Tcherkassy. Erpe, 2012. P. 219.
142. Ibid., P. 26.
143. Письмо от И. Г. Завадской. 4.02.2013 // ЛАА; *Mabire J.* Brigade d'Assaut Wallonie. La Percée de Tcherkassy. P. 150.

144. *Roba J.-L.* Sturmbrigade "Wallonien" // Siegrunen. May 1978. № 2. P. 6.
145. *Fierens L.* Prêtre chez les SS. Paris — Bruxelles, 2011. P. 109.
146. *Хоффман Т.* «Викинги» Гитлера. Эсэсовский интернационал. М., 2011. С. 149.
147. NARA. T—70. R. 106; *Kaden E.* Das Wort als Waffe. Der Propagandakrieg der Waffen-SS und die SS-Standarte „Kurt Eggert“. Dresden, 2009. S. 159.
148. *Luytens D.-C.* SS Wallons. Témoignages. P. 289–292; *Broekaert P.* Mon Journal au Paradis. Tome 2: De Meseritz à Tcherkassy. P. 26; *Mabire J.* Brigade d'Assaut Wallonie. La Percée de Tcherkassy. P. 149, 150; *Fierens L.* Prêtre chez les SS. P. 150.
149. *Degrelle L.* La Campagne de Russie 1941–1945. Paris, 1987. P. 211, 212, 215 [*Дегрелль Л.* Штурмовая бригада СС. Тройной разгром. М., 2012].
150. *Philippet H.* Et Mets ta Robe de Bal. Tome II. Erpe, 1999. P. 11, 12; *Mabire J., Lefèvre E.* Léon Degrelle et la Légion Wallonie 1941–1945. P. 158.
151. *Terlin P.* La Neige et Le Sang. Paris, 1998. P. 314.
152. *Roba J.-L.* L'Honneur et la Fidélité. P. 147.
153. *Mabire J., Lefèvre E.* Léon Degrelle et la Légion Wallonie 1941–1945. P. 158; *Mabire J.* Brigade d'Assaut Wallonie. La Percée de Tcherkassy. P. 147.
154. Об участии валлонов в операции «Солнцестояние» см. в книге: *Mörke F.* Der Kampf um den Kreis Arnswalde im Jahre 1945. Göttingen, 2001. Об участии валлонов в боях за альтдамский плацдарм в начале марта 1945 года см.: *Dèvriere B., Mannaert R.* Roger Mannaert. La guerre à 17 ans // 39/45. Décembre 2012. № 306. P. 18–21; *Landwehr R., Nielsen H. T.* Nordic Warriors: SS-Panzer Grenadier Regiment 24 Danmark, Eastern Front, 1943–45. Halifax, 1999. P. 138–146; *Le Tissier T.* Zhukov at the Oder: the Decisive Battle for Berlin. Westport, 1996. P. 101–103; *Zilm F.-R.* Geschichte der Festung und Garnison Stettin. Osnabrück, 1988. S. 172–179.
155. *Verlaine T.* La Légion Wallonie en photos et documents. P. 351.
156. *Luytens D.-C.* SS Wallons. Témoignages. P. 290.
157. *Mabire J.* Brigade d'Assaut Wallonie. La Percée de Tcherkassy. P. 147.
158. *Mabire J., Lefèvre E.* Léon Degrelle et la Légion Wallonie 1941–1945. P. 158.
159. *Fierens L.* Prêtre chez les SS. P. 148.
160. *De Bruyne E., Rikmenspoel M.* For Rex and for Belgium. P. 211.

161. Письмо от Ф.К. 13.03.2012 // ЛАА.

162. Письма от В. Г. Чичерюкина-Мейнгардта. 23.03.2012, 23.04.2012 // ЛАА; *Чичерюкин-Мейнгардт В.Г.* Дроздовцы после Галлиполи. М., 2002. С. 60.

163. Некоторые потерявшиеся валлоны выбирались своими силами, и иногда им это удавалось, см.: *Nash D. E.* Hell's Gate: The Battle of The Cherkassy Pocket, January — February 1944. Stamford, 2009. P. 345–347. Одно из подразделений бригады даже пробивалось назад в «большой котел», чтобы присоединиться к общему прорыву, см.: 1st Battery SS Assault Gun Det. 4 with the “Wallonien” Brigade // Siegrunen. January — March 1987. № 42. P. 20, 21. Часть раненых валлонов была эвакуирована по воздуху, см.: *Williamson G.* Loyalty Is My Honour. London, N.Y., Sydney, Toronto, 1995. P. 117.

164. 5.SS-Sturmbrigade “Wallonie” // Siegrunen. Summer 2007. № 79. P. 119; Cherkassy Pocket. The Final Figures // Siegrunen. Summer 2008. № 80. P. 131; *De Bruyne E., Rikmenspoel M.* For Rex and for Belgium. P. 124; *Landwehr R., Roba J.-L., Merriam R.* The “Wallonien”. The History of the 5th SS-Sturmbrigade and 28th SS Volunteer Panzergrenadier Division. Bennington, Vermont, 2006. P. 26; *Roba J.-L.* L'Honneur et la Fidélité. P. 156; *Strassner P.* European Volunteers. Winnipeg, 1988. P. 138; *Trang C.* Waffen-SS: dictionnaire. Volume 3. Damigny, 2011. P. 300; *Williamson G.* The SS: Hitler's Instrument of Terror. St. Paul, MN, 2004. P. 132; *Мощанский И.* Разгром под Черкассами. Корсунь-Шевченковская наступательная операция 24 января — 17 февраля 1944 года. М., 2005. С. 56, 57.

165. Письмо от Ф.К. 31.08.2013 // ЛАА.

166. *Berger F.* The Face of Courage: the 98 Men who Received the Knight's Cross and the Close-Combat Clasp in Gold. Mechanicsburg, PA, 2011. P. 58, 62; *Agte P.* Europas Freiwillige der Waffen-SS. Biographien aller Inhaber des Ritterkreuzes, des Deutschen Kreuzes in Gold, der Ehrenblattspange und der Nahkampfspange in Gold, die keine Deutschen waren. Europäische Freiwillige aus den Niederlanden, Belgien, Frankreich, Dänemark, Norwegen, Schweden, Finnland, Lettland, Estland und Ungarn. Pluwig, 2000. S. 41.

167. Am Wege unserer Divisionen. Wallonische SS-Freiwillige im Jubel der Heimat // SS Leitheft. 10. Jahrgang. Heft 6, 1944. S. 11–14; *Meyer H.* The 12th SS: the History of the Hitler Youth Panzer Division. Mechanicsburg, PA, 2005. P. 27.

168. *Alksnis E.* Leons Degrels // Ilustrētais žurnāls Frontei un Tēvzemei “Junda”. Maijs, 1944 g. Nr. 9. L. 5; *SS-PK. SS-KB Ceders R.* Leona Degrela rota uzbrūk // Ilustrētais žurnāls Frontei un Tēvzemei “Junda”. Jūlijs, 1944 g. Nr. 14. L. 10; *De Tcherkassy à Bruxelles. Le retour triomphal de la SS Sturmbrigade “Wallonie”.* Erpe, 2003.

169. *Trang C.* Waffen-SS: dictionnaire. Volume 3. P. 272, 273; *Brandt A.* The Last Knight of Flanders: Remy Schrijnen and his SS-Legion "Flandern"/Sturmbrigade "Langemarck" Comrades on the Eastern Front 1941–1945. Atglen, PA, 1998. P. 103.

170. Письмо от Ф.К. 31.08.2013 // ЛАА; *Hoynoski J. J.* The Rexist Badge of Honor and the Wallonie Sleeve Shield // The Military Advisor. Fall 1999. Vol. 10. № 4. P. 24–26; *Hoynoski J. J.* The Silver and Bronze Rexist Badges: Part II // The Military Advisor. Spring 2011. Vol. 22. № 2. P. 6–9.

171. *Littlejohn D.* Foreign Legions of the Third Reich. Vol. 2: Belgium, Great Britain, Holland, Italy and Spain. San Jose, Calif., 1987. P. 128.

172. *Маньков С. А.* Русские добровольцы в составе Валлонского легиона... С. 178–181.

173. Из воспоминаний Н. И. Сахновского о службе в дивизиях войск СС «Викинг» и «Валлония» // *Жуков Д. А., Ковтун И. И.* Русские эсэсовцы. М., 2010. С. 395, 396, 400, 401.

174. Запись от 22 августа 1941 года.

175. Там же.

176. Запись от 29 августа 1941 года.

177. Запись от 14 октября 1941 года.

178. *Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К.* Иностранные формирования Третьего рейха. С. 559. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 9116. Оп. 1. Д. 17. Л. 51.

179. Письмо от Ф.К. 31.08.2013 // ЛАА.

180. *Conway M.* Collaboration in Belgium: Léon Degrelle and the Rexist Movement 1940–1944. New Haven & London, 1993. P. 93–95; *Lewis D. C.* European Unity and the Discourse of Collaboration: France and Francophone Belgium, 1938–1945. A thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Graduate Department of History. University of Toronto, 1996. P. 131, 142; *Neulen H. W.* Eurofaschismus und der Zweite Weltkrieg: Europas verratene Söhne. München, 1980. S. 71, 72, 80, 81, 128.

181. *Degrelle L.* La Campagne de Russie 1941–1945. P. 11, 12 [*Дегрелль Л.* Эсэсовский легион Гитлера. Откровения с петлей на шее. М., 2012].

182. См. например отчет лейтенанта Р. Урдана, служившего в 638-м пехотном полку (французском): SHD 2P 14. Rapport du lieutenant Ourdan. P. 21. О мотивации других французов см.: *Carrard P.* The French Who Fought for Hitler: Memories from the Outcasts. N.Y., 2010. P. 135–148. Симпатии к «новому европейскому порядку» также состав-

ляли один из главных мотивов для вступления в добровольческий корпус СС «Дания»: *Krabbe O. Danske soldater i kamp på Østfronten 1941–1945. Lyngø, 1998. S. 22.*

183. *Bene K. La collaboration militaire française dans la Seconde Guerre mondiale. Talmont-Saint-Hilaire, 2012. P. 70; Christensen C. B., Poulsen N. B., Smith P. S. Under Hagekors og Dannebrog: Danskere i Waffen SS. København, 1998. S. 46–48; Twilight of the Gods: A Swedish Waffen-SS Volunteer's Experiences with the 11th SS-Panzer Grenadier Division "Nordland", Eastern Front 1944 — 45 / edited by T. Hillblad. Solihull, 2002. P. 11, 29, 54 [*Jerk V. Ragnarök. En frivillig svensk Waffen-SS-soldat berättar om slutsriden i Europa 1945. Linköping, 2004*].*

184. *Degrelle L. La Campagne de Russie 1941–1945. P. 91.*

185. *Bemme B. Образ врага: расистские элементы в немецкой пропаганде против Советского Союза // Почему Гитлер проиграл войну? Немецкий взгляд. М., 2012. С. 128–146; Pedersen H. Germanische Freiwillige: Als dänischer Waffen-SS-Mann an der Ostfront. Kiel, 2010. S. 37; Stein H. G. Waffen-SS. Hitler's Elite Guard at War 1939–1945. Bristol, 2002. P. 124, 125.*

186. *Буле В. Образ СССР и войны на Восточном фронте во французской коллаборационистской прессе (на примере газеты «Я повсюду») // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2011. № 1(3). С. 82–104.*

187. Запись от 6 декабря 1941 года.

188. Достаточно четко эта разница была выражена в примечательном диалоге между полковником Русской армии П. А. Цырас-Мрозовичем и сотрудниками советской репатриационной комиссии в Марселе. См.: *Чичерюкин-Мейнгардт В. Г. Воинские организации Русского Зарубежья после Второй мировой войны. М., 2008. С. 21–23. Упомянул о ней и А. В. Туркул. См.: Туркул А. В. Дроздовцы в огне. Нью-Йорк, 1990. С. 222, 223.*

189. Эту идею развивал философ И. А. Ильин, см.: *Ильин И. А. Советский Союз — не Россия. Памятные тезисы // Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М., 1998. С. 323–358.*

190. *Окорочков А. В. Введение // Мемуары власовцев. С. 5.*

191. *Ковалев Б. На службе у Франко. Коллаборационисты в «Голубой дивизии» // Родина. Российский исторический журнал. 2013. № 4. С. 108.*

192. ЦМВС РФ. ДФ. 4/47. 763/2. С. 12.

193. «С первых шагов в этом русском городе [Псков. — О. Б.] я почувствовал, что я здесь совершенно одинок, что я этим жителям

чужой человек, не их, им не понятен. Немцы им были как-то яснее. Немец так немец. Все понятно. А я по речи русский, ну, а кто такой на самом деле? От немца жители не то что шарахаются в сторону, но как-то держатся в стороне от всего немецкого, а от меня, узнав, что я русский, просто отходили, не скрывая боязливой досадливости: что за человек? Я очутился в большом русском, очень разбросанном, совершенно мне не знакомом городе как бы — без языка. [...] Никто мне не мог, не хотел ничего объяснить, сказать, помочь».

Цит. по: Думбадзе А. Из записок переводчика // Возрождение. Ежемесячный литературно-политический журнал. Февраль 1969. № 206. С. 45, 46.

194. Запись от 18 октября 1941 года.

195. Запись от 11 ноября 1941 года.

196. Запись от 24 ноября 1941 года.

197. Запись от 29 ноября 1941 года.

198. Запись от 17 декабря 1941 года.

199. Запись от 1 июня 1942 года.

200. В записи от 10 октября 1941 года: *«Неужели я так ошибался и никакого переворота не будет».*

201. Запись от 31 августа 1941 года.

202. Необычное замечание, относящееся к восприятию валлонами их помощников, когда Завадский пишет о проблемах со снабжением и обмундированием его взвода: *«А потом ведь все же это русские».*

203. Александров К. М. Белая военная эмиграция и Вооруженные Силы Комитета Освобождения Народов России // Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели: сб. статей и материалов. С. 379, 380; Андреев В. А. Русское зарубежье и Вторая мировая война // Материалы по истории Русского Освободительного Движения: сб. статей, документов, воспоминаний. Вып. 2. С. 139, 149; Дробязко С. И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. С. 99; Урицкая Р. Л. Они любили свою страну... Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г. СПб., 2010. С. 137–158, 202–204; Закат российской эмиграции во Франции в 1940-е годы: история и память / Ассоциация «Зарубежная Россия» (Франция); науч. ред. Д. Гузевич; сост., общ. ред. М. Якунин. Париж, Новосибирск, 2012. С. 21–35.

204. «В психологии русской эмиграции за последнее время произошли сдвиги неожиданные». Меморандум генерал-лейтенанта А. И. Де-никина, зима 1945/46 года / Публикация А. С. Забегалина (Сан-Фран-

циско), подготовка текста А. А. Кузнецова (Санкт-Петербург) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Книга 12. СПб., 2012. С. 280–289.

205. См.: *Кринко Е. Ф.* Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 153–163.

206. *Shepherd B.* War in the Wild East: the German Army and Soviet Partisans. London, Cambridge, 2004. P. 21; *Stahel D.* Operation Barbarossa and Germany's Defeat in the East. N.Y., 2009. P. 71–73, 96–104; *Stahel D.* Operation Typhoon: Hitler's March on Moscow, October 1941. N.Y., 2013. P. 23.

207. *Ильин И. А.* Враг моего врага. 25 мая 1948 г. // Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Том 1. М., 2008. С. 50.

208. Письмо И. С. Шмелеву, от 2 октября 1934 года, см.: И. А. Ильин: Pro et contra: Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей. СПб., 2004. С. 300–303.

209. *Heer H.* How Amorality Became Normality: Reflections on the Mentality of German Soldiers on the Eastern Front // War of Extermination: the German military in World War II, 1941–1944. N.Y., 2009. P. 329–344; *Römer F.* „Im alten Deutschland wäre solcher Befehl nicht möglich gewesen“. Rezeption, Adaption und Umsetzung des Kriegsgerichtsbarkeitserlasses im Ostheer 1941/42 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 56, 2008. S. 53–99; *Бонвеч Б.* «Другая война» на Востоке (1941–1945): взгляд из Германии // Россияне и немцы в эпоху катастроф: память о войне и преодоление прошлого. Материалы конференции российских и немецких историков, Волгоград, 7–10 сентября 2010 г. М., 2012. С. 17–26; *Рейтлингер Д.* Цена предательства. Сотрудничество с врагом на оккупированных территориях СССР. 1941–1945. М., 2011. С. 153–161.

210. *Цурганов Ю. С.* История антибольшевистской эмиграции в годы Второй мировой войны в документах Государственного архива Российской Федерации // Труды II международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. Белград, 10–14 сентября 2011 года. Сборник статей и материалов. СПб., 2012. С. 291.

211. Bericht des Sonderführers im Offiziersrang E. Kumming über meine im Auftrage des Oberkommandos des Heeres — General Stabes des Heeres Ober Quartiermeister IV. Abteilung Fremde Heere Ost (II o), 9.12.41 // NARA. T—1021. R. 18; *Осипова Л.* Дневник коллаборантки... С. 112.

212. Восемь лет // Наша страна. 18-го сентября 1948 г. № 1. С. 1, 2; *Войцеховский С. Л.* Венок на могилу Л. Н. Туган-Барановского // Наша страна. 5 июня 1954 г. № 229. С. 7.

213. Это отчасти объясняет недостаточное количество источников, которые бы позволяли делать достоверные обобщения на указанную тему. Учитывая эту лакуну, на сегодня сложно оперировать категориями «большинство» или «меньшинство» (эмигрантов, попавших на Восточный фронт, видели преступления или знали о них). Если использовать метод аналогии с немецкими солдатами, т. е. воспринимать эмигрантов лишь как военнослужащих вермахта, находившихся в той же среде и условиях, и предполагать, что они знали и обсуждали то же, что и немцы, то эмигранты в данном контексте могли знать о «больших» событиях, которые невозможно было скрыть (вроде бедственного положения советских военнопленных). Однако метод не до конца корректен, так как знания, условия службы и действий, которые требовались от эмигранта, могли различаться. Тем не менее, возможность «незнания» исчислялась месяцами: вряд ли было возможно совершенно не знать о происходящем. К сожалению, источников для оценки возможной рефлексии почти нет (хочется верить, что пока нет). Тема ждет своего исследователя.

214. «Сопровитяйтесь!» // Между Россией и Сталиным... С. 162; *Дробязко С. И.* Казачьи части в составе Вермахта // Материалы по истории Русского Освободительного Движения (1941–1945 гг.): сб. статей, документов и воспоминаний. Вып. 1. Под общ. ред. А. В. Огорокова. М., 1997. С. 196, 197, 208.

215. Разумеется, это не относится к тем, кто полностью встроился в жизнь своей новой Родины, изменил мировоззрение и стал «русским бельгийцем», «русским французом» и т. д. Но таковых было меньшинство.

216. В редакцию «Переклички»... С. 6.

217. *Ходнев Д. И.* Месяц в Германской Армии // Финляндец. Осведомительный листок Объединения Лейб-Гвардии Финляндского полка. 1956. № 33. С. 53.

218. *Дробязко С. И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. С. 100.

219. *Гагарин Е.* Возвращение корнета. Поездка на святки. Нью-Йорк, 1953. С. 113–289. Переиздание: *Гагарин Е.* Возвращение корнета. М., 2012. С. 83–211.

220. *Герлах В.* Изменник. Том I. Онтарио, Лондон, 1968; *Герлах В.* Изменник. Второй том. Онтарио, Лондон, 1969. Переиздание: *Герлах В. Л.* Изменник. Уфа, 2013.

ДНЕВНИК

Ростислава Вадимовича Завадского

I

8 августа 1941 г[ода]¹

Поезд тронулся...

«Vers mes grande aventure»², — прошептал мой сосед и тяжело вздохнул. У него тоже остаются жена, сын, отец, но какие у нас разные мысли и переживания. Конечно, и для меня это большая авантюра, но разница в том, что я русский офицер³. Этим сказано все.

Не таким способом я думал попасть на Родину. Бог расположил, да будет святая Его воля. Но твердо верю, что Он указал мне путь — мой путь.

Он же видит, как мне тяжело, ведь все чужое и я⁴ для всех чужой. Господи, помоги же мне выполнить мой долг. — Остановились неожиданно в Скарбэк⁵ — на предмет питания, которое, кстати, отличное. Покуда питался, вспомнил, что должен пройти поезд на Льеж. Выбежал на перрон, но с опозданием, захватил лишь хвост. Какая-то женщина в сером костюме в одном из первых вагонов махала рукой. Разобрать лицо уже было невозможно, но показалось, что это Ирмуся⁶. Замахал и я. Прости, любимая, за те страдания, которые тебе причиняю, я сам страдаю, но другого выхода не представилось. Значит так надо. На глаза навертываются все время непрошенные слезы. Какие счастливые женщины, что имеют право плакать на людях, какое это облегчение.

Суб[бота], 9 авг[уста]

Соседями моими по компартименту⁷ оказались один француз и один венгр — оба рексисты⁸. Первое впечатление:

чуждо-симпатичные и ярые. Вчера вечером проехали через Антверп[ен] в Голландию и, минуя Гаагу, держим путь на Германию. Останавливаемся лишь для еды. Кормят сытно и хорошо. Если так будет продолжаться дальше, быстро нагоним утерянное за этот тяжелый год.

Голландия встречает поезд кулаками. Видно, что настроение жителей подобно бельгийскому⁹.

В[оскресенье], 10 авг[уста]

По Германии едем уже со вчерашнего дня. Останавливаемся редко, только для питания. На ходу писать трудно, пользуюсь лишь остановками. Назначения офицеров только до лагеря¹⁰, есть надежда, что все изменится, и я получу должное. На месте будем часа в 2 — 3 дня.

П[онедельник], 11 августа

Вчера прибыли к 3 часам на конечную станцию, выгрузились и отправились пешим порядком в лагерь. По прибытии в лагерь получил, к[а]к унт[ер]-оф[ицер], койку в комнате для 4^х человек. Чистота, порядок; благоустройство. Лучшего желать трудно, а немецкие солдаты утверждают, что в Берлине еще лучше.

Начал приводить себя в порядок. Помылся, разложил вещи. Слышу, кто-то кричит мою фамилию. Отзываюсь. Какой-то рексисст пришел с приказанием от немцев явиться к коменданту. Явился, получил ключ и приказание перебраться на офицерское положение.

Кем буду — в точности не знаю, но пока что обращение как с офицером, комната отдельная, еда в офиц[ерском] собрании, обмундирование прибует на днях. Оказывается, бельгийцы и тут свинью подложили, да и продолжают подкладывать. Конечно, понятно, что они вытаскивают своих, а не «*sale étranger*»¹¹. Что уж, поборемся!

Как-то Вы там, в далекой Бельгии, мои родные? Здоровы ли? Что думаете обо мне — знаю, но, наверно, не веселые эти думы. Эх, Ирмуся, зачем ты так грустно улыбаешься на фотографии? Вспоминаю последние минуты и тебя, мою бедную: крещись, родная, и знай, что все время думаю о тебе и моем сынушке¹².

Входя в комнату, первое, что вижу — это наши фотографии вместе на столике. Так втроем и висим: мама, сыник и папа.

Кажется, попаду в [4-ю] пул[еметную] роту. Прилагаю все старания быть с Юрием Васильевичем¹³, который назначен к[оманди]ром роты, но еще неизвестно, какой. Отношение с г.г. офицерами постепенно устанавливается — надо время. Мечтаю, когда уже получу определенное назначение и смогу приняться за работу, а работы будет много, ибо время весьма ограничено. Ходят слухи, что скоро приступят и к русским формированиям. Дай Бог!

. Вторник, 12 августа

Наконец получил свое назначение — офиц[ером]-переводчиком при штабе бат[альо]на. Строевой должности получить не могу, т[ак] к[ак] иностранец¹⁴. Юрий Вас[ильевич] останется к[оманди]ром 3^{ей} стрелк[овой] роты (бель[ийский] подд[анный]). Отчасти мне так лучше, так как сохраняю известную самостоятельность и независимость. Могу бывать на всех занятиях всех рот и замечать все преимущества и недостатки обучения, знакомиться со всеми чинами бат[альо]на и совершенствоваться по пулеметному делу.

Эх, если бы дали возможность нам сформироваться — три недели было бы достаточно¹⁵.

С[ергей] А[лексеевич] Смоленский¹⁶ назначен переводчиком в штабную роту, пока его заставляют маршировать наравне с другими. Замолвил словечко, может, что и выйдет, а то вид у него весьма жалкий, хотя и бодрится.

В 1-ую р[оту] офиц[ером]-переводчиком попал пор[учик] [Леонид Николаевич] Ступин¹⁷, а [Николай] Камский¹⁸ — в [4-ю] пул[еметную] роту. Работа закипела: публику надраивают всюю — я же похаживаю, да изредка делаю некоторые указания, ибо бельг[ийские] s[ous]/off[iciers]¹⁹ как инструктора неважные, а немцы все детали разъяснить не могут, да им и не до того, т[ак] к[ак] времени немного. Несколько слов о нашем лагере. Расположен в сосновом лесу. Чудный вид, воздух, к[а]к следствие — прекрасный аппетит. Ходил в лес и пощипал немного земляники. Вот бы сюда сынуську, быстро прибавил бы в весе и интересно бы ему было: куда ни пойдешь, всюду маршировка, команды и т[ак] д[алее].

Среда, 13 авг[уста]

До сих пор не получил своего № полевой почты и не могу ничего дать знать о себе. Да многого и не дам знать, т[ак] к[ак] все — тайна, а что можно писать, то только по-французски. Не распишешься. Уже четыре дня прошло с минуты расставания, а кажется, что так много. Думаю уже о том, к[а]к и когда встретимся. Один Бог об этом знает; будем же просить Его об этом и получим эту награду, когда придет время. Что творится у Вас — не знаю. Но надеюсь, что все благополучно и жизнь входит в свою колею. Смотря на часы, представляю, что именно Вы можете сейчас делать. Дети мои, будьте хорошими и послушными, не обижайте Диди²⁰ и вспоминайте любящего Вас крепко папу.

Наконец получил № полевой почты и сразу отправил открытку. Так хочется послать длинное письмо и описать все подробно, но боюсь, что будет долго идти. Может и рискну.

Четверг, 14 авг[уста]

Много произошло со вчерашнего дня интересного и смешного. Во-первых, получили обмундирование. Т[ак] к[ак] всех г.г. офицеров обрядили в солдатское, то, видя некоторых, нельзя удержаться от смеху.

Но даже и в этом обмундировании я попытался сохранить офицерский вид, что и вышло, т[ак] к[ак] бельгийцы нашли, что сразу видно, что я офицер. У большинства же из них вид просто новобранцев, все висит к[а]к на вешалке и я сказал бы, что даже неприятно видеть навешанные ордена и ленточки. С гордостью одел знак Дружины и буду его носить на немецком мундире²¹. Кому же, к[а]к не Дружине, я всем обязан. Что-то сейчас думают и переживают Анатолий Николаевич [Левашов] и все дружинники. Помогите им Бог! Как хочется, чтобы наши пути скорее скрестились, и мы получили бы возможность совместно работать.

Постепенно открывается, что из г.г. офицеров многие оказываются самозванцами. В этом деле главную роль сыграло положение в Rex'e, где офицерские должности были заняты унтер-офицерами и унт[ер]-оф-офицерами²². Все страшно важные и в огромном количестве «коменданте»²³, г.г. рексистские офицеры постепенно скатились вниз, в лучшем случае на должности взв[одных] унт[ер]-оф[ицеров] или фельдфебелей, и то, кажется, из-за партийных заслуг. Сам блистательный ко-

мандующий бат[альо]ном Руло²⁴ оказался marechal de logis²⁵, но он все же как-то чудом остался офицером (лейтенантом), и пока является правой рукой к[оманди]ра б[атальо]на²⁶.

Началось с интриг и шантажа. Каждый рексист знает всю подноготную другого, система чисто бельгийская. Посмотрим, до каких пор это будут терпеть немцы.

Пятница, 15 авг[уста]

Сегодня произошел след[ующий] случай: одного бедного бельгийца лейтенанта перевели на фельдфебельское положение. Причина — был только представлен во время [Первой мировой] войны к производству [в офицеры], а не произведен, что мы узнали давно.

Кажется, немцы начинают высказывать свое неудовольствие. Какие же идиоты эти бельгийцы.

Среди солдат тоже не все ладно. Оказывается, многие ехали к[а]к на пикник, есть бифштексы, couche avec des femme, polonaises et russes²⁷. Приехали, а тут их заставили маршировать и работать, как не вздрогнуть. Дегреллю²⁸ пришлось выступить с речью — сейчас к[а]к будто настроение лучше. Да еще одна важная причина недовольства — немецкая форма и нем[ецкие] инструкторы. Никакого тебе бельгийск[ого] триколора. Говорят, нас обманули — наивняки²⁹!

Нет, если этот бедлам не прекратится скоро — дело может кончиться печально. Нам — переводчикам, кажется, лучше всех — наша хата с краю.

Отправил письмо домой и открытки О[льге] Фр[анцевне]³⁰, Ав[атолию] Ник[олаевичу] [Левашову] и Коле³¹.

Суббота, 16 авг[уста]

Сегодня для меня довольно знаменательный день — получил коня. Конечно, и тут не обошлось без бедлама. Лошади верховые и для упряжки оказались перемешаны. Мой первый выбор оказался неудачным, вполне приличный конь оказался не выезженным и стал подо мной брыкаться. Все мои усилия перевести его на рысь оказались тщетными. Пришлось мне думать о том, к[а]к бы усидеть в седле. Все-таки не слетел. Выбрал второго: кобылица, солидного сложения, на вид тяжеловатая, но с крепким задом. Сидеть удобно и спокойно. День теперь за-

полнится еще прогулками. Буду тренироваться. Ознакомился с новой моделью митральетки (пистолета)³². Штука весьма забавная и простая, боюсь лишь, что могут быть частые задержки. Этими митр[айетками] будут вооружены все офицеры.

Ходил осматривать подробно лагерь, как хорошо! Всюду сосновый лес. В этом лесу, начиная со входа, тянутся справа и слева двухэтажные недлинные блоки, отстоящие друг от друга на значит[ельное] расстояние. Улицы между ними, покрытые макадамом³³, в отличном состоянии и под названиями. Если углубиться дальше — здания редуют и начинает преобладать сосн[овый] лес. В лесу земляника, грибы, белочки. К самому уже концу течет маленькая речонка с запрудой, покрытой ряской. Как все это напоминает далекое-далекое время детства. Почти к[а]к было там у нас.

Здесь к[а]к-то иначе и дышится, и, несмотря на то, что лагерь окружен изгородью и выходить за его пределы запрещено, отвыкший от простора человек чувствует себя во много раз свободнее. Преддверье Родины. Она уже близко, зовет, манит своими красотами и просторами, и в то же время стонет от невыразимых страданий. И то, и другое вместе влечет к Ней. Когда же?!

Воскресенье, 17 авг[уста]

Ездил верхом, сделал к[и]л[о]м[етров] 10. Конечно, с непривычки немного болят ноги, но не так, к[а]к я думал. Буду втягиваться постепенно. К[а]к обидно, что мой дорогой Диди не видит меня гарцующим, покритиковал бы старый кавалерист, за что был бы ему весьма благодарен. Так к[а]к с тонкостями я еще не знаком, то приглядываюсь и перенимаю. Конечно, у немцев можно большему научиться, чем у бельгийцев. Думаю отработаться в этом отношении к выступлению в поход.

Сегодня утром была для желающих месса. Так потянуло в церковь, но, конечно, в родную православную. К[а]к-то у нас там в Льеже, наверное, совсем неважно, мало осталось прихожан, а тем более певчих. Жалко, если закроется. Сколько было вложено сил, стараний и проявлено любви. А сколько, вместе с тем, и воспоминаний.

После обеда часа два жарились на солнце всем бат[альо]ном. Стояли к[а]к дураки. Кто-то что-то делал, проверяли какие-то списки, потом распустили. Система бельгийская.

Вечером говорил Дегрелль. Говорил хорошо и захватывал аудиторию³⁴. Тема была: «История Бельгии». Конечно, выходит так, что все великие реформаторы и вообще велик[ие] люди вышли из Бельгии, а начало Бельгии надо считать за 300 лет до Р[ождества] Х[ристов]а. Ну уж Бог с ним! Надо публику взвинтить, а то настроение не особенно воинственное.

Понедельник, 18 авг[уста]

Сегодня получил ординарца. Предложил эту должность русскому Каюкову³⁵ (дружинник). Будет смотреть за мною и за конем. Коня назову Косей. Первое ласкательное имя, которое пришло в голову. Пусть так и будет.

Сегодня опять пожарились под солнцем, но уже не так долго. Приезжал немецкий полковник из Берлина для инспекции. Представились. Между проч[им] он сказал, что поедем на юг. Неужели попаду в Киев, хотя, может, и гораздо южнее. Ну, посмотрим, куда судьба занесет, лишь бы поскорее. Наш Haurtmann³⁶ отправился в Берлин за утверждением назначений и всякими другими надобностями. Должен вернуться завтра. Почему-то временно запретили ездить верхом. Очевидно, назначат какие-нибудь определенные часы для езды. Написал папе, тете, Алекс[ею] Петр[овичу]³⁷ и Мари[и] Ник[олаевне]³⁸ открытки. Когда же, наконец, получу весть от своих? Так этого не хватает.

Вторник, 19 авг[уста]

Сегодня должны делать прививки от тифозн[ой] лихорадки и холеры, на всякий случай. К[а]к-то чувствую себя усталым и физически, и морально. Физически это понятно — езда, а вот морально почему? Какой-то легкий гнет или может предчувствие. Уж не случилось ли чего с моими. Когда же, наконец, мне станет известным хоть что-нибудь об их теперешней жизни. Терпение и надежда на нашего Защитника и Покровителя.

Сделали прививку, от которой разболелась сильно левая грудь. У некоторых болит грудь, рука и даже нога.

Среда, 20 авг[уста]

Сегодня утром сюрприз: пришли обратно письма Ирму-се и Анаг[олию] Ник[олаевичу] [Левашову]. Какое свинство!

Сейчас же написал по-французски. Т[аким] обр[азом], еще задержка на некотор[ое] время. Бедная моя деточка, как она, наверно, волнуется и сердится на меня. Не моя вина — сказали, что можно писать по-русски. Прибыл, еще вчера, из Берлина Hauptmann [Хайзер]. Привез всем погоны и шапочки. Zonderfuhrer'am³⁹ придут в четверг. О русских был поднят вопрос в военном министерстве. Результат след[ующий]: ни один русский офицер не может состоять на военной службе на должности строевого офицера. Единственный русский офицер, да еще и занимающий должность к[оманди]ра роты, — это Юрий Васильевич, да и то по двум причинам: первая — бельгийский подданный, вторая — бельгийский легион⁴⁰.

Из всех последних событий и новостей можно определенно заключить что:

- 1) наш самостоятельный белг[ийский] бат[альон] будет вкраплен в состав одной из нем[ецких] дивизий;
 - 2) отправлены мы будем на юг России
- и
- 3) окончательную шлифовку получим уже в России, т[ак] к[ак] отправляемся в скором времени, а полностью еще не все пройдено.

Кажется, представляется возможность отправить все до сих написанное в Льеж, т[ак] к[ак] одного офицера отсылают обратно из-за непригодности к службе. Попытаюсь.

Четверг, 21 авг[уста]

Уехал не один, а несколько человек, но немцы меня перехитрили. Мы даже не смогли попрощаться. Как жалко! Опять надо ждать, когда представится возможность.

Была репетиция парада, с присягой Гитлеру для борьбы с коммунизмом. Ничего затрагивающего русскую совесть в тексте присяги нет. Комментарии излишни.

Все время происходят в бат[альон]е разные внутренние изменения. Офицеров или переставляют, или переводят на унт[ер]-офицерские должности. Еще, наверно, два-три вылетят совсем.

Общее состояние офицеров весьма нестабильное, какая может быть серьезная работа, если не знаешь, что тебя ждет завт-

ра. Из-за нехватки офицеров, кажется, придется начать работу и нам. Уже три дня, к[а]к не садился на Косю — запрещено. Ночью ему то кусочек сахара, то хлеба. Доволен, тычет мордой, а если ничего не приношу, то сердится.

Завтра присяга и по этому случаю день праздничный.

Кажется, моя женушка будет получать здорово много денег. Рад за нее. Приехавшее пополнение из Брюсселя говорит, что наши жены уже получили 1000 фр[анков] авансом⁴¹.

Пятница, 22 авг[уста]

Вчера приезжал полковник и репетировал парад. Говорил с Ю[рием] Вас[ильевичем] и просил передать всем русским офицерам, чтобы подумали перед присягой, т[ак] к[ак] в случае плена, нам со стороны красных грозит жестокая расправа. Жалко, что он это сказал не мне, ответил бы подобающе. Полковник забыл, что 23 года тому назад шедшие в белую армию русские офицеры не думали о тех пытках, которые их ожидают, к[а]к не думаем теперь и мы. Полковник забыл также, что борьба с коммунизмом была начата опять-таки русскими офицерами, что она нами еще не закончена и велась все время всякими способами, и если теперь нам представляется возможность работы активной, с оружием в руках, то русскому офицеру другого выбора быть не может, к этому зовет его долг перед Родиной и отчетливое сознание своей принадлежности только Родине.

Тебе, Россия, все мои мысли, страдания и жизнь! С нами Бог!

В 13 ч[асов] была присяга. Суть — борьба с коммунизмом — врагом цивилизации и полное повиновение фюреру⁴².

Нужна ли мне подобная присяга, мне, посвятившему себя на эту борьбу и присягнувшему внутренне?! Если возможность борьбы мне дается фюрером, то к[а]к я могу ему не повиноваться?! Да, я отдаю себя в его полное распоряжение на борьбу с коммунизмом.

В 16 ч[асов] было кино, которое только испортило настроение, т[ак] к[ак] скучнее ничего нельзя придумать. До конца не досидел. Купил в Мезерице фуражку и переделал на свой лад. Публика завидует и, наверно, последует моему примеру. Познакомился ближе с Дегреллем. Весьма симпатичное впечатление. Показывает пример другим, тянется, не садился, пока я не сел. Роль свою продумал и проводит отлично⁴³.

Воскресенье, 24 авг[уста]

С 9⁰⁰ до 12.30 — марш. Прошли к[и]л[о]м[етров] 15. Нет, положительно, бельгийцам не дано свыше ходить в ногу, и вообще по-человечески. Чем выше звание — тем отчаяннее ходят. За вчерашний день ничего особенного не произошло. Опять ездил на Косе. Кажется, теперь можно будет ездить регулярно. Сегодня получил новое назначение: заведующего оружием б[атальо]на. Вступлю завтра. Становится дико скучно. Может, влияет безделье, т[ак] к[ак] не имею ничего определенного. И, в то же время, видимо, что время бежит, а прогресса мало. Если для выступления нужна более или менее серьезная подготовка, то мы можем просидеть еще долго. Думаю, что нас все-таки сдвинут, и доучиваться б[атальо]н будет уже где-нибудь на русской земле.

Поблуждал немного опять вокруг лагеря. Чудно, но вместе с тем грустно. К[а]к только остаюсь один, сразу лезут в голову мысли о дорогих, оставшихся в далекой Бельгии. Что-то с ними там? Здоровы ли? Да, только сейчас находясь здесь и будучи совершенно оторванным, а главное, не имея никаких о них сведений, можно отдать себе ясный отчет — насколько они мне дороги и любимы. Когда кончится моя одиссея — один Бог знает, но крепко верю в то, что Он допустит еще нам свидеться. Терпение и вера в свое назначение — вот что теперь необходимо. Всякие же колебания и уныние — от лукавого. А придут письма, и, наверно, сразу станет веселее. С отъезда уже прошло 16 дней. К[а]к мало и к[а]к много!

Понедельник, 25 авг[уста]

Получил, наконец, возможность писать чернилами⁴⁴. Целый день носился с приемками и проверками оружия и патронов. Устал.

Вторник, 26 авг[уста]

Все списки, представленные мне оружиейными унт[ер]-оф[ицерами] всех рот, оказались ни к чему. Вся работа моя лично — тоже ни к чему. Потребовал определенного освещения моих функций. Оказывается, должен только инспектировать оружие в ротах. Какой бедлам! Я знаю лучше всех их обязанности должностных лиц, но у нас обязанности все придуманные.

Сегодня меня лишили моей Коси — и это для меня большая неприятность, т[ак] к[ак] я уже привык к ней и она ко мне также. Дело в том, что выяснилось, что мне лошадь по штату теперь не полагается. На мой вопрос: «К[а]к же я буду поспевать за к[оманди]ром б[атальо]на?» лишь ответили, чтобы я сам позаботился о приобретении лошади уже в России. Кроме того, может быть, отберут и пистолет — тоже не полагается. Значит, надо иметь дело с красными, имея оружием один язык. Что ж, и с языком не пропадем, но с ним я тоже могу наделать многое, что не полагается. Наконец, получили погоны, серебрян[ые] с пробрисью, и нашлепки на воротник⁴⁵. Эх! Ну не все ли равно! Не карьеру же здесь я собираюсь делать, к[а]к некоторые.

Отправил письмо сынуське. Говорят, что мы получим письма через 2 дня. Почему через два? Что же! Подождем еще два дня. Господи! Если бы не мой долг перед Родиной — подал бы рапорт об уходе. В такой обстановке и с такими людьми работать! Льщу себя надеждой, что [это] ненадолго. Останемся мы здесь еще недели две. К[а]к томительно тянется время. Знать, что с одной стороны, на западе — семья, а с другой, на востоке — Родина. Та Родина, о которой мечтал столько лет, для служения которой отдал уже столько сил и отдам все, что Она потребует. Сейчас же состояние «меж 2* стульев». Решил, по возможности, больше есть, спать, набираться сил, наверно пригодятся не раз. Относительно же работы буду делать вид, что очень занят, система знакомая — бельгийская. Говорят, что будет 250 марок, не менее, и что мы их получим на этой неделе. Значит, можно будет экипироваться.

Четверг, 28 авг[уста]

Hauptmann [Хайзер] запрашивал Берлин об отсрочке нашего отъезда на 2 недели. Получили согласие. Значит, наше выступление назначается на 15 сентября. Конечно, для подготовки это необходимо, но пробыть здесь еще 2 лишние недели будет не так легко. Тяжело, что нет еще никаких сведений от моих. Оказывается, около лагеря есть большой пруд, в котором можно купаться. Много рыбы и даже дичи.

Уговариваю Юрия Васильевича попросить у начальства разрешения съездить в Берлин. Во-первых, кое-чего купили бы, во-вторых, скольких повидали бы. Кроме того, мог бы

дать весть о себе моим во Льеж и кое-что передать. Еще одна новость — отбирают у офицеров сапоги и брюки, а вместо них получим ботинки и длинные штаны, что положено по штату. Остальное можем приобретать за свои деньги. Сначала дали все, теперь постепенно все отнимают. Отняли Косю, отнимут пистолет, брюки, сапоги, потом еще что-нибудь придумают. Ну и постановочка! Кого винить: немцев, бельгийцев? И те, и другие виноваты! Вижу, что надо здесь применять заповедь: не зевай! Открываю, значит, фотографию⁴⁶.

Вот уже несколько дней, как мой аппетит все увеличивается. Хожу все время голодный, как шакал, и никак не могу наполнить свою утробу, да и нечем, запасы кончились, последняя коробка мясных консервов, которую я припрятал про черный день, оказалась испорченной. То, что нам ежедневно выдают, недостаточно для утоления голода, по крайней мере, так кажется. К[а]к это мне напоминает кадетские годы — вечно впроголодь! Но тогда я был здоров как бык. Что ж, может, и теперь поздоровею. Да, если бы пожить здесь месяца два в отпуску, да еще с моими детьми, можно было бы поправиться: большой недостаток ощущается в сахаре и овощах-фруктах. Сейчас как раз сезон, а достать фрукты весьма трудно. Правда, и живем-то мы на отлете. Сегодня получил 84 папиросы, 1 пакет табаку и 5 сигар. Это, т[ак] ск[азать], задолженность за все наше пребывание здесь. Первая мысль: что отослать папе, но к[а]к, и можно ли?

Сидели и размышляли с Камским: зачем нас, русских, здесь держат. Столько переводчиков на бат[аль]он, безусловно, не требуется. Какая же скрытая цель у немцев? Предполагать можно многое, но все это гадание на кофейной гуще, а потом говорят: человек предполагает, а Бог располагает. Предполагать могут и немцы, да так ли все обернется.

Пятница, 29 авг[уста]

Чувствую, что начинаю поправляться. Появляются новые силы и крепость в мышцах. Не хватает только душевного спокойствия из-за полного неведения, что творится дома. Легионеры начинают тоже роптать. Легионеры, какое громкое название, но посмотрим их в деле, если их только до этого дела допустят. На мой взгляд, это просто сброд всякой сволочи, среди которой изредка проглядывают приличные люди. А сколько из

этих приличных людей окажется приличными солдатами? Становится как-то жутко, нам, русским, надо быть начеку — нас не любят. Если бы еще приехало наших [русских] человек 20 — было бы вернее, а говорят, что вот-вот должно приехать пополнение из Брюсселя. Сблизился больше с Камским. Думаем, кажется, одинаково, часто обсуждаем дальнейшее и, наверно, будем действовать вместе. Юрий Васильевич к[а]к-то стал важнее, но это с ним иногда бывало и раньше. Все никак не выясняется определенно денежный вопрос: сколько будут получать наши жены и сколько мы. Эта неопределенность тоже действует не успокаивающе. Что-то все время нас водят за нос. Система уже знакомая, но и не сулящая ничего блестящего. Завтра думаю проехать в Мезериц, немного развлечься и кое-что купить, может, и деньги выдадут на экипировку. Немецкие офицеры, к[а]к мне кажется, все время ко мне приглядывались и, т[ак] ск[азать], щупали. С некоторых пор отношение к[а]к-то начало меняться к лучшему. Два-три удачных и своевременных моих выступления, может, сделали свое дело. Сегодня Hauptmann [Хайзер] милостиво со мной заговорил. Посмотрим дальше, но, во всяком случае, думаю, что держусь больше офицером, чем бельгийцы. У нас и у немцев почти одинаковые традиции, и нам их, конечно, понять не трудно⁴⁷. Бельгийцы же с нашей, офиц[ерской], точки зрения, просто не на [своем] месте.

Суббота, 30 авг[уста]

Ходил на занятия с [3-й] ротой Юр[ия] Вас[ильевича]: проходят рассыпные строи в сближении и атаке. Отвратительно! Люди абсолютно не понимают ни обстановки, ни способов передвижения. Отсутствие инициативы полное, так же, к[а]к и быстроты передвижения. Работать еще и работать. Провел сам занятие с группой противотанковых ружей. Валялся сам и показывал наиболее выгодные позиции, маскировку и т[ак] д[алее], поправлял немецк[ого] унтера [унтер-офицер], который слушался и, кажется, проникся уважением.

Наблюдаю отсутствие объяснения: [задают вопрос] — «почему». Объяснял каждое действие — кажется, поняли. Наблюдал вместе с нем[ецким] инструктором-лейтенантом наступление роты и делал свои замечания. Буду ходить в дальнейшем с 3^{ей} ротой, может к[а]к-нибудь с ней и останусь. Для меня это,

конечно, интереснее и практика, к тому же большая, а для Юр[ия] Вас[ильевича] — помощь, т[ак] к[ак] вижу, что ему трудно, все-таки не по специальности.

Наконец, получили обещанные 250 марок. Еду в Мезериц, может, что-нибудь и приобрету путное.

31 августа, Воскресенье

Сейчас 11 ч[асов] 20 мин[ут]. Что должно происходить в Лезеже? Через 10 мин[ут] должна начаться церковь. Кто-то теперь читает Апостола, наверно Вика Бу[неразб.]. Поет хор в составе 2 — 3 человек, вытягивает всю службу, конечно, М[неразб.]. Молятся, вспоминают нас, грешных. За свечным ящиком мой дорогой папуся, молится за своего сына. А дети мои находятся ли в церкви? Наверно нет, они наверно в Амбурге у бабушки и дедушки. Эх, нехорошие! Как я привык и любил нашу церковь. Так в ней было уютно, хорошо, а главное, она была своя, сделана нашими руками. Сколько трудов было вложено в хор — из ничего создали, правда, не блестящий, но для нас хороший. Налетела буря и разбросала нас по всем направлениям. Наиболее далеко занесла она нас с Ю[рием] В[асильевичем], и понесет еще дальше в самое пекло.

Господь допускает меня стать участником очищения земли русской от красной нечисти. Чужими руками делается это дело и нас, русских, лишь несколько, может быть, десятков человек во всей германской армии. К чему готовит нас Господь? Какую задачу призваны мы совершить? Он же даст мне и указания, и мудрость.

Вчера, по случаю полочки, поехали с Камским в Мезериц немного покутить. Кутили с 5 ½ до 12 ночи. Кутеж весь заключался в том, что съели по три пирожных, мороженое (котор[ое], кстати, препаршивое), выпили чашечку кофе (одно название), съели какого-то рататужа, выпили пива. Побродили по городу в надежде что-либо найти продовольственного. Без марок — ничего, кроме сыра, который уже надоел итак, т[ак] к[ак] выдается в лагере. Пришлось купить — неудобно. Видал поляков — ходят с ромбами на груди, а в середине буква «Р»⁴⁸. Сказал бы, что держат себя с достоинством. Так и подмывало заговорить, да что скажут немцы, ведь я уже в нем[ецкой] форме. Военных в городке масса, одеты прекрасно. Мы ка-

жемся, по сравнению с ними, замухрышками, но утешаемся мыслью, что вид такой, к[а]к будто только приехали с фронта. Дело в том, что в этом маленьком городке квартирует целый пехотн[ый] полк⁴⁹. Солдаты подтянуты, лихо козыряют, а если походить с полчаса по улице, то рука устанет от ответа на приветствия. Какая разница в воспитании и психологии немцев и бельгийцев. Первые не могут понять бельгийской распущенности и только качают головами, да разводят руками. А я сказал бы, что в смысле дисциплины бельгийская армия не имела еще таких подтянутых солдат, к[а]к наши легионеры, которые, конечно, на самом деле являются пока сбродом. Один нем[ецкий] офицер вчера сказал мне, что они не могут оставить легион в таком состоянии и едут с нами. Тем лучше!

Часов в 8½ попали в кино (ложе [стоит] 1.50⁵⁰). Просмотрел актуалитэ⁵¹, к[а]к всегда, с интересом и с болью в сердце. Бедная, несчастная Родина! За грехи великие несешь Ты свой крест, и много крови и разрушений стоит Твое искупление. Но уже близок тот час, когда свершится чудо Твоего воскресения; разумеете языки и поступайте так, к[а]к вам укажет веление свыше, иначе горе вам!

Домой вернулся поздно, заснул часа в два. Сейчас представилась возможность переслать домой письмо, авось дойдет. Ю[рий] В[асильевич] определенно хочет сделать карьеру, мечтает о местечке коменданта какого-нибудь города в России. Не одинаковые у нас мысли и конечная цель. Теплое местечко — вещь недурная, но в нормальной обстановке. Нормальную же обстановку надо создать, а чтобы ее создать, нужно много потрудиться и сделать то, что, наверно, в общую программу не входит. Может, я и ошибаюсь, но по всем признакам это так. Эх, скорей бы туда! Есть еще одно обстоятельство, которое меня беспокоит. Это то, что никто не знает своего последнего часа, даже великие люди. Успеет или не успеет? Должен успеть!

Сегодня исполнилось 3 недели нашего здесь пребывания и 23 дня со дня отъезда из Брюсселя.

Вторник, 2 сентября

Сентябрь месяц. К[а]к затягивается кампания. Немецкие офицеры уже считают, что война продолжится и зимой, т[о] е[сть], иначе говоря, на зиму произойдет стабилизация фрон-

та. Не смогут немцы бороться зимой на российских просторах: снег и стужа всегда были союзниками России, не будут ли они сейчас союзниками большевиков? Я давал 2½ месяца на разгром сов[етской] армии, осталось уже немного. Сегодня у нас отняли сапоги и бриджи — выдали ботинки и длин[ные] брюки. Конечно, это неприятно, но, в общем, не все ли равно — хоть трусики, лишь бы скорее. Бедлам продолжается. Бельгийцы привыкли к своему беспорядку, немцы вносят свой, и получается что-то невообразимое. Конечно, виною этому то, что ни одни, ни другие не на высоте инструкторских знаний. Об администрации же и говорить не приходится. Немецк[ая] система обучения не подходит ни бельгийцам, ни нам, русским. Эх, связали крылышки зондерфюрерскими погонами. Столько возможностей, такой блестящий материал и вооружение, и ... все это пойдет насмарку при первом же столкновении. Разве только чудо. Когда же, наконец, получу хоть строчку от моих любимых?

Среда, 3 сентября

Ночью была воздушная тревога. Я, к[а]к всегда, ничего не слышал, наши же солдаты просидели 1½ часа в подвалах. Это уже второй раз за наше пребывание здесь. Интересно, кто сюда долетает, англичане или советчики. Думаю, первые. Становится все прохладнее, ночи же прямо холодные. Вообще, климат здесь не многим лучше бельгийского.

Обрядился в длинные брюки — вид забавный и напоминает кадетские годы. Решил на все плюнуть еще раз. Пускай одевают во что хотят и вообще делают что хотят, вот лишь бы узнать, к[а]к живут мои дорогие, и все ли там благополучно. Мое пребывание здесь временное, так не все ли равно, что буду носить. Жалко сапог:годились бы в дальнейшем, крепкие. Вчера утром принимал пассивное участие в наступлении 3^{ей} роты. Оставался до конца. Ю[рий] В[асильевич] же ушел раньше времени, махнув рукой. Трудно работать с немцами. Кричат что-то по своему, никто их не понимает и не знает, что же, собственно, надо делать. Итак публика варит не ахти к[а]к, чтобы толково объяснить. Куда там!

После обеда все присутствовали на стрельбе гранатами⁵². При опытных стрелках стрельба весьма действительная. За-

данная площадь может быть покрыта разрывами, и в очень короткий срок. Сильное влияние оказывает ветер, т[ак] к[ак] быстрота полета небольшая. Траекторию можно видеть невооруженным глазом с момента вылета до точки падения. Звук при вылете характерен, а выстрела и разрыва — несильный. Надо будет узнать, каков радиус действия.

Из-за отсутствия писем и вообще беспорядка настроение у всех неважное, если так будет продолжаться дальше, то может плохо кончиться. Ясно, что о письмах существует какое-то распоряжение, но какая же его цель?

Человек ко всему привыкает. Начинаю привыкать и я к своему одиночеству и оторванности от семьи. Но все время нет-нет, да вспомнится родное. Очевидно, это останется на все время, но той остроты, к[а]к в первые дни, уже нет. Иногда нашептывает лукавый, что все это я затеял совсем напрасно и что к[а]к хорошо было бы сидеть и не рыпаться. Но разве я в силах изменить свою судьбу без веления свыше, и разве я это устроил. Я лишь послушное орудие в руках того, кто управляет всеми нами и направляет нас по нашему пути. Кроме того, я хотел этого, я молился об этом все время. И я это получил, к[а]к какой-то дар, один из немногих. Мое место здесь — отойди, лукавый! Дай мне в этих испытаниях очиститься от налипшей грязи, а не загрязниться еще больше. Очиститься, и тогда получить по заслугам. За Богом и за царем служба не пропадает!

Часа в 3 дня лег поспать и видел сон. Видел мамусю, но какую-то чужую, она мало интересовалась мною, и все было к[а]к-то мельком. Во сне же стало обидно, почему такое ко мне отношение. Затем решил проехать во Льеж с тем, чтобы завтра утром вернуться, никто не заметит. Все обдумывал, к[а]к это сделать потолковее и разработал целый план. Представлял себе удивление, в особенности сынульки, и его радость. Разбудил Ю[рий] В[асильевич], пришел ко мне чего-нибудь покушать. Посмеялись над разными последними происшествиями — смех сквозь слезы. Нет, еще по-прежнему остро я переживаю разлуку, я слишком их люблю.

Ступин принес свежую новость: будто сегодня прибывает партия из Брюсселя в составе 52 человек⁵³. Быть может, очередная утка, а может и правда. Посмотрим, но, во всяком

случае, опять возникает надежда, что придет кто-нибудь из наших [русских]. Дай Бог!

Четверг, 4го сент[ября]

В свою я келью убегаю,
Так часто, вдруг!..
И по Тебе грущу, скучаю,
Мой милый друг.
Оставил я Тебя с сынусей,
Но не одних,
А сам, отправился за Русью,
Среди чужих.
Простила ль Ты меня, родная?
Простила, да?!
Расстались мы, но сердце знает,
Не на года!
Поверь, голубка, тяжелее
Гораздо — мне,
Но надо так! Вперед, смелее!
В пасть к сатане!
Творца я часто умоляю,
Сберечь мне Вас.
Он милосерден и я знаю,
Что будет час,
Наш час! После великой брани,
Сомнений, мук,
Сберемся мы на новой грани,
На наш досуг.
В свою я келью убегаю,
Так часто, вдруг!..
И на Тебя смотрю, внимаю,
Мой верный друг.

Regenwurmlager

Опять, к[а]к некогда в кадетские годы, пустился в поэзию. Может, муза на этот раз не покинет меня так быстро. Отправил, конечно, в Льеж.

Сегодня, наконец, прибыли люди на пополнение. Сначала говорили, что прибудут 102 человека, потом сбавили на 82.

Приехало 32, и с опозданием на сутки, но что важнее всего — это то, что привезли они из Берлина 3 мешка с письмами. Надеюсь, будет что-нибудь и для меня. Надо заметить, что сегодня уже были такие счастливики, которые получили письма по почте, значит, почта уже налаживается. Что-то я прочитаю завтра?

Пятница, 5 сент[ября]

Письма получили многие, но не я. Вообще, из русских не получил еще никто. Буду ждать терпеливо, когда-нибудь же придут. Завтра б[атальо]н выступает на целый день, по крайней мере, так говорят.

С вновь прибывшими приехал только один русский офицер по фамилии Астафьев⁵⁴, попал в [3-ю] роту Чехова. Выяснилось определенно, что получать я буду 72 марки в месяц, к[а]к лейтенант. Что будет получать семья, еще неизвестно.

Суббота, 6 сент[ября]

Протопали 30 к[и]л[о]м[етров]. Все обошлось благополучно. Немного устал и, конечно, растер еще не вполне зажившие волдыри. Надо еще много времени, чтобы разносить ботинки. С одной пары содрал гвозди [на подошве] — будет, т[ак] ск[азать], парадная, на другой, сфотографированной, оставлю — будет для маршей. К[а]к мы будем ходить в этих ботинках и гетрах по российским снегам — не понимаю. Или же нас пошлют совсем на юг, или по прибытии выдадут сапоги — одно из двух. Руло уехал в Берлин: заказал ему плащ, перчатки на меху и нашивки⁵⁵. Обещал привезти. Вчера ездил в Мезериц получать и менять вещи. Покушали в ресторане и вернулись с последн[им] автобусом. В автобусе я сильно ударился копчиком, усевшись с размаху на пол. Вина шофера, который неожиданно затормозил. Болит сильно и все больше. Доктор сказал, что нужно принимать 4 табл[етки] аспирина в день и делать массажи, а болеть будет дней 8 — 10. Удовольствие! Опять кольнули, но уже в правую грудь.

Воскресенье, 7^{то} сент[ября]

Наконец дождался первого письма от Ирмуси и папы. Значит, сегодня настоящий праздник! У них, слава Богу, все бла-

гополучно. На радостях отправился кататься на велосипеде с кап[итаном] Дюпрэ⁵⁶. Совершенно случайно попали на праздник в лагерь трудящихся девушек. Девушки давали концерт. Бельгийцы были в восторге от хорового пения. Я же от восторга удержался. После отправились в Мезериц, где опять покушали, и на этот раз не что-нибудь, а яичницу с грибами. После ужина мои компаньоны отправились в кино, а я домой, т[ак] к[ак] сильно разболелась грудь и копчик, о котором я было забыл, получив долгожданные письма. Дотащился домой часам к 10^{ти} вечера и вместо того, чтобы лечь в кровать, уселся писать Ирмусе. Писал до 2^х ночи, пересиливая боль в заду, и письмо все-таки закончил. Когда уже лег, подняли тревогу — ночной налет. Плюнул, повернулся к стенке и захрапел. Пускай спускается в подвал кто хочет — мне не до того.

Понедельник, 8го сент[ября]

Батальон с утра отправился на представление к Мезерицу, где совершал показательную атаку бат[альо]н немецкий. Решил никуда не ходить, а заняться своими недугами, т[ак] к[ак] надо быть совершенно здоровым к концу недели. Жду посылок и писем, вот-вот должны прийти. Отправил письмо домой и фотографии Ирмусе, тете Жене, Ан[атолию] Ник[олаевичу] [Левашову] и Ал[ексею] Петровичу [Архангельскому]. Вчера, получив письма, я начал было их читать, но пришлось бросить, т[ак] к[ак] глаза наполнились слезами и стало стыдно окружающим. После обеда убежал к себе и тут уже вдоволь ими наслаждался. Что-то нервы мои пошаливают. Да, забыл занести, что еще в субботу мы перешли с Камским на «ты», славный он человек.

Вторник, 9го сент[ября]

От тифозн[ой] прививки кашель, насморк и знобит, зато боли никакой. Копчик прошел вдруг сразу, может, помог аспирин. Говорят, что еще задержимся дней на десять. Настороение падает: слишком серая жизнь, да и погода подходящая — дождь-дождь! Хотел было пойти на ночные маневры с 4ой ротой, да холодно, морозит — не пошел. Просидел весь вечер с немецкими офицерами, показывали фокусы. Кстати, они весьма падки на питье и буйны во хмелю — ломают

вещи, стреляют и пр[очее]. Картинки знакомые нам, но не бельгийцам, которые дивятся.

Среда, 10 сент[ября]

Не пошел на назначен[ную] офицерам стрельбу, заявив, что не из чего стрелять. Может хоть это подействует. Получил открытку от Ирмуси и 3 посылки утром, а в обед еще 2 откр[ытки] и письмо от папы. Опять странность — пакет с туфлями и папиросами, высланный первым, до сих пор не пришел.

Идем пешком в Мезериц посмотреть на себя в синема⁵⁷.

Четверг, 11 сент[ября]

В синема был, но себя не видал. Очевидно, фильм уже урезан, т[ак] к[ак] Ирмуся пишет, что видела меня дважды. Кроме актюалитэ на франц[узском] яз[ыке] было акт[юалитэ] на немецк[ом] яз[ыке] (последнее), показывали новые продвижения нем[ецких] войск, и между прочим показали, к[а]к в одной из церквей в Смоленске проходила служба по католическому обряду⁵⁸. Что это? Просто ли это единственный случай или сговор? Неужели же думают захватить т[аким] обр[азом] оторванный от родной церкви русский народ. Церкви не было вообще, теперь освободили храмы, вычистили и предоставили в распоряжение молящихся: молитесь, но по-нашему, по-католически. Если это так, то одно лишь этому название. Только не пройдет этот номер, никак не пройдет. Скорее туда. Туда, в эту несчастную толпу оборванных, голодных, измученных людей. Им нужны слова, русские слова, от сердца, направляющие и зажигающие. И... примеры.

России

Воз Но разве можно говорить о Ней?

Она — к[а]к живая тайна:

Ею можно жить, молиться можно ей,

Вздыхать, любить ее бескрайно;

Блюсти ее в себе, не постигать;

Благодарить Творца за это счастье;

И... молчать!

Regenwurlager

Пятница, 12 сент[ября]

Вчера вечером перед сном написал:

Спи, мой мальчик дорогой,
Нежный и любимый,
У кровати — папа Твой,
Хоть и невидимый.

Он приходит каждый раз,
Повидать сынусю
И послушать новый сказ
Своего папуси.

На кроватках посидеть
У детей любимых,
В серы глазки поглядеть
И обнять родимых.

Крепко их поцеловать
В лобик, глазки, ручки,
И на ушко рассказать,
Ну!.. всякие штуки.

На прощанье покрестить,
Как бывало прежде,
И конфеткой угостить
Вновь прийти в надежде.

Спи, мой мальчик дорогой,
Поцелуйчик нежный,
У кровати — папа Твой,
Спи же безмятежно.

Regenwurmlager

Удивительное свинство — ночью остановились часы. Придется отдавать в починку, т[ак] к[ак] сломалась пружина. Вчера собирали подписи офицеров для протеста против Руло. Просят его отправить обратно в Брюссель, к[а]к неподходящий и вредный элемент. Исходит это гл[авным] обр[азом] от Дегрелля, который будто бы имеет какие-то разоблачающие сведения о нем. Руло забегал по лагерю и видно, что чувствует себя прескверно⁵⁹. Кто-то из офицеров уже успел ему об этом рассказать. Надо спасать свои деньги (70 м[арок]), данные мною для покупки вещей в Берлине.

Георгия Вас[ильевича] отпустили в Берлин. Проводил до вокзала Мезериц, дал деньги на покупку новых часов. Купил кое-что и, конечно, съел пирожных. Кушая, думал: к[а]к было бы хорошо послать и моим, да сколько дней будут идти — невозможно.

Сейчас примерно 10 ч[асов] вечера, т[о] е[сть] время перенестись мысленно к моим в Льеж. Надо это взять себе в привычку.

Воскресенье, 14 сент[ября]

От сырости в комнате начался флюс и за ночь раздуло. Протопил и согрелся. На дворе настоящая осень. Весь день обшивался, т[ак] к[ак] надо все приготовить к отбытию. Выезжаем в субботу, и, думаю, что на этот раз наверняка, т[ак] к[ак] нем[ецких] инструкторов отпустили на побывку. Говорят, что будем ехать дней десять. Куда-то нас загоняют? Согласен ехать и двадцать [дней], лишь бы сдвинуться. Опять перерыв с письмами, что за неналаженность! Камский до сих пор ничего не получил. Бедняга! Я сильно растратился за это время: покупаю, покупаю, деньги тают, и к отъезду их останется немного. Сначала думал, к[а]к бы сэкономить для детей — откладывал, потом стал думать, к[а]к переслать. Невозможно. Официально — запрещено, неофициально некем. Буду уж лучше приобретать все необходимое. Ирмуся должна получать, по моим подсчетам, около 2000 фр[анков] — этого хватит.

Четверг, 18 сент[ября]

С воскресенья все не было возможности что-нибудь занести. Последняя неделя заполнена занятиями, маневрами и всякими хлопотами. Г[еоргий] В[асильевич] из Берлина ничего не привез, кроме кукурузы, которую я с удовольствием съел. Хоть было всего 2 штуки на мою долю, но и это хлеб, ведь не ел ее с 25 года (с Сербии). В Берлине ничего найти нельзя ни из вещей, ни из продуктов. Тамошние говорят, что жизнь сильно переменялась. Что я буду теперь делать без часов? Ни купить, ни починить. Надо ждать случая. От моих получил опять серию писем за сентябрь и самые первые за август, а также, наконец, посылку с туфлями и папиросами. Все-таки дошла.

Вчера получил открытку от Ирмуси с сообщением о первом ударе у папы. Бедный мой старик, неужели Господь не даст ему счастья вновь увидеть Родину. Опять защемило сердце: когда-то я увижу вас, мои дорогие, и увижу ли Тебя вообще, мой бедный папуся.

Нам прочитали распоряжение фюрера о русских. Ни один русский, состоявший или состоящий в какой-либо политич[еской] партии, не может оставаться в нем[ецкой] действующей армии. Ответили, что нас не касается, но на душе беспокойство. Проскочить, каким угодно способом, но проскочить, иначе опять сидение и ожидание лучших дней. Мелькнула мысль: ну что же, отправят домой, увижу своих, деток — может, к лучшему. Но сейчас же ее вытеснила другая: если Господь направил меня сюда, то место мое здесь, — и на сердце стало к[а]к-то спокойнее. Ведь не напрасно же я здесь. Может, я и ошибаюсь, но мне кажется, что на мне лежит какая-то миссия. Иногда становится немного страшно — достаточно ли силен духом и хватит ли разума? Если мне суждено что-то сделать, то будет послано и то, и другое.

Руло выставили, куда-то переведут. Кто прав, кто виноват — не знаю. Думаю, что просто один хотел съесть другого. К[а]к характерно для бельгийцев. Маленькая страна, маленькие люди, мелкие души — дизьем^{60!}

Написал Ирмусе, сынику, Коле и папе. Приезжала Мме⁶¹ Дегрелль и успокаивала насчет обеспечения семей. Говорит, что дело делается, но много работы. Будто выдали еще аванс в 1000 фр[анков]. На такие авансы сейчас не раскутишься. Когда уже будут не авансы, а определенные месячные получки.

Говорила, что наш отъезд из Бельгии произвел большое впечатление и настроение начало меняться в нашу пользу. Есть много желающих, и вскоре начнет формироваться еще один б[атальо]н. Пусят ли кого еще из наших русских — не думаю, настроение в штаб-квартире не в нашу пользу. Характерно! Все указывает пока на то, что я не ошибался. Не ошибиться бы дальше.

Вчера устраивали прощальный банкет. Перед этим сократили, а в последний день и вовсе прекратили паек. На банкет явились голодные, к[а]к волки, и еще пришлось ждать, минимум час, командира б[атальо]на. Забыл. Получили вкусный,

но самый обыкновенный обед. Не скажу, чтобы здорово наелся, ибо в 12^{та} ночи уже был голоден, а дома ничего. Утром пожевал хлебца и пошел на смотр генерала⁶². Последняя инструкция перед отъездом, который назначен определенно на субботу. Едем сначала во Львов; надолго ли, неизвестно. Все же ближе, а, стало быть, и легче. После смотра — маневр. Посмотрел я на это дело, подумал и свернул свои удочки. В комнате моей гораздо лучше и веселее. Лучше, потому что затоплю печечку и согреюсь, а веселее, потому что смогу почитать и о дорогих подумать. Как я теперь полюбил одиночество. Выйдешь из комнаты — чужие кругом, каждый о себе и для себя. Войдешь в комнату — и сразу теплее на душе: на столике Ирмуся, Алек, дядя Толя [Левашов] и т[ак] д[алее] — дохнет к[а]к-то своим. Посмотришь и умиляешься.

Кстати, от Ан[атолия] Ник[олаевича] [Левашова] ни слышу, ни духу. Что-то там с ними? Все ли благополучно?

Воскресенье, 21 сент[ября]

Со вчерашнего дня сидим на чемоданах, все ждем приказа о выступлении. По всему, надо полагать, что уедем только завтра. Вчера получил письма от Ирмуси и папы. Пишет, что фотографии получены. Вчера в синема показывали украинскую гвардию⁶³. Сам, к сожалению, не был, но факт, т[ак] ск[азать], налицо. В четверг и пятницу банкетили — обжирались и обпивались. Вчера опохмелялись и отсыпались. Благодаря светлым ночам ежедневные алерты⁶⁴. Наверно достается гл[авным] обр[азом] Берлину, не узнаешь. Военные действия на восточн[ом] фронте принимают заключительный характер, конечно, не принимая во внимание партизанщину. Кажется, действительно, мы поспеем только к шапочному разбору. Думаю — тем лучше — облегчит работу. Теперь война опять перенесется на запад против Англии. Беспокоюсь о моих — так близко! Говорят, что в Бельгии масса немецк[их] частей. Наступление предполагается в октябре и будет, конечно, сокрушительным. Жалко, что я не скоро теперь узнаю подробностей переброски войск на английский берег. Сегодня отправил письмо «прощальное» Ирмусе и пишу также папе. По всем приготовлениям надо рассчитывать на долгую дорогу. Кажется, Львов — мне — тем лучше.

Понедельник, 22 сент[ября]

Когда же, наконец, уедем? Томительно тянутся часы ожидания. Находимся в состоянии готовности, и потому кое-как налаженный распорядок дня исчез, уступив место беспорядку ожидания. Лишился своего прежнего ординарца [Каюкова], отправлен на конюшню, а нового не получил. Пока что все надо делать самому. Главное неудобство — получка пищи.

Вчера у меня были гости: Смоленский и моряк (забыл фамилию). Вышло так, что собрались почти все русские легионеры. Долго сидели и разговаривали о России, большевиках и т[ому] п[одобном]. Потом выпили в кантине пива. Получил на хранение отличный бинокль, к[а]к раз то, что мне не доставало. Разошлись около десяти. Покуда шел к себе, восхищался чистотой неба и яркостью звезд. Давно уже я не видал такого неба. На горизонте восходил огненный Марс, и невольно в голову лезли всякие мысли. Смоленский похоронил Россию, Чехов хитрит, определенно не говорит, но относится ко всему крайне критически. Малoverы! И сколько у нас таких малoverов. К[а]к можно не верить в великое будущее нашей Родины. Не надо только рассуждать, меряя все на наш, человеческий, аршин. Именно теперь, когда, казалось бы, все потеряно, надо ожидать чуда. И чудо свершится, Господь прославится Россией и покажет всему миру, что Он — Господь!

Вторник, 23 сент[ября]

Утром б[атальо]н отправился на прогулку. Называется это тренировкой людей и лошадей. Я предпочел остаться дома и не утомляться перед дорогой.

Часов в 11 из штаба пришел посыльный за справкой: какая у меня профессия. Оказывается, запрос из Берлина о нас, русских. Опять стало сумно⁶⁵. Удастся ли спокойно уехать или же возьмут нас, рабов Божьих, за жабры и переведут на другое, «подходящее» место. Ведь в строю мы — элемент нежелательный. Ну, что ж! Что не делается — все к лучшему! Господь бы только не оставил.

В 12^м часов новость: к 3^м выступает обоз на погрузку — мы в 11^м вечера. Наконец-то! Пришел в комнату, окончательно собрал вещи, и стал поджидать, когда приедет за сундуком повозка. Часа в 2 пришел Камский с новым распоряжением: отставить,

остаемся еще на неопределенное время, может, дней на 10⁶⁶. В сердце что-то екнуло и надорвалось. Да, удар тяжелый. В-первых, ждать, что тяжело, во-вторых — теперь уже вряд ли нас оставят в покое — доберутся. Обидно, если все переживания и такой сдвиг будут впустую. Ну что же, значит, так надо! Впустую ничто не делается, нет! Но что же будет дальше? Лишь бы не заставили сидеть где-нибудь в изоляции от русского народа.

А вещи-то придется выкладывать обратно. Получил письмо и посылочку с папиросами.

Среда, 24 сент[ября]

Волнует неизвестность нашего положения (русского). Немецкие офицеры нас покидают — б[а]т[альо]н остается без них. Временно еще останется Науртманн [Хайзер], а на все время⁶⁷ — один офицер для связи⁶⁸. Опять получил открытку от Ирмуси — помнит обо мне девочка и заботится.

Пятница, 26 сент[ября]

Вчера получил письмо и открытку от Ирмуси и опять посылочку с сигаретами. От папы тоже письмо. Грустит, бедный.

Отвечаю:

Бодришь, отец! Уже немного
Осталось времени нам ждать
И в ожидании родного
Страдать, грустить и тосковать.
Не огорчай Творца напрасно,
Не унывай! — Ты не один:
Молись и будет все прекрасно, —
Не забывай своих седин.
Молись, отец! Молись, как можешь,
Услышит Он, пошлет тепло.
Иначе размышлять ты сможешь
И станет на душе светло.

Вчера ходил стрелять в тире из винтовки. Показал класс: 9.11.11.12.12. Знай наших!

Сегодня отправляюсь в кино в Мезериц. Первая партия пошла рано утром к 8^м часам. Конечно, иду со второй.

Не ходил даже, а ездил туда и обратно, растратился на пирожные и кофе.

Фильм был довольно приличный, пропагандный, из жизни гитлеровской молодежи. Актюалитэ — интересное, но, как всегда, производящее на меня тяжелое впечатление — избие-ние русских. Так надо! Как это ни тяжело, но эти жертвы необ-ходимы для блага всего мира и, прежде всего, народа русского. Господь, по своей великой мудрости и милости, избавил нас от этой жуткой операции, и ее делают другие.

Может быть, «завтра» принесет какое-нибудь новое реше-ние «нашего» вопроса. На душе к[а]к-то спокойно.

Суббота, 27го сент[ября]

Ничего нового относительно нашего вопроса. У лошадей как будто начался сап. Этого только не хватало. Проверяют! Получил посылочку от Ирмуси с шоколадом и табаком. Вче-ра вместе с папиным письмом отправил также 2 фотографии и письмо Алеку.

Вместе с письмом посылаю Ирме:

Осень северная

Осень наступила.
На душе уныло,
И звучат в природе
Грустные мелодии.

* * *

Утренник студень
На луч оголенный
Опустил росистый
Покров серебристый.

* * *

Тихо все в природе.
На небесном своде,
Долго на рассвете
Звезды ярко светят.
В тишине предутра,

Надрывая нутро,
Правят горлухи
Спевки-петухи.

* * *

Зароды и стоги,
В летнем эпилоге,
На покосе сена —
Жизни перемена:
Все, что было летом
На покосе этом,
Живым и цветистым
Осталось... душистым.
А снопов суслоны,
Воинов заслоны,
Закованны в латы,
Цветом медно-златы,
В шлемах, с бородами,
Стройными рядами
Строятся по пашне,
Для кровавой квашни.

* * *

В ситцы обрядились,
В желты нарядились
Белые березы
И роняют слезы.
Листья же осин,
Так до мутных синь
Осень защипала,
Часть из них опала.
Как в волшебной сказке
Сменяются краски,
Все желтеть торопится —
Зелень не воротится!
Гамма резких тонов;

Блеклых полутонов,
Как в тканях старинных
На стене в гостиной.
Ярко выделяется,
На ветру качается,
Средь листвы рябин
— Набор бус рубин.
На корах шершавых
Сосен величавых.
К[а]к алмаз горя —
Кристалл хрусталя.
Темная, иглистая,
В тени серебристая
И холодная
Стала их хвоя.

* * *

На пряслах, под вечер,
Полей сжатых — вече,
Слет со всех сторон,
Карканье ворон.
А при вспышках зори,
В облачном просторе,
Стаи лебедей
Тянутся южней;
Иль гусей и уток,
Птицам не до шуток,
И летят скорей
В страны, где теплей.

* * *

Листва опадает,
Ковром устилает
Повсюду лежащим,
Мягким и шуршащим
Осень выступает,

Подол подметает.
 Дряхлой кастаньяншей
 Желтый лист увядший
 Под порывы нервные
 Ветра, сеют мерные
 Дожди — сита частого,
 Времени ненастного.
 Нитками хлестая,
 Каплей прибывая
 Пух земли пыльной —
 Сыро все и мглисто.
 И редко мы можем,
 Ясным днем погожим,
 Порадовать взоры.
 И тогда просторы
 Нежно-бирюзовы,
 Так бездонны, новы.
 И по ним здесь-тут
 Мерлушки плывут
 В темные же ночи,
 Ярко светят в очи,
 Как натерты мелом,
 Звезды, светом белым.

* * *

Срываем мы с календаря
 Последние дни сентября.

Regenwurlager

Воскресенье, 28 сент[ября]

Пренеприятнейшая новость! Немцами замечены случаи болезни (сап) среди лошадей, присланных из Сербии и розданных в несколько частей. Уже несколько нем[ецких] б[атальо]нов, бывших в дороге, сели в карантин. Чтобы не случилось подобного с нами, нас оставляют также на месте 40 дней. Есть еще надежда, что могут заменить лошадей другими, но это тоже возьмет много времени. И так, еще на неопределенное время

здесь. Тяжело! Нас все время к[а]к будто что-то не пускает. То одно — то другое. Один из легионеров, занимающийся радиостезией, предсказывает, что легион через 40 дней будет направлен в Бельгию, но предварительно побывает в России. Что легион скоро отправят в Бельгию, я нисколько не сомневаюсь, т[ак] к[ак] навести там порядки необходимо, а для чего, к[а]к не для этого он предназначен. Что же тогда будет с нами? А здорово тянет к своим! Своего рода искушение. Знаю, что если вернусь, то уже не скоро оттуда выберусь. Нет, мои родные, мой долг мне велит пробираться дальше, и при этом, какими угодно способами. Только силком меня могут отвезти обратно, а покуда не применили этот способ воздействия — вперед и только вперед. Такие мысли и колебания происходят от ничего неделания, скуки и проч[его]. Есть ли способ бороться с ними? Есть! Ну, значит, и поборемся!

Получил открытку от папы. Что-то с ним происходит ненормальное. Замечаю это по тону и почерку. Господи, доставь ему радость добраться до родной земли. Ведь уже немного осталось.

Завтра утром топаем в синема. Снимался с Виктором около пруда.

Вторник, 30 сент[ября]

Сегодня 17ое по стар[ому] ст[иллю] Вера, Надежда, Любовь и мать их София. Именины моей матушки. Упокой, Господи, душу усопшей рабы Твоя. Какое бы я получил удовлетворение, если бы была возможность отслужить панихиду. Когда это будет возможно?

Вчера ходили в синема — получил от фильма удовольствие, зато от актуалитэ, к[а]к всегда, тяжелое впечатление. Интересно сопоставить реагирование бельгийцев, немцев и русских.

До сих пор ничего из Берлина нет. Может, оставят в покое?

Забыл записать, что в воскресенье уже была присяга новых рексистов Дегрелля. Среди новых оказались все офицеры не рексисты, в том числе Г[еоргий] В[асильевич]. Застраховался⁶⁹! Нас [переводчиков] оставили в покое. Я боялся, что предложат, хватило ума и такта этого не делать. Хотя, может, Дегреллем руководят и другие мысли, но, конечно, так лучше.

Отправляю письма Ирмусе, Олегу (6) и Викт[ору] Б.

Среда, 1 октября

1ое октября. Вчера еще светило солнце, сегодня пасмурно и нет-нет, да проморосит дождик. Приказом разрешили топить печи. Опять имел разговор насчет ординарца — обещали сегодня же. При мне в штаб приходил лейт[енант] Лепин [Леппин] с новостями. Нам меняют лошадей и получен приказ грузиться на 3 число. Конечно, 3^{ье} [октября] не уедем, т[ак] к[ак] нужно, по крайней мере, неделю, но шансы на скорый отъезд появились. Может, к 8^{му} числу и отправимся. Выйдет ровно два месяца со дня отъезда из Брюсселя. После обеда пойду на стрельбу и постараюсь опять отличиться.

Четверг, 2 окт[ября]

Отличился. Бельгийские офицеры злятся, а солдаты относятся с уважением. Иду на первенство в бат[альо]не. Может быть, устроят конкурс — выступлю. Сегодня должны начать менять лошадей. Кажется, взялись всерьез и похоже на то, что скоро уедем. Эх, если бы в центральном направлении⁷⁰, так не хочется сталкиваться с украинизацией, да и в дальнейшем труднее будет переместиться. А так, прямо бы подкатил к месту предназначения. Хотя, кто знает, что мне предназначено. Вчера получил от Ирмуси 3 маленьких пакетика сигарет, а позавчера открытку от М[арии] Н[иколаевны]. Гадает, где мы.

В обед получил письмо и открытку от Ирмуси и откр[ытку] от Ольги Францевны. Ответил Ирмусе (№ 7).

Опять убили рексиста в Брюсселе бомбой (первого в Турнэ). Есть сведения, что в Льеже беспорядки.

Прослушали конференцию Дегрелля на тему «Наполеон и Хитлер (кампании в России)». Лекция популярная: с точки зрения военной — ерунда. Говорит же здорово.

Пятница, 3^{ье} окт[ября]

Получил письмо от Викт[ора] Спечинского⁷¹. Ответил.

Опять ходил на стрельбу и из-за плохого самочувствия стрелял неважно. Была стрельба на 200 и 300 м[етров].

Хитлер говорил по радио об обстановке на восточном фронте⁷². Уже 48 часов к[а]к идет решительное наступление с целью полного разгрома сов[етских] армий⁷³. Цифры потерь и добычи потрясающие. Уже 2½ мил[лиона] убитых

сов[етских] солдат⁷⁴. Какой ужас! Когда же, наконец, появится кто-ни-будь. Господи, спаси Россию!

Сегодня сынуськины именины. Пошли Тебе Господь, мой маленький, счастья и здоровья. Когда-то я прижму к своей груди моего родного?!

Воскресенье, 5 окт[ября]

Вчера вечером от скуки смертной надирались, но, чтобы надраться, вина не хватило. Сегодня ездил на велосипеде в Мезериц на футбольный матч между легионом и гарнизоном. 3/2 в пользу немцев. Был в кино, ел пирожные и все. Получил письмо от женульки (№ 1). Лошади прибыли и, наверно, в четверг снимемся с якоря.

Понедельник, 6 окт[ября]

Отправил письмо и открытку (8, 9) Ирмусе. Кроме того, еще отправил выкройку бриджей и письма папе и Алеку.

Письмо Алеку

Здравств[уй], мой маленьк[ий], любимый макарошник!

Как ты поживаешь и много ли на лбу шишек набиваешь? Хорошо ли по-русски пишешь и читаешь, или по-прежнему папу только надуваешь? Много ли с Henri гуляешь и в прежнем ли чине пребываешь? Мне это все неизвестно и, между прочим, очень интересно. Ты, детка мой, поспеши, сядь и папуге все напиши. А пока целую крепко моего детку, а сам сосу мятную конфетку. Нам их здесь изредка дают, и от них в желудке витамины (v) спуют. Да, да, да! Папа правду говорит. Вот я пишу, а сбоку папириска горит. Ты только мамусе об этом не говори, а поцелуй ее крепко и поблагодари за пакетик «Boule» и за штучку на ушки. Это кстати, т[ак] к[ак] уже дохнут мушки. Скоро будет холодно. А т[ак] к[ак] у меня в животе голодно, то я должен пойти покушать и, кстати, последние новости послушать.

Будь же хорошим, мой малюточка. Пиши! Целую тебя крепко.

Разговаривал с пленными югославянами из Kiench'a [?]. Были страшно удивлены, что я говорю по-сербски, а еще больше удивились, когда сказал, что я русский. К сожалению,

много разговаривать не пришлось, а хотелось кое-что им сказать. Может, еще удастся.

Вторник, 7го окт[ября]

Пробуют лошадей. Кажется, пока все хорошо, но теперь не хватает сбруи. Ну и кабак! Говорил с одним немцем-переводчиком. Разговор носил весьма интересный характер. Украина, Черное море, Кавказ, Багдад, Сев[ерная] Африка. Не много ли? Все это можно завоевать, но удастся ли удерживать. Человек предполагает! Хоть и великий человек, но человек⁷⁵. Получил письма от папы и Анат[олия] Никол[аевича] [Левашова] и открытку от Ирмуси. Написал Анат[олию] Н[иколаевичу], Ирмусе, М[арии] Н[иколаевне], тестю и О[льге] Ф[ранцевне]. Первым отправил фотографии «на озере» [Кшива] (№ 10).

Завтра офицерский конкурс стрельбы на 150 м[етров] из карабина. Эх, если бы кое-кого заткнуть. Что-то я теперь стал волноваться больше, чем когда-то раньше. Ну да посмотрим. Бедный Анат[олий] Ник[олаевич], к[а]к я его понимаю! Удалось бы мне — удастся и ему.

Среда, 8 окт[ября]

На стрельбе оскандалился, опять волновался. Больше стоя стрелять не буду, дрожат руки. Хорошо, что Г[еоргий] В[асильевич] вывез. Как будто уедем в воскресенье. Еще 3 дня! Что бы такое придумать, чтобы убить время. Делать что-нибудь просто не хочется, читать нечего. Разве побольше спать? Если сплю днем, то ночью не охота.

Четверг, 9 окт[ября]

Получил письма от Ирмуси и В[иктора] Спеч[инского] и посылочку. Написал № 11; папе и Ал[ексею] Петр[овичу] [Архангельскому] и Ж. Олиферу. Сплю.

Пятница, 10 окт[ября]

Ровно 2 месяца со дня прибытия в лагерь. Опять скандал со Ступиным — пьет, к[а]к сукин сын. Надо принимать меры. Скорей бы отсюда, а то дело начинает принимать скверный оборот. Вышел спец[иальный] № газеты. С большевиками

дело кончено, окружены и уничтожаются последние армии, способные драться. Неужели я так ошибался и никакого переворота не будет. Что-то готовит нам будущее, какую встречу? По одним сведениям, население встречает как освободителей, а по другим, очень враждебно. Думаю, что истина посередине. Будто советско-немецкая граница временно закрыта. Почему и для чего? Неизвестно. Да и какая может быть сейчас граница!

Суббота, 11 окт[ября]

Оказывается, граница действительно закрывается для пропусков поездов, которые идут или в одну, или в другую сторону. Сейчас период движения на запад. Открыться путь может каждый час.

Проехали с Камским в Мезериц. Покушали, пошли в кино. Вернулись с 12^{ти} часовым автобусом.

Вечером дождь сменился мокрым снегом. Погода отвратная. Что-то уж слишком рано выпал снег, не будет ли свирепой зимы?

Получил от Ирмуси письмо (№ 4) и посылочку с бритвен[ными] принадлежностями.

Слышал по радио на украинском языке, что взбунтовался Блюхер, к нему примкнул дальневосточный флот⁷⁶. Эх, если бы это было правдой!

Воскр[есенье], 12 окт[ября]

К утру дождь и снег прекратились, небо очистилось, и когда я раздвинул шторы, солнце ярко светило в глаза, а небо было ярко голубое и чистое. Местами еще лежал нерастаявший снег, но т° была бодрящая. С часу опять полил дождь, а к ночи вывезло.

Большую часть дня проспал, не идти же надираться в офицерское собрание. Многие начинают потихоньку спиваться, и вообще атмосфера нехорошая. Пробудем еще с неделю, и пойдут драки и полный нелад. На завтра приказ не покидать лагеря, может, это что-нибудь и значит. Кроме того, все должны быть в полной готовности. Это уже в третий раз. Может, на третий и сдвинемся. Лишь бы не послали обратно в Бельгию. Что тогда нам делать? Что ни день, то потрясающие победы и такие же потрясающие цифры. Оказывается, около нас, к[и]л[о]

м[етрах] в 10^м, лагерь воен[но]плен[ных] советчиков. Всякий контакт запрещен по причине чесотки. Жалко! Написал письмо за № 12 Ирмусе. Спать!

Понедельник, 13 окт[ября]

Получил письмо от Ирмуси (№ 5), папы и М[арии] Н[иколаевны]. Ругается за балаганное письмо, но, думаю, что не мое письмо так подействовало, а Юрия [Васильевича]. Не в присяге ли дело?

Cache-oreilles⁷⁷ и пакетик «Boule» оказывается прислала Гит [?]. Чудеса! Архангельский получил только мою фотографию (!). В два часа пришел приказ выступать в четверг. Сбывается! Слава Тебе, Господи! Ну на этот раз уже сдвинемся. В 10^х числах ноября 1920 года мы покинули пределы нашей Родины. В 20^х числах октября 1941 г[ода] мы вновь переступим эту черту, но в другом направлении. Ровно 21 год или 42 [неразб.]. Чудны дела Твои, Господи! Как же можно еще чему-нибудь не верить!

Вторник, 14 окт[ября]

Опять не все благополучно. Вчера был лишь разговор по телефону, а письменного приказа еще нет до сих пор. Вагоны должны прибыть из Франкфурта — их тоже пока нет. Опять нервное ожидание. Опять всякие неуверенности. Неужели еще сидеть?!

Не подать ли прошение по начальству о переводе куда угодно, но подальше отсюда. Становится тяжело, нам здесь не место. Мы не ко двору.

Нетактичные намеки и разговоры одних, видимая нелюбовь других. Мы, русские — гунны, дикари, народ, который вообще надо уничтожить и проч[ее]. И это идеалисты, поднявшие знамя борьбы с коммунизмом! — Мелко плаваает, г.г. бельгийцы. Дело Ваше умрет вместе с Вами, а русский народ, кроме того, Вам этого не забудет. Может, и простит, но не забудет. Камень в нищего. Плевков в униженного и оскорбленного. Вы распяли Россию! Вы же скоро будете валяться у Ее ног с просьбой о милости. Пока же смейтесь над развалившимися и покривившимися домиками, с их полуголодными и грязными обитателями, или над военнопленными, давящими своих вшей. Это интересно и смешно. Бог Вам судья! Мы же только будем послушным орудием в Его руках.

Среда, 15 окт[ября]

Официально и определенно уезжаем. Погрузка обоза с 7^{ми} утра. Остальные выступают из лагеря в 10. Первый эшелон: штаб и пул[еметная] рота. Другие роты или через 12, или через 24 часа⁷⁸. Отправляю Ирмусе письмо за № 13 и открытку Спечинскому.

Господи! Через 2 — 3 дня, может, увижу мою дорогую Родину. Разрушенную, униженную, окровавленную, но, несмотря ни на что, Великую и Тайную. Ты видишь, Господи, все мои стремления и мысли. Так помоги же мне и вразуми в минуту трудную, не оставь меня одного среди враждебных помыслов и действий. Господи, мой Господи! Услыши меня!

II

Четверг, 16 окт[ября]

Последние минуты ожидания. Еще немного и... прощай, Regenwurmlager. Прощай и ты, моя маленькая комната. Никто не знает, сколько в тебе было пережито за эти два месяца. Одни только твои стены были свидетелями всех моих радостных и горестных переживаний. Офицерск[ий] блок 4, комната 44. Насмешка, но над кем! Над хозяевами или гостями? Вперед! И только вперед!

Имел возможность прибыть на станцию в камионе⁷⁹. Для офицеров — вагон 2го класса, для солдат — теплушки. Исключение для немцев-инструкторов — тоже во 2^м. Эшелон в 50 вагонов. Другие роты выезжают через 24 часа.

Ровно в 2.15 тронулись⁸⁰. Попрощались сердечно с Haurtmann'ом Henser'ом⁸¹.

К 11 ч[асам] веч[ера] вышли из Бреслау. Куда точно едем, конечно, неизвестно, но можно предполагать, что на Львов. Значит на самый юг.

Пятница, 17 окт[ября]

Т[ак] к[ак] дали два места на каждого, то выспался, правда, спал крючком. Утром вдруг повернули на Радом, но, не доезжая до Кельцы, остановились и поехали в обратном направлении. Оказалась ошибка — идем на Краков — Львов. Отношение жителей-поляков хорошее. Радуются и удивляются, когда заговоришь на ломаном русско-польском языке.

Суббота, 18 окт[ября]

Остановились в 30 к[и]л[о]м[етрах] от Львова на распределительном пункте. Сколько простоим — неизвестно. Перед нами венгры простояли два дня. Неожиданный сюрприз. Возле поезда на картофельном поле работают пленные красноармейцы. Первая встреча, первое соприкосновение. Екнуло сердце. Подхожу, чтобы поговорить. Боже! На что эти несчастные похожи. Рваная одежда, изможденные лица. Лишь на некоторых

подобие какой-то формы или шинели. Кругом толпа бельгийцев зубоскалят, смеются. Вот один, что с краю, остановился, бросил работать, просит негромко по-русски папироску. Бельгийцы рыгочут от удовольствия, а просящий получает несколько ударов палкой по спине от конвоира-немца. «Работай, свинья!» Свинья втягивает голову в плечи, сжимается и продолжает работать — рыть картошку. Слышно только «Эх!», а потом — тихий смех.

«Откуда Вы?» Трое близко от меня работающих поворачивают головы. В глазах читаю радость, удивление и вопрос. «Из Калинина, а по-старому — Твери». «А Вы, значит, по-нашему говорите?!» Выцветшие голубые глаза смотрят прямо, не мигая, в них видно страдание и покорность. «К[а]к Вам здесь живется?» — «Да что ж! Были там пленниками, теперь здесь. Нам не привыкать!» На все заданные вопросы отвечают не задумываясь и дельно. «Есть ли среди Вас украинцы?» — «Нет, сейчас больше нет. Их всех освободили, а нас все держат!»⁸² «А за что нас держат?», «А к[а]к дела на фронте?», «А скоро ли конец?» Вопросы так и посыпались, только отвечай. Сталин — грузинск[ий] жид. Власть жидовская и проч[ее] в этом духе. Кто искренен, кто успел уже перекараситься, Бог их знает, но есть такие, которым можно верить. Большинство мобилизованные. «А кто из Вас помнит царский режим?» — «А вот хоть бы я!», «Хорошее время было! Жить легко было». «Скорей бы война кончалась, да нам по домам. Вот все, что нам надо». «От холода здесь помрем». «А в Бога верите?» — «Верим! Молодежь только мало этим интересуется. Откуда же им знать. Церквей нет, да и воспитание против».

У бельгийцев впечатление разное. Есть и сердобольные. Немцы — просто ожесточены. Это понятно. Понятно и их отношение и поддерживание украинизации.

Мое личное впечатление, конечно — тяжелое. Больно видеть, больно слышать. Больно за этих несчастных людей, ничего не видевших светлого и хорошего в жизни. Больно за Россию!

Но не видят иностранцы, то, что уже увидел я, только соприкоснувшись с этими людьми и поговорив несколько минут.

Страшная внутренняя сила таится в них. То, что они сейчас терпят — они вытерпят, если не помрут от холода и болезней (50 ч[еловек] в день)⁸³. Они закалены, им не страшно. Да, они сильно придавлены и измучены. Да, на вид они полудика-

ри, и в настоящий момент этот наружный вид поддерживается их победителями. «В баню, помыться бы! Вши заели!» Но так логично и дельно отвечать на все вопросы полудикари не могут. Ставить в нормальные условия этих людей, г.г. иностранцы, для Вас вещь опасная.

Воскресенье, 19 окт[ября]

Простояв целый день за Ярославлем, сдвинулись часов в 5^{ть} вечера и остановились еще по эту сторону Сана на целую ночь. Утром переправились через Сан и въехали в тепер[ешнюю] Россию. Остановились в Перемышле, где будем опять стоять неизвестно сколько, ждать очереди⁸⁴. Часов в 9^{ть} подошел наш 2ой эшелон. Ходил в церковь, оказалась униатская⁸⁵. Простояли до Херувимской [песни] и пошли обратно. Не знаю, к[а]к другие, но я еще себя в России не чувствую, т[ак] к[ак] кругом все «почти свое». Получил письмо от Ирмуси и написал сам открытку (№ 14).

Долго не мог заснуть вчера, все думал о том, что видел и прочувствовал. Этого момента я не забуду никогда, к[а]к не забудут наверно эти несчастные отношения к ним.

Они обреченные, но какая-то часть все же в живых останется. Да, надо терпеть, сдерживаться и не показывать виду — ведь все равно никто не поймет. Для того чтобы понять, надо перенести то, что перенесли мы [эмигранты], и полюбить свою Родину той любовью, которая двигает нами.

Перемышль сильно разрушен и не видно, чтобы его правляли. Бедность просвечивает всюду. Мальчишки и девчонки просят у поездов хлеба, спекулируют папиросами, достать котор[ые] иначе трудно. Понимаем друг друга отлично. Лучше всего, не коверкая речь, говорить по-русски, отвечают на своем языке, который смешанный русско-украинский. Купил укр[аинскую] Краковскую газету — понять гораздо труднее. Итак, стоим и ждем.

Россия! Родина Святая!
Я здесь!.. Я пред Тобой!
Прими дитя Твое, Родная.
Я Твой!
Признай, согрей после разлуки,

Возьми в объятия свои,
 Пошли конец изгнанию муки...
 — Прими!
 Я чист, достоин сострадания;
 Тобою грезил — не забыл;
 Тобой все долгое изгнание
 Я жил!
 Россия, Родина Святая!
 С открытым сердцем и душой,
 Стою перед Тобой, Родная —
 Я... Твой!

*Р[остислав] Зав[адский]
 Перемышль*

Понедельник, 20 окт[ября]

Уже 12 часов дня, а мы все стоим на месте и когда отправимся дальше — один Бог знает. Скука! Утром ходил в город, который кишит жидами. Наверно, на 10 чел[овек] 8 жидов. Разрушения большие. Городок небольшой. Купить что-нибудь нужное нет возможности. Папиросы достал с трудом, и то только в «Soldatenheim'e»⁸⁶ (20 шт[ук]). Втягиваю в себя дым советский — удовлетворительные. Зашел к часовщику в надежде найти что-нибудь. Конечно, сидят два жида. Обращаюсь по-русски, не обращая внимания на нем[ецкое] приветствие. Отвечает на чистом русском языке, что нет, и найти можно только случайно. Сразу мелькает мысль: откуда он так хорошо знает русский язык. Приглядываюсь внимательно. Интеллигент[ная] еврейск[ая] физиономия. Типичный отпечаток на лице. Спрятавшийся, оставшийся со спец[иальным] заданием, или что-то в этом роде. Попробуй — докажи! Вышел.

Отправил письмо Ирмусе (№ 15) и откр[ытку] (№ 16). Как-то они там, мои родные?!

Вторник, 21 окт[ября]

Они шли-ползли медленно, едва передвигая ноги, одетые во всякую рвань. Вшивая гусеница по три. Когда на них навели яркий луч электрического фонаря, никто не реагировал. Было их тысячи три. Некоторые в изнеможении падали. Тогда их подбирали и бросали, к[а]к мешок, на телегу, едущую

сзади. Один из упавших представлял из себя гниющую массу мяса, покрытую лентами того, что было раньше шинелью. Передвигаются они больше пешком, а если в вагонах, то набитых до отказа. Зрелище, от которого кровь стынет в жилах, и начинает тошнить. Обреченные! Я Вас никогда не забуду.

Это было вчера вечером, когда я направлялся в «Soldatenheim», чтобы вкусно поужинать. Сейчас отъезжаем дальше. 11 часов утра⁸⁷.

С 1 ч[аса] дня — [я] дежурн[ый] по поезду.

Подолгу стоим на всех станциях — путь во Львов zagrożенный. На станциях местные крестьяне предлагают яйца, молоко, кур, гусей — все за табак и папиросы. Яйцо — 2 папиросы; курица — 3 сигары; гусь — вдвойне. Говорят, что в глубине России папирос не достанешь.

Среда, 22 октября

Во Львов прибыли в 5 ч[асов] утра и, к нашему крайнему удивлению, стояли очень недолго. К 7^м часам двинулись дальше. Успел рассмотреть в предрассветном мраке разрушенный вокзал. Реставрируют его полным ходом. Вообще, можно сказать, что пострадали сильно лишь крупные центры, тогда к[а]к по пути разрушений почти не встречается. Быть может, в Тарнополе узнаем точно наше направление (или Киев, или Одесса)⁸⁸. Чем ближе к Тарнополю, тем больше встречается разбитых танков и автомобилей⁸⁹. На одной станции видел советск[ую] братскую могилу. Говорят, 70 солдат. Вместо креста — кусок доски, с надетой сов[етской] каской. Опять пленные и пленные — подчиняют пути. Чаше встречаются отпущенные на волю украинцы, пробираются всеми способами домой. Попросят взять с собой в поезд — подвезти.

Четверг, 23 окт[ября]

Когда проснулся утром, то увидел дрожащих бельгийцев. Было действительно прохладно. Теперь мы были уже на старой русской земле (до 14 ч[асов]). Проскуров проехали рано утром — не видал. Вчера же вечером были в Волочиске. Станция сожжена дотла. Статуя Ленина без головы и на тоненьких ножках — баран [?], к[а]к бы символизирует крах советов. Вообще, вдоль всего пути станций не существует — сожжены. Каким-то

чудом уцелела Жмеринка⁹⁰. На одной из станций, где мы стояли утром, увидел интересную хохлушку, работала по починке путей. Ее я выбрал, к[а]к первую русскую женщину на предмет впечатления, и подошел поговорить. Говорили мы минут 15, а другие рабочие стояли вокруг и с удовольствием нас слушали. За это время мы успели стать друзьями, и когда я на прощанье подарил ей две штучки ниток и немного одеколону, она растаяла окончательно и долго махала рукой. Имя ее — Елена. У нее голубые ясные, правдивые глаза, и в благодарность за подарок она мне пожелала скорее увидеть жену и сына. Спасибо, Елена! Ты первая пожелала мне на родной земле то, что мне особенно недостает. Отправил откр[ытку] № 17.

Пятница, 24 окт[ября]

Вчера вечером прибыли в Слободку. Сегодня перегрузились на широкую колею и к 3^м час[ам] отправились дальше. В Слободке нас нагнал 2ой эшелон. По поводу русских вагонов, в которые нам пришлось перебраться, выслушал много острог. Опять защемило сердце. К[а]к Вам не стыдно, г.г. идеалисты, когда же Вы сознаете, что виною этому Вы. Вагоны действительно дрянные, но ведь это 4^м класса, да и стройки наверно [1]900* годов. Все хорошие вагоны большевики успели угнать. До Балты с нами ехало 3^е румын. Эти храбрые воины уже присоединили приличный кусочек, вплоть до Буга⁹¹. Жители уже настроены против. Здесь ходит слух, что немцы посадят на престол княгиню Ольгу (?)⁹². Характерно, г.г. русские политдеятели. Царь и монархия еще живы в сердце народа русского.

Суббота, 25 окт[ября]

Ночью прибыли в Голту и были разбужены винт[овочными] выстрелами. Оказалось, что это стреляют для большей храбрости румынские часовые. Пули посвистывали над нашим поездом.

Утром отправился по страшно грязным улицам на базар. Достал 100 папир[ос] и семечек. В городке кого только нет, кажется, все союзники. Говорят, что будем здесь ночевать. Можно достать многое: молоко, творог, колбасу и даже хлеб. Написал письмо Ирмусе № 18.

Воскресенье, 26 окт[ября]

Пытаемся достать продукты и сигареты повсюду — пока удачно. Вчера был в укр[аинском] театре, а после пошел пить самогон на квартиру к одной украинке. Думал остаться поспать, но не рискнул остаться один, т[ак] к[ак] боялся за свою невинность. Бедная женщина, и таких сколько! Утром выступили из Голты, сели в вагоны в Ольвиополе и движемся на Кирово — Днепропетровск.

Понедельник, 27 окт[ября]

Часам к 10^м прибыли в Елисаветград [Кировоград]. Ходил посмотреть на папино [кавалерийское] училище. Дорогой папуся, здесь есть старый вахмистр, который тебя помнит.

Здорово поели и выпили в офиц[ерском] ресторане.

Написал письмо № 19.

Среда, 29 окт[ября]

Дождь, дождь. Скучно. Холодно. Уже сколько дней мерзнем в нетопленном вагоне. Печку достать невозможно, а теплой одежды нет. В Елисаветграде купили 300 литр[ов] водки, которой изредка и согреваемся. Уже два дня почти не двигаемся. За два дня сделали 35 к[и]л[о]м[етров]. Сейчас стоим в Знаменке — на сколько времени, неизвестно. Продуктов осталось на два дня — приобретать негде. Так хочется узнать, что делается дома, как живут мои детки. Едущий с нами итальянский полковник⁹³ рассказывает всякие глупости о России с видом большого знатока. Слушаю, ибо приходится слушать. К чему протестовать и спорить. Как только предоставляется возможность поговорить и разъяснить русским людям обстановку — не упускаю случая. Забавно, что когда начинаешь говорить на русском языке, то люди спрашивают, откуда я так хорошо знаю украинский. Произошло какое-то смешение наречий за эти года.

Грязь во всех городках непролазная — не идешь, а плаваешь. Отправил открытку № 20.

Суббота, 1 ноября

Двое суток простояли на ст[анции] Долгинцево⁹⁴.

В четверг пошел покупать хлеб и совершенно неожиданно встретил брата Е. Г. Полянской. Отправил письмо № 21.

Был в гостях у двух барышень «нового поколения». Много разговаривали на всякие темы, они, конечно, неверующие. Имел длинный разговор со здешним священником. Камский успел съездить в Никополь к родителям жены. В бат[альо]не уже появились вши.

С большим трудом достал пакетик махорки, а у нем[ецких] солдат немного папирос. С куревом дело обстоит совсем слабо.

В Екатеринославе [Днепропетровске] простоим наверно довольно долго, т[ак] к[ак] лошади сильно устали — ложатся. У меня желание помыться в бане преобладает над другими. Ведь уже больше 2^х недель не меняем белья и не моемся, как следует. Начинает покусывать.

Воскресенье, 2 ноября

Прибыли в Екатеринослав утром⁹⁵. От станции и домов по пути — одни развалины. Заводы взорваны. Главная улица разрушена⁹⁶.

Понед[ельник], 3 ноября

Остановились в школе на ул[ице] Дзержинского № 29. Грязновато, но есть центрально[ое] отопление. Смотрел на дом тети [неразб.], вид паршивый, но цел. Ходил в баню и получил полное удовольствие. Достать что-нибудь в городе невозможно. Познакомился с инж[енером] Мержеевским и был у него в гостях с Г[еоргием] Вас[ильевичем]. Надулись чаю с сахаром.

Вторник, 4 ноября

Написал деткам (№ 21). Завтра б[атальо]н должен выступать в сторону Ростова. Отдохнуть не дают ни людям, ни лошадям. Сомневаюсь, чтобы выдержали — 300 к[и]л[о]м[етров]. Только что получил распоряжение выступать сегодня с головн[ым] отр[ядом] — квартирмейстером. Первый переход — 25 к[и]л[о]м[етров].

Среда, 5 ноября

Выступили только сегодня в 6 ч[асов] 30 мин[ут].

Я должен был ехать верхом на лошади Тайса⁹⁷. Не лошадь, а мастодонт.

Взобрался, но ненадолго, т[ак] к[ак] она решила избавиться от меня, но, не сумев меня сбросить, легла на бок и придавила мне ногу. Т[ак] к[ак] нога сразу заболела, я решил продвигаться другим способом, т[о] е[сть] мотоциклетным. В Новомосковске боль увеличилась настолько, что я еле ползал, приготавливая помещение и горяч[ую] пищу для передов[ого] отряда. Когда все было заказано и отряд прибыл на место, я решил пройти к нем[ецкому] врачу. После весьма внимательного осмотра моего колена, мне было предложено лечь в госпиталь на 2 — 3 дня, что и пришлось сделать, скрипя сердцем. Значит так надо.

Четверг, 6 ноября

Знаменательная дата — оставление Крыма нашей армией в 1920 г[оду]. Ночь провел довольно беспокойно, т[ак] к[ак] болела нога. Кроме того, большое неудобство с уткой, которая ставится на большом расстоянии. По палате сквозняк гуляет, успел схватить насморк. Доктора весьма милы, один говорит по-русски. Кажется, раньше 2^х дней не вырвусь.

Написал детям (№ 22).

Пятница, 7 ноября

Ноге гораздо лучше. Могу сгибать потихоньку в колене. Думаю завтра выписываться, хотя доктор уговаривает остаться до воскресенья. Боюсь набраться вшей, которых тут полно. Раненых не моют — лежат грязные по много дней. Уборщица Поля по утрам моет мое лицо и руки. Сегодня получил шоколад. Здесь можно выбирать или шокол[ад], или папиросы. Доктор сказал побольше есть — очень тронут. Скука страшная и совершенно пустая голова.

Около Новомосковска в лесу хозяйничают партизаны. К[а]к-то прошел вчера вечером наш головн[ой] отр[яд]⁹⁸? Невольно все мысли переносятся в Бельгию, к своим. Все думаю о них и нашем будущем. Теперь, когда лежишь в палате с совершенно чужими людьми, так полно чувствуешь свое одиночество и беспомощность. Куда заносит меня судьба, и что готовит мне в недалеком будущем. На Господа уповал и уповаю. Он мой помощник и покровитель. Бояться нечего! Детки! Думаете ли Вы обо мне так, к[а]к я о Вас?

В головах у меня положили майора, раненного этой ночью партизанами. Рана — смертельная, в живот. Делали переливание крови, вспрыскивали какой-то раствор. Мучился бедняга здорово, и вскоре отдал Богу душу. Приходил Г[еоргий] В[асильевич] и сказал, что б[атальо]н останется на неск[олько] дней здесь. Дороги непроходимы (6 к[и]л[о]м[етров] в 3 часа). Наверно займемся ловлей партизан.

Суббота, 8 ноября

Выписался из госпиталя. Нога еще болит, но все же лучше быть с бат[альо]ном, чем одному. Вечером получил большое духовное облегчение — попал на всенощную в местную церковь. Первая служба на родной земле. Не выдержал и заплакал, к[а]к маленький ребенок. Смотрели на меня окружающие и дивились, а я молился и плакал. Стройно пел хор знакомые напевы, и забывалось, что находишься в совершенно опустошенном храме с голыми и грязными стенами, на которых лишь виднелись темные пятна следов от висевших когда-то икон. Хорошо служил священник, и горячо молилась серая толпа — большинство женщин. Вспомнилась всенощная в нашей Льежск[ой] церкви. Постарался представить присутствующих там, а слезы лились и лились, и остановить их я был не в силах. Чудо воскресения продолжается, и ему видятся присутствующие иностранцы. Слава в вышних Богу⁹⁹.

Воскресенье, 9 ноября

Хотел понасть перед литургией, чтобы отговорить, но Бог судил иначе. Из-за приезда к[оманди]ра нашего полка мы с Г[еоргием] В[асильевичем] задержались и попали в церковь, когда уже шла служба. Народу масса, протиснуться вперед нет возможности. Началось в 8 ч[асов] у[тра], а в 10⁰⁰ должна быть католич[еская] месса. Мы хотели сразу после службы отслужить молебен, да из-за количества говеющих стало видно, что не удастся. Г[еоргий] В[асильевич] ушел, а я остался. Подали только на литургии о здравии и за упокой. После литургии я уже собрался уходить, к[а]к вдруг ко мне подошел священник и сказал, что он по моей просьбе задержал хор и отслужит молебен после кат[олической] мессы. Простоял еще 2 мессы, на которых присутствовали и все православные, а после начался

мой молебен. Перед чтением Евангелия о[тец] Николай подошел ко мне, поставил на колени и, покрыв епитрахилью, стал читать. После окропил св[ятой] водой. Молебен был, т[ак] ск[азать], двойной: просительный и напутствен[ный]. О последнем я не просил, батюшка это сделал сам. Хор пел «Спаси Господи ... христоролюб[ое] воинство». Окропив меня обильно св[ятой] водою, о[тец] Николай пожелал мне благополучия на войне и дома. Присутствующ[ая] масса народа была вначале поражена, а после истово молилась вслед за священником.

В 4 ч[аса] дня мы еще были раз в церкви на вечерне. С нами был и майор [Жакобс].

Если будет время, постараюсь зайти к о[тцу] Николаю на квартиру.

Понедельник, 10 ноября

Уже второй день ночью заморозки и звезды, а днем солнышко светит. Погода чудная. Написал письмо № 23. Осмотрел подробнее Новомосковск. Если подчистить и привести в порядок, то будет хорошенький городок. За городком речка с названием Самара. Песчаные берега могут служить отличным пляжем. Нешироко, но глубоко.

Появилось желание покушать рыбы. Нашел совершенно случайно и купил 6 щук и 6 окуней, которых и съели вечером с [Георгием] В[асильевичем]. Опять посылают вперед в передов[ой] отряд. Может быть, выступим завтра утром.

Вторник, 11 ноября

Пока еще все сижу. Ждут, когда подмерзнут дороги. Становится все холоднее, и небо с утра заволокло тучами однотонными и серыми. Думаю, что скоро выпадет снег. Опять хуже: нога болит и колено стянуто. К[а]к раз к выступлению в путь. Надоело теперешнее положение ужасно, все думаю, к[а]к бы переключиться на другую работу. Скорей бы, дальше и дальше вглубь. Быть может, попадем на Дон, а может через Дон на Волгу. Лишь бы поближе к первой линии, т[ак] к[ак] это сулит многое, и в первую очередь — письма. Как я по ним соскучился!

Все больше склонен думать, что день нашей встречи затягивается. Немцы зарвались, и конец войны здесь будет не такой, к[а]к они предполагали. Как все это кончится — предполагать

трудно, но если не думать, а просто верить, то кончится, к[а]к должно. Пока смотрю на жовто-блукитны прапоры¹⁰⁰ и думаю свою думу.

Четверг, 13 ноября

Написал № 24, где вспоминаю о думке¹⁰¹, положенной в гроб майору. Жалко думочку — Ирмусина. Вчера отобедали в столовой. Обед я заказал на свой риск, но г.г. офицеры остались довольны. После обеда ездил с du Wels'ом¹⁰² в Екатеринослав по делам. Зашел к sonderfuhrer'ам-немцам, где опять ел. На обратном пути даже было к[а]к-то нехорошо. Так наелся и надулся кофе. Без происшествия не обошлось — лопнула шина. Всю обратную дорогу здорово снежило и дул холодный ветер. Зима началась. Сегодня 14° ниже 0 и сильный сквозняк. В б[атальо]не уже два часовых упали от холода. Утешаю бельгийцев, что в прошлом году было -40°. Сейчас сижу в маленькой комнатке, недалеко от здания б[атальо]на, которую занял для себя на предмет отдыха. Буду эту ночь спать на кровати. Печку натопил докрасна. Тепло и хорошо, никто не мешает, делай что хочешь. Бельгийцы, кажется, не очень этим довольны, но молчат. Г[еоргий] В[асильевич] с своей ротой где-то охраняет колхозы от партизанских набегов. Майор [Жакобс] сказал, что мы пробудем здесь еще неск[олько] дней, а потом нас куда-то отправят поездом. Оказывается, что нас сейчас примазали к как[им]-то панцирным частям¹⁰³. Смех и грех — просто не знают, что с нами делать.

Суббота, 15 ноября

Написал № 25. Позавчера вечером принесли одного мертвого легионера (Адам)¹⁰⁴. Уйдя уже три дня тому назад со своим братом¹⁰⁵ на розыски съестного, они блуждали где-то все время, и по закону были причислены к дезертирам. Один не выдержал рисующегося ему страшного будущего и покончил с собой из карабина. Пуля вошла под подбородком и вышла через черепной покров, сняв полчерепа.

Официально в приказе сказано, что произошел несчастный случай.

Прошел слух, что [офицера для связи, лейтенанта] Лепина [Леппина] вызывают в Берлин. Если это — правда, то плохо за-

пахло для легиона. Может, действительно вернут. Пойманных партизан немцы пускают в расход и оставляют напоказ публике. Г[еоргий] В[асильевич] с ротой должен сегодня утром проинформировать облаву на колхоз с засевшими там партизанами. Жду сведений.

Воскресенье, 16 ноября

Чудное утро — чудный день. Потеплело, но все-таки морозец есть. Ярко светит холодное солнце и прозрачно голубое небо. Давно не видал такого дня. Но к[а]к-то даже такой пригожий день только минутами заставляет забывать о гнетущем. Только немного забудешься, к[а]к опять в голову лезут невеселые мысли, и не отделаться от них. Был на базаре в надежде купить кожух и сапоги. Ни того, ни другого. Пошел в церковь. Сегодня служил другой священник, старенький-престаренький. Отец Николай уехал в Екатеринослав по делам. Мимо нас по дороге все тянутся итальянцы и венгры, домой на Родину. Что это значит? Вчера пал Ленинград — это первая значительная новость за долгое время¹⁰⁶. Живем, к[а]к на другой планете — никаких свежих новостей не поступает. Кажется, начали хлопотать о письмах.

Понедельник, 17 ноября

С утра и весь день все покрыто инеем. Зимняя сказка началась. Ездил с нарядом по дрова и любовался природой. К[а]к красиво, какие краски! По замершей речке уже скользят мальчишки, показывая свою удаль и не боясь прорубей.

Вторник, 18 ноября

С утра начал хлопотать о поездке в Киев. Майор [Жакобс] не решается, хочет разрешение полковника. Надежды угасают. Стокз¹⁰⁷ поехал в Екатеринослав по делам и обещал переговорить с ним. Написал открытку № 26. Судя со слов здешнего фельдпочтмейстера, надо ок[оло] 30 дней, чтобы письмо дошло до Льежа. Бедные и бедные мои детки.

Вчера видал первую казачью сотню, идущую походным порядком из Екатеринослава в Павлоград. К[оманди]р почти в нем[ецкой] форме, но в бел[ой] папахе. Казаки в русск[их] шинелях и в высоких заломлен[ных] папахах серо-бежевого цвета.

Наши офицеры и солдаты ходят смотреть и снимать фотографии расстреливаемых партизан и рабочих. Происходит убийство по методу Ч[резвычайной] К[омиссии]. Занимаются этим жандармы¹⁰⁸. Нашелся один любитель и среди легионеров. Утром мать одного из расстрелян[ных] руками разгребала едва засыпанные землей тела и, найдя своего сына, оставила над ним три цветка. Бедная женщина, бедный 18 лет юноша. Ты погиб так просто — выстрел сзади за ухом и пинок ноги, чтобы свалить тело в яму, которая тебя ждет. Но о тебе останется память в виде фотографии у одного из любителей сильных ощущений и строителей нового порядка. Господи, спаси Россию!

Над головою в вышине
Родные звезды светят,
Приветливо мигают мне,
Зовут и путь мой метят.
Скорбяще-радостен тот путь
И тяжела дорога,
Придется ль вскоре отдохнуть,
Известно только Богу!

* * *

В усталом сердце в глубине
Мне тоже звезды светят,
Желанное сулят оне, —
То, чем живу на свете.
Их две, одна к себе влечет,
В ней жизни смысл и слава;
Для ней забыт «людской почет»;
Смерть за нее — забава!
Другая, ей наперекор,
Про жизнь напоминает.
И в сердце звучный перебор
Любви звенит-стенает.
Их две, они зовут, влекут,
По-разному горят-сверкают,
Звено с звеном слагая путь,
Оне друг друга дополняют.

Новомосковск

Суббота, 22 ноября

Прошло всего четыре дня с понедельника, а сколько уже произошло за это время. В понедельник начал хлопотать о поездке в Киев. Майор [Жакобс], казалось, был против. Надо было получить разрешение от нем[ецкого] полковника, т[о] е[сть] дело было гиблое. И вдруг Стокэ, приехавший из Екатеринослава, говоривший с полковником, привез ответ. Полковник сказал, что о таких вещах не спрашивают, а дают отпуск и потом уже ставят начальство в известность, как уже о случившемся факте. Майор [Жакобс] разрешил, и в среду, ок[оло] 4^х часов дня, я отправился в Екатеринослав на первом попавшемся нем[ецком] камионе. Дальше мне посчастливилось, и я попал на первый поезд из Екат[еринослава] на Знаменку в 22 ч[аса] 30 мин[ут]. Удалось даже попасть в вагон 2го класса. Но в этом отношении счастье длилось недолго, и при пересадке в Знаменке на Фастов влез на локомотив, на котором доехал до Цветкова. В Цветкове с трудом влез в вагон (товарный) и продолжал дальше то сидя, то стоя, чтобы размять уставшие члены. В Фастове не слез и проехал до Казатина, куда прибыли уже засветло. К счастью, сразу попал на поезд, идущий на Фастов, и поехал обратно. Прибыли к 11^м утра. С грехом пополам разговорился с нач[альником] станции — поезд на Киев идет в 3 ½ ч[аса] утра. Если бы я не проехал Фастова этим утром, то был бы уже давно в Киеве. Что делать? Холодно здорово и голодно. Уже 1 ½ суток, как я мерзну, и не ел ничего горячего. Заболел живот и зуб. К[а]к всегда в тяжелые минуты, вспомнил и помолился. В Кр[асном] Кресте съел горячего супу и выпил кофе. Подходит как-то поезд из 3^х вагонов. Спрашиваю, куда. — На Васильков. Васильков — 34 к[и]л[ом]етра от Киева. Вскрываю на паровоз и еду дальше. До Василькова 27 к[и]л[ом]етров едем 3 ½ часа. В Василькове нем[ецкий] полицейский офицер приглашает на камион, идущий в Киев. Два последних часа наибольшего испытания — и я в Киеве. Невольно думаю, что же делать дальше. Темно и неизвестно, где точно я нахожусь. Подвезли к какому то зданию, оказывается, здесь распределяют на ночлег по квартирам. Несклько едущих со мной нем[ецких] офицеров и я попадаем в Палас-Отель. Часов в 7 вечера я в отдельном № отеля. Передо мною кровать с простынями и подушкой, центральное отопление. Хватает сил по-

мыться и спуститься в ресторан немного покушать и выпить пива, настоящего пива! Подымаюсь к себе наверх и укладываюсь. Господи, Ты не оставил меня, сохраняешь меня и даешь мне счастье увидеть мой родной город. Благодарю Тебя!

Сейчас иду искать тетю Лиду¹⁰⁹ и обитателей Дорогожицкой 69.

Дети мои, чувствуете ли Вы, где я!?

Тетя Лида жива. Дом нашел сразу. Поднялся на 3^й этаж и позвонил в кв[ртиру] № 5. На мой вопрос, здесь ли живет Л. Т. Завадская — ответ, что нет, и вообще, что такую не знают. Екнуло сердце. Спустился вниз, спросил еще уже на авось — знают, и живет в кв[ртире] № 2. Слава Богу! Бедная тетечка, во что она превратилась. Маленькая, сгорбленная старушечка. Живет в грязной, убогой комнатухе, как она обрадовалась, не ожидала, что свидимся на этом свете. После пошел мимо нашего дома на Подвальной ул[ице]. И наш, и не наш. Наверху надстройка в один этаж. Снаружи грязный. В окно видна немного обстановка. Показалось, что даже стоит наша кровать. Может, как-нибудь зайду посмотреть в квартиру. На Сенном базаре зашел к часовщику и, да простит меня моя любимая женушка, обменял свои часы на новый карманный хронометр. Часы довольно грубые, но, во всяком случае, тикают, и я знаю теперь время. Что меня больше всего смущает — это сов[етская] марка «Верное время», хотя часовщик клялся, что гарантия на 10 лет, хватили бы на войну! Потом отправился на Дорогожицкую 69, где зашел к женщине, зубн[ому] врачу, и представился. Пашин¹¹⁰ адрес узнаю завтра. Посмотрел немного город, который сильно изменился. Много настроено новых домов, есть и красивые, старые же дома в страшном запустении. Проходя мимо нашего дома по [улице] Подвальной, даже не узнал, на что стал похож. Грязь и грязь. Европейский хороший город, но после погрома. Или такой должен быть наверно город, в котором жители только иудеи. Процвечают только антикварные магазины, но цены дикие.

Зашел к бывшему Франсуа — покушал. Обед вдвое дороже, чем в других городах — столица. Разговорился с мэтрд'отелем — знает gropa, т[ак] к[ак] служил раньше в Grand Hotel'e. Жители Киева голодают, 200 гр[амм] хлеба на 6 дней. Немцы имеют все. С позавчерашнего дня назначен нем[ецкий]

губернатор. Украинцы безобразничают и притесняют русских. Повторяется старая история, которая не пройдет и на этот раз.

Воскресенье, 23 ноября

Мотался долго, но все-таки Пашу нашел. Живет у Нади Коваленко (Бабкова). Обрадовалась очень. Обещал, что к[а]к только приедет Ирмуся — заберем ее к себе. Просидел у них весь вечер.

Днем был у Мартоса. Худой, как щепка, продал последние брюки. Вспоминали прежнее и стариков. Заходил к Пивовонскому, но не застал — зайду завтра. Имел счастье увидеть гайдамак с китицей. Вспомнился — 18 год. Повторяется прежняя ошибка. Когда же, наконец, прекратятся подобные опыты над моей несчастной Родиной. Скоро. А пока народ голодает и уже сильно растет недовольство горожан. Был утром на Евр[ейском] базаре. Все продается стаканами. стакан муки — 10 р[ублей]; пшеница — 9 р[ублей]; табака — 25 р[ублей]; махорка — 35 р[ублей]. Молоко, 1 литр — 35 р[ублей]. Кусочек сала немного больше спичечной коробки — 40 р[ублей]. Пирожки с горохом — 10 р[ублей], и т[ак] д[алее]. За пару сапог с брезентовыми голенищами просили 2000 р[ублей]. Но что только не продают. Грабанули сильно — успели. От меня некоторые шарахались в сторону — немец, страшно, что заберет. Вообще, надо сказать, что популярностью не пользуемся. Заметил еще, что к русским, т[о] е[сть] москвитам, отношение недоброжелательное. Говорят, что они за сов[етскую] власть и все беды приписывают им. Жалко, что нет возможности проверить это на месте, но думаю, что это пропаганда.

А на душе тяжело, еще многому не научились русские люди даже за эти тяжелые годы. Между проч[им] говорят, что еще никогда так тяжело не было, к[а]к сейчас. Саранча!

Написал № 27.

Понедельник, 24 ноября

На душе все тяжелее и тревожнее. Тяжелее, потому что больно за народ, тревожнее, потому что не знаю, как я из этой истории выскочу. Своим поведением и мероприятиями немцы восстанавливают против себя население. Встречали как избавителей, нелicenseмерно. Воевать не хотели, сдавались к[а]к могли. А теперь говорят, что при советах жилось лучше. Прошло

ведь только 3 месяца; что же будет дальше?! Происходит грабеж среди бела дня. Многие нем[ецкие] солдаты просто забирают, что им понравилось, без всяких денег. Мародерство начинает расцветать махровым цветом. Дома, удобные для нем[ецких] заведений, просто забираются, а людям предлагают выкинуться, куда хотят. Эта угроза нависла и над тетей Лидой. Что я могу сделать?! Хлеба киевлянам не дают, а жители нем[ецкого] происхождения его получают достаточно. В Святошине шалют партизаны, взрывы следуют за взрывами, каждый день подбиают убитых немцев. Если немцы не изменятся в отношении к жителям — партизаны получают пополнения и заварится каша, которая будет на руку советчикам. Когда же, наконец, объявится Человек! Не время ли? Надо действовать.

Был на Владимирской горке и умилялся, глядя на знакомую, и в то же время такую новую картину. Крепко стоит памятник св[ятого] Владимира, хоть и в запущенном состоянии. Выдержал св[ятой] князь все напасти, выдержит и еще. От Михайловск[ого] собора осталась одна трапезная, в которой и совершаются богослужения монахами. Считается это русской церковью. Андреевск[ий] собор и Софиевский — украинск[ие]. На колокольне Соф[иевского] собора над входом каким-то чудом уцелели 4 орла.

Был у Пивовонского. Долго сидели и разговаривали на всякие темы. На прощанье расцеловались. В общем, пора возвращаться, кажется, уже время. Лишь только какой-нибудь чудесный случай может оставить меня здесь, а уезжая, я так надеялся, что к[а]к-нибудь устроюсь. Значит мое место не здесь. Перспектива обратной дороги заставляет меня съезживаться. Брр!

О, если бы хоть раз в награду
За верность получить отраду
Во сне, до утренней зари,
Моей мучительной любви!
Хоть раз увидеть милый взор!
Хоть раз услышать голос милый!
И зачеркнуть в душе унылой
Разлуки долгий приговор.

Киев

Написал № 28.

Вторник, 25 ноября

Вот и сижу уже на вокзале в ожидании поезда, и вместе с ним всех тридцати трех удовольствий. Сейчас 22 часа, а поезд отходит только в 3 с чем-то утра. Сколько раз мне приходилось когда-то отъезжать с этого же вокзала. Каким-то чудом, несмотря на выстроенный рядом новый, он уцелел и по сей день, а теперь выручает, т[ак] к[ак] новый сильно подорван.

Бедная тетечка, к[а]к она грустно смотрела на меня при прощании. Она шептала «До скорого свиданья», а в глазах ее я читал «Прощай!». «Славочка, я тебя так люблю». О Господи, дай ей счастье увидеться со всеми родными и умереть на их руках. «Ты промелькнул как метеор». Да, тетечка, но что же делать! Я мог бы еще остаться на день-два, да что толку. Сделать что-нибудь больше я не могу, ведь я не владею достаточно нем[ецким] языком, чтобы требовать и ругаться. Будем надеяться на Господа. Кроме того, меня что-то тянет назад, и в особенности с этого утра. Что это — не знаю, но раз тянет, поддамся предчувствию. Просил отслужить молебен о моих в Михайловск[ой] церкви и оставил ей 80 марок. Негусто, но я сам уже израсходовался в Киеве, где все дико дорого.

Странное у меня все время чувство, к[а]к будто все это сон, иногда радостный, но большей частью мучительный. Когда же он кончится и где, и какое будет мое пробуждение. Когда я сейчас думаю о своих, то у меня подступают к горлу спазмы, а на глаза набегают непрошенные слезы. Все мне кажется как-то особенно милым и дорогим, и даже Льеж дорог, тот Льеж, которого я так не любил. Как все меняется! Правда, дело совсем не в Льеже, но он является тем фоном, на котором мне представляются мои. Тяжело, но ничего! Что-то меня ожидает в Новомосковске? А теперь хоть немного поспать перед дорожными удовольствиями. Брр!

Пятница, 28 ноября

Новомосковск. Прибыл только сегодня к 11 ч[асам] утра. Батальона не застал — отправлен дальше на Сталино¹¹¹. К моему счастью, здесь остался наш цалмейстер¹¹² с двумя испорченными машинами. Может, через день-два и поедем. Рад очень, т[ак] к[ак] устал страшно, и в дороге серьезно было занемог. Была сильная т°, болело горло и т[ак] д[алее]. Сейчас немного

лучше, но еще паршиво. Об обратной дороге у меня, наверно, останется воспоминание на всю жизнь — врагу не пожелаю. Быть может, это от жару, не знаю, но меня все время трясло. Согреться можно было только на ст[анциях] Фастов, Знаменка — всю же остальную дорогу в нетопленных вагонах и при странно медленном передвижении. В последнюю ночь прикорнул, сложившись перочин[ным] ножиком, и проснулся от дикой боли с правой стороны живота. Невзирая на холод, я расстегнул на себе все и стал массировать. Боль улеглась приibl[изительно] через час. Наверно была крампа¹¹³.

Сейчас я в тепле, накормлен и могу отдохнуть хоть день — отоспаться. Верно к[а]к бы попал домой. Мысли же о доме и о тете не покидают меня все время.

Суббота, 29 ноября

Вчера вечером совершенно неожиданно получил возможность отправить письмо авионом¹¹⁴. Через неделю максимум мои его получат. Написал еще о Киеве (№ 29).

Наша почта, бывшая раньше в Лозовой, отправлена в Бахмут, т[о] е[сть] за тридевять земель. Шансов ее получить стало еще меньше. Быть может, хоть к Р[ождеству] Х[ристову] получим этот долгожданный подарок. Все это от того, что нас придали опять другой дивизии (100)¹¹⁵.

Наши раненные партизанами легионеры представлены к Жел[езному] Кресту. Первые бельгийские герои и счастливицы, т[ак] к[ак] наверно поедут на побывку¹¹⁶. Эх, если бы письма приходили аккуратно, все было бы хорошо! Вчера узнал, будто советчики выбили немцев из Ростова. Становится трудно партизане. Что-то обстановка начинает меняться не в их пользу. Некотор[ые] части на самом фронте без продовольствия. А ведь это только цветочки — ягодки русской зимы еще впереди. Что-то готовит мне близкое будущее? Когда же, наконец, и я смогу проявить инициативу на русском фронте, или же я ошибся в своих предположениях и никаких светочей ниоткуда ждать не надо. Не может быть! Я шел сюда с молитвой и от молитвы. До сих пор Господь меня слышал, и значит, я здесь не напрасно. Быть может, и направление для меня к[а]к раз нужное. Не нужно забывать, на что я сюда шел и в чем состоит долг русского офицера.

Чувствую себя уже хорошо, но еще остался сильный насморк. Выскочил и на этот раз. Завтра предстоит опять дорога на грузовике вдгонку б[атальо]на. Б[атальо]н идет на Гришино.

Воскресенье, 30 ноября

9 ½ утра. Жду камиона для дальнейшего путешествия в неизвестность. Едем втроем: шофер-военноплен[ный], ефрейт[ор]-немец и я.

Выпал снежок и значительно потеплело. Все еще заложен нос, но чувствую себя хорошо. Вчера вечером слегка угорели, трещала башка, которая и сейчас еще тяжелая. Вчера вечером было официальное сообщение, что советчики отобрали обратно Ростов¹¹⁷. Будто бы Сталин приказал во что бы то ни стало отобрать и были кинуты его массы войск. Впечатление на немцев поганое. Ведь столько говорилось о разгроме сов[етской] армии и ее небоеспособности — и вдруг. Быть может, уже начинают сказываться плоды неправильной нем[ецкой] политики. В общении говорится, что в бою за Ростов участвовало все население — весьма показательно, население защищает свою Родину. Вот где кроется роковая ошибка немцев, и приведет она к определ[енному] концу. Теперь бы я мог ответить на вопросы наших в Бельгии: «Откуда у Гитлера столько войск?» Все же. Эти солдаты и офицеры были на всех фронтах, их осталось из прежних не так много. Есть роты, в котор[ых] прежн[его] состава по 10 человек. Есть части, где офиц[ерский] сост[ав] сменился до 10 раз. Об этом надо подумать и изменить политику [неразб.]. У советов еще есть колос[сальный] резерв на Д[альнем] В[остоке] и в Сибири. Разница не в пользу немцев.

Четверг, 4 декабря

Уже четыре дня не могу ничего занести в тетрадку. Воскр[есенье], понед[ельник] и вторник утр[ом] просидел в камионе. Днем тряслись по ужасным дорогам, причем шофер показывал свое умение водить машину. С сумерками залазили в хату и ночевали. Прием везде радушный — кормят-поят. Относительно б[атальо]на можно сказать, что, наверно, никто и никогда не делал таких беспорядочных переходов. Сегодня четверг, а еще многие отсутствуют, в особенности обоз. Завтра выступаем дальше. Вчера у меня опять была большая т°. Принял порош-

ки, пропотел и сегодня с утра лучше, но боюсь, т[ак] к[ак] надо выходить по делам — прохватит. Кроме того, вспухли гланды. Что-то мне не везет. Думаю, что все это от того, что ночью выбегаю из жарко натопленной хаты на мороз оправляться. Но что же делать! Позавчера кап[итан] Дюпрэ наскочил со своим конем на мину. От коня ничего не осталось. У Дюпрэ раздроблены обе ноги. Пока достали доктора и сделали первую перевязку, а потом эвакуировали в первый ближайший госпиталь, то бедняга по дороге скончался. Первая жертва б[атальо]на¹¹⁸. Жалко, т[ак] к[ак] хоть взбалмошный был парень, но активный. Заместит его наверно Смот¹¹⁹. Оказывается, на мины здесь наскикавают довольно часто и заложено их много.

Майор [Жакобс] сам поднял вопрос, разговаривая с Камским, насчет нашего [русского] дальнешего, советует подать рапорт нем[ецкому] командованию. Надо будет обдумать и действовать, авось куда-нибудь и устроимся.

Как будто в приказе должно появиться кое-что об отпуске. Будет какая-то очередь. Распоряжение о завтрашнем выступлении перенесено на послезавтра. Завтра еду в Гришино за удовольствием. Опять воскресла надежда на скорое получение писем, которые должны находиться в Артёмовске, в 18 к[и]-л[о]м[етрах] от Константиновки — куда мы идем. Настроение в б[атальо]не паршивое. Последний переход многое показал. Подобные переходы, может, и бывают, да все же редко, у частей, понесших жестокое поражение, но у свежих, идущих на фронт [частей], наверно, никогда. Наше начальство показало себя всюю. Что будет дальше, если нем[ецкое] ком[андова]ние не обратит внимания!

Мне это напомнило бегство бельгийск[ой] армии из Льежа, когда по набережной Мааса валялись горы винтовок, пулеметов, автомобили и пр[очее]. Доблестный бельг[ийский] легион идет на фронт, и по пути его следования видны телеги, винтовки, пулеметы, каски и пр[очее]. Главн[ых] сил б[атальо]на не видно, а встречаются лишь отдельн[ые] люди и кучки, которые вообще ничего не знают и не соображают, к[а]к будто им заморозило мозги. Что будет дальше! Майор [Жакобс] думает подавать рапорт об уходе — виноваты все, кроме него. Бедный Липперт [Липпер]¹²⁰ мечется и пытается что-то сделать, но у него ничего не получается. Другие — просто говорить не хочется. Это мы идем на фронт.

Суббота, 6 декабря

Вчера у меня вышел маленький инцидент с Липпертом [Липпером]. Его настраивают против меня и, кажется, гл[авным] обр[азом] [делает это] Дювэльс [дю Вельц]. После целого дня отсутствия ездил или ходил за продовольствием из села Гришино в город Гришино, я вернулся и ничего не нашел покушать на кухне. Придя в штаб, я довольно резко сказал об этом Липперту [Липперу], на что получил в ответ, что первый раз, к[а]к я что-то сделал, и уже не доволен. Выходит, что я вообще ничего не хочу делать. Ругаться не хотел, сдержался. Немного подождем, а там посмотрим. Завтра выступаем уже не на Константиновку, а куда-то в друг[ое] место¹²¹. Надо сделать три перехода. В этом месте красные прорвали фронт, и мы должны их остановить. Деревня такая, в которой еще никто не был. Что-то из этого выйдет. Может, конец б[аталью]ну. Все время приходится быть свидетелем тяжелых сцен. У жителей немцы забирают их последние ценности, т[о] е[сть] сено, корову, свинью и т[ому] п[одобное]. Крик, слезы. Что я могу сделать! Кое-что спас, а по большей части, приходится быть свидетелем, сжимая зубы. Еще картинка: немцы не могли провезти обоз через мост из-за скольжения. Вышли из положения, сняв крышу (солому) с ближайшего дома и устлав ею мост. Обоз прошел — жители остались без крова. И это зимой! Комментарии излишни. Уже неск[олько] дней не могу ничего написать домой — нет почты на месте. Сегодня St. Nicolas¹²². Что-то он принес моим детям? Мне принес 23 папир[осы], немножко сахару, масла; коробочку сардинок и немножко кофе. С продовольствием все хуже и хуже. Рассчитывать на местное не приходится. Сейчас готовится зимнее наступление на нашем фронте. Ведется интенсивная переброска войск. Чем все это кончится? Господи, спаси Россию! Получена телеграмма из Бельгии, что с деньгами все уже устроено. Слава Богу! Значит Ирмуся сможет свободно вздохнуть. Не знаю, когда теперь смогу опять предолжить записки, ведь могут действительно бросить в бой. Тяжело это, но надо. Что ни делается — все к лучшему. Господи! Дай счастье еще увидеть моих деточек и пожить вместе на Родине.

Среда, 10 дек[абря]

Написал Ирмусе, Папе и Олегу. Поздравление с Р[ожеством] Х[ристовым] и Н[овым] Г[одом] за № 31 и откр[ытка] № 30. Поздравил Анат[олия] Ник[олаевича] [Левапова] и Тетю.

Пришли в Константиновку вчера 9го [декабря].
Этапы: Гришино — Новоэкономическая,
Новозк[ономическая] — Александрополь (колхоз),
Колхоз — Константиновка.

Пятница, 12 дек[абря]

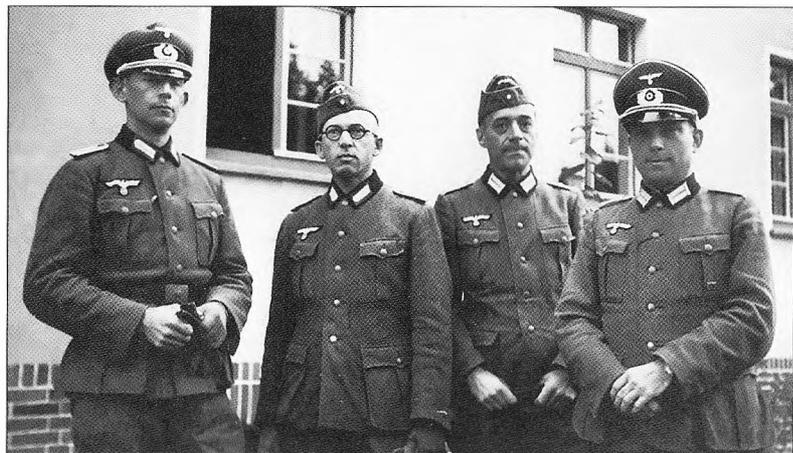
Наконец, получил возможность сесть и хоть с полчаса спокойно писать. Во-первых, вспомн[ю] в неск[ольких] словах последние марши. Гришино — Новоэкономическая: прошли довольно хорошо и в относительном порядке. Подходя к Новоэконом[ической] (рудник), к[а]к бы перенесся в Льеж, до того похоже на окрестности Льежа со стороны Анса. Когда-то на этом руднике был Николай Спельт¹²³. Переночевали и отправились дальше. Второй этап прошел уже совсем не гладко. Пройдя к[и]л[о]м[етров] 10, мы должны были свернуть на Александровку для ночлега, но пришло приказание продолжать движение прямо на Александрополь. До сих пор ни я, никто не знает, где он именно находится. Шли к нему бесконечно долго. Меня приставили к 4^й роте для облегчения движения, что, кстати, было совершенно лишним, т[ак] к[ак] никто ничего не знал. Стало смеркаться, потом совсем стемнело. Подтаявшая на солнце земля стала опять замерзать, и дорога обратилась в лед. Повозки буксовали, лошади скользили и падали, а мы все шли и шли без конца. Наконец, вдали показался какой-то огонь. Он то вспыхивал, то опять потухал. Было ясно, что что-то пылает, но что? Это мог быть костер, но могла быть и как[ая]-нибудь подожженная партизанами постройка. Я шел и думал, что если бы человек 10ых партизан совершили сейчас налет на нашу 4^ю роту, то от роты ничего бы не осталось. Все же я остановился на том, что это костер, указывающий нам путь, в чем и не ошибся — хватило ума у кого-то хоть это сделать. К костру мы подходили еще часа полтора, и на горизонте я впервые видел, к[а]к темноту ночи прорезывали вспышки выстрелов. Мы подошли к фронту. У костра нас ожидал один унтер[офицер] — проводник на квартиры. Опять свернули с дороги, опять топали куда-то, и, часа через 2, наконец, дошли. Всего шли 12 часов, устали сильно. Еле нашел Камского и переночевал с ним. Когда я пришел к нему, было 8 ½ ч[асов] вечера — утром пошли дальше на Константиновку, куда и при-

Ростислав и Ирма Завадские.
*Фотография предоставлена родственниками.
Публикуется впервые*

Русская Стрелковая генерала Врангеля Дружина. Крайний слева — Р. В. Завадский. Бельгия, первая половина 1930-х.
*Фотография предоставлена родственниками.
Публикуется впервые*

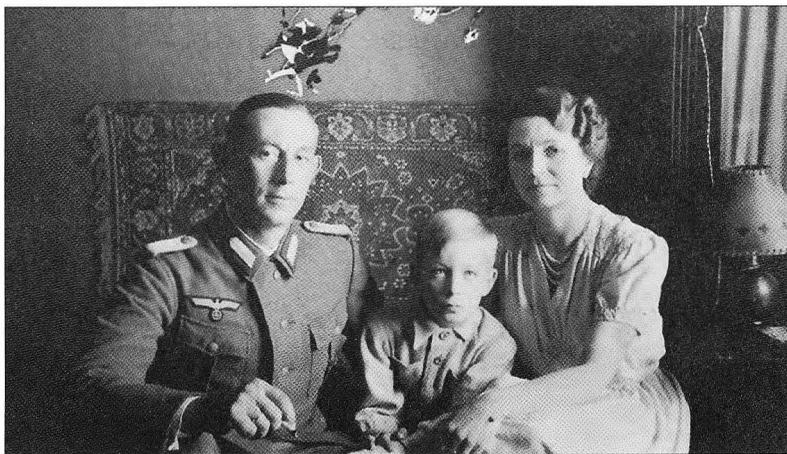
Первые русские эмигранты-легионеры. Слева направо: зондерфюреры Р. В. Завадский и Н. Камский, неизвестный, капитан Г. В. Чехов (?). Регенвурмлагерь, сентябрь 1941 года.
*Фотография предоставлена родственниками.
Публикуется впервые*

На озере. Р. В. Завадский.
Регенвурмлагерь, сентябрь 1941 года.
*Фотография предоставлена родственниками.
Публикуется впервые*

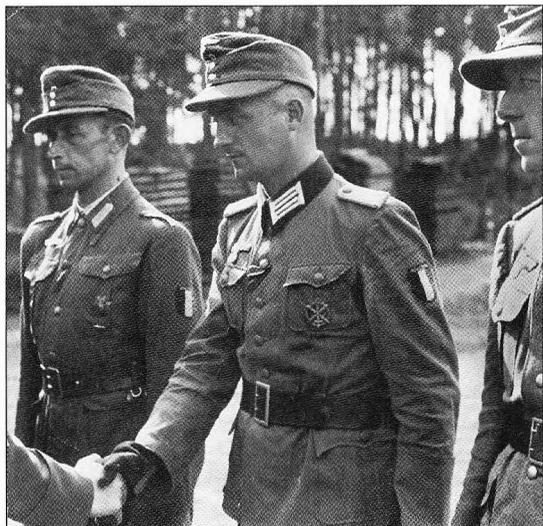
Капитан Г. В. Чехов. Май 1942 года

Семья Завадских: Ростислав, Олег, Ирма. Льеж,
лето 1942 года.

Фотография предоставлена родственниками.

Публикуется впервые

Общее построение. Слева направо: зондерфюрер
Р. В. Завадский, лейтенант Ж. Матьё, неизвестный.

Лагерь Пиеске, апрель 1943 года.

Фотография предоставлена родственниками.

Публикуется впервые

Марш легионеров по возвращении с Кавказа. В первом ряду, в центре — оберлейтенант Ж. Вермеер, справа — зондерфюрер Р. В. Завадский. Брюссель, 4 мая 1943 года.

Источник: Yad Vashem Photo Archive (YVPA).

Публикуется впервые

СС-унтершарфюрер А. Ольгин, денщик Р. В. Завадского.

Надпись на обороте фотографии: «На добрую память Вадиму Осиповичу, Ирме Генриховне и Олегу Завадским от Алеши Ольгина 16.10.43 Германия».

Фотография предоставлена родственниками.

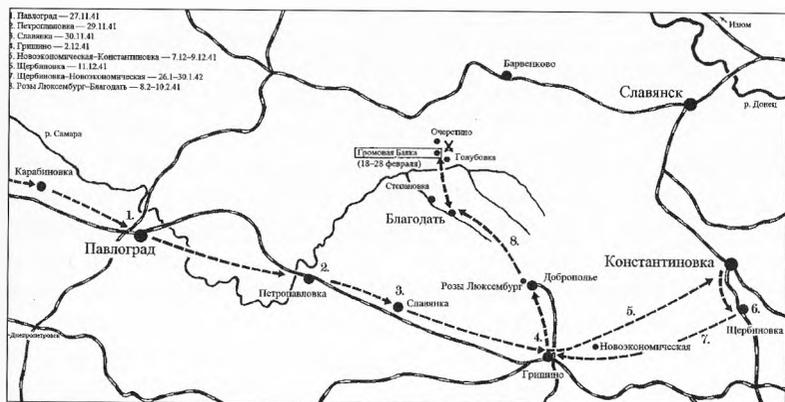
Публикуется впервые

Штурмовая бригада СС «Валлония».
Слева — А. Ольгин, в центре — Р. В. Завадский.
Украина, первая половина декабря 1943 года.
Фотографию сделал военный корреспондент СС П. Рушка

СС-унтерштурмфюрер Р. В. Завадский. На кармане кителя
 виден знак Дружины и почетный знак боевых формаций.
 Украина, первая половина декабря 1943 года.
 Фотографию сделал военный корреспондент СС П. Рушка

Марш валлонского легиона,
 осень — зима 1941–1942 гг.

Погода тропическая...
 "И вот мы ждем аванджи, проминутам мой сонце
 и тарафелу бродимая. Я неа бидеа ветлафелу
 зедана, есна, рителу, но камис и мает разнас
 локелан и терефелаван). Конечно, и дид мает
 што сам моят Сидантора, но разнича в джа
 "дро а терефелу. Штилер екаралел все.
 Не тикане бидевелам а дид мает, терефелу на
 Погоду, поа разнас диделу да бидетел есна
 маета Есна банд. Но терефелу бидетел моят Ома
 укарлар диде терефелу - моят терефелу.
 Есна жеа бидетел как моят терефелу, бидеа
 бидеа терефелу а дид бидетел терефелу. Бидеа терефелу
 моят терефелу бидетел терефелу диде
 бидетел моят терефелу бидетел терефелу
 моят терефелу бидетел терефелу бидетел
 терефелу бидетел терефелу бидетел на Аванджи.
 Бидетел терефелу на терефелу, но а бидетел терефелу
 бидетел моят терефелу. Канал - терефелу
 бидетел бидетел терефелу бидетел бидетел
 терефелу бидетел терефелу бидетел терефелу.
 Бидетел терефелу бидетел терефелу бидетел
 но бидетел терефелу бидетел терефелу. Бидеа
 бидетел и а. Просте моятелу да терефелу
 бидетел терефелу терефелу терефелу а бидетел
 бидетел, но бидетел бидетел и бидетел
 бидетел. Бидетел терефелу так терефелу. На терефелу
 бидетел терефелу бидетел терефелу бидетел
 бидетел. Бидетел бидетел терефелу бидетел
 бидетел терефелу бидетел терефелу на бидетел,
 какел што бидетел.

Первая страница дневника Р. В. Завадского

были часов в 12 дня. В Константиновке меня ждали письма — откр[ытки] от Ирмуси и письма от Ан[атолия] Ник[олаевича] [Левашова] и Тети. Наконец-то знаю, что 11 ноября все живы и здоровы. Настроение в бат[альо]не препаршивое: гафы следуют за гафами¹²⁴. Интриги, деление на партии, пахнет скверно. [Офицер для связи, лейтенант] Лепин [Леппин] ведет переговоры с командованием. Бат[альо]н висит на волоске¹²⁵. Что ни делается — все к лучшему. История со сдачей оружия совсем подгадила майору [Жакобсу]. Г[осподи]н Жорж¹²⁶ отправлен в Бельгию с нашими формулярами — успел чиркнуть неск[олько] слов деткам.

В четверг, 11 [декабря], двинулись дальше на Щербиновку — переход был опять трудным, т[ак] к[ак] пришлось идти на этот раз в грязи. Щербиновка — большое село, фабричное и рудниковое. Беднота, условия жизни рабочих ужасные. Нам отвели школу и квартиры служащих. Как расположение на отдых — хорошо. Простоим, может, дней 10^ю. Отсюда уже слышны раскаты орудий. Кстати, красные ведут наступление, и есть прорывы. Сегодня узнали, что Германия и Италия объявили войну Америке, а два дня тому назад Япония — Америке. Воистину, Мировая война — Апокалипсис!

Сегодня вдруг получил назначение в 4^ю роту и, с места же, завтра, должен ехать верхом в Гришино (60 к[и]л[о]м[етров]), искать затерянные телеги. Вот тебе и отдых. Ни помыться, ни привести себя в порядок! Эх! Ну что ж, значит так надо.

Вторник, 16 дек[абря]

Уже три дня продвигаемся на Гришино. Ехать можно только шагом из-за страшной грязи. Ночуем в колхозах, где и получаем еду. Нажимаем на молоко и куриц. Сейчас утро — идет сильный мокрый снег. Ждем, когда хоть немножко прояснится, чтобы двинуться дальше в Гришино. Осталось 12 к[и]л[о]м[етров]. Если подвод в Гришино нет, то будем двигаться дальше, куда не найдем.

В день отъезда достал себе русскую кобылу и заказал казачье седло. В дороге убедился, что с моей кобылой делается что-то неладное — к[а]к-то слаба на ноги, скользит, спотыкается. При переправе через речку оступилась и шлепнулась. Принял холодную ванну, что оказалось весьма неприятным, а еще не-

приятнее было продолжать движение до первого колхоза, на ветру со снегом в физиономию. Думал, что не выскочу — ничего. Поморозило и отпустило. Еще один раз шлепнулся, но на этот раз в грязь, которая, между прочим, спасла мне придавленную ногу. Разукрасился на славу.

Написал открытки О[льге] Ф[ранцевне] и М[арии] Н[иколаевне] с поздравлениями. На душе грустно. Хочется в церковь — помолиться, и никак не выходит. Сейчас едем дальше. Хоть бы они были в Гришино.

Среда, 17 дек[абря]

Вчера проехали через Гришино (Красноармейск), где навел справки об остальных. Наткнулись на 14 чел[овек] [из] 2ой роты, котор[ые] застряли здесь, благодаря остановке всего итальянск[ого] транспорта (400 маш[ин] в грязи), на котор[ых] их вещи. наших [легионеров] здесь еще не было. Последняя надежда на село Гришино. В село Гришино прибыли уже в сумерках, устали здорово. На моей [кобыле] Светлане я далеко не уеду. Три лошади расковались, подковать негде. Решили послать двух унтеров [унтер-офицеров] до Славянки, а сами втроем остаемся здесь на отдых. Когда посланные вернутся, отправимся в обратный путь. Если подмерзнет — мы пропали, придется топтать пешком до Щербиновки или рисковать лошадьми и собственной шеей. В Гришино отправил открытки — О[льге] Ф[ранцевне] и М[арии] Н[иколаевне]. Сейчас напишу письмо женошке за № 32. Редко приходится теперь ей писать, но что же я могу сделать. С этими переходами и поездками времени не хватает, а если оно есть, то сидим в темноте. Если бы знала моя любимая, к[а]к часто я о ней думаю и о сынусе. Эх, да что говорить. Тяжело дается разлука, но так Господь велел. Лишь бы чего с ними не случилось, да скорее бы встретиться. Быть может, в другом окружении и [на] другой службе мне было бы легче, но сейчас тяжело. Отдался течению с верой, что оно меня вынесет куда надо, т[о] е[сть] в нужное место и нужное время. Пока что закаляюсь для будущего и, надо сказать, что закалка хорошая. Если Господь судит выбраться — буду счастлив — нет — Его святая воля.

Интересно, что ожидает меня по прибытии в б[атальо]н. Может, и б[атальо]на уже нет, а может, куда передвинулся.

Уезжая, оставили Мьеса¹²⁷ арестованным и говорили, что очередь за Вандамом¹²⁸. Ляпин [Леппин] же отправил тайный и срочный рапорт по начальству. Нарыв должен лопнуть и от этого наше [русское] положение должно измениться. Эх, если бы отпустили в отпуск к деткам, как хочется!

Пятница, 19 декабря

Сегодня [по григорианскому календарю день] Св[ятителя] Николая. Именинника Коли, которых я не поздравил. Конечно, свинство, но мне это довольно трудно. Сегодня 3^й день, к[а]к мы сидим в с[еле] Гришино, посланные еще не вернулись. Ждем, самое позднее — сегодня к вечеру. Если вернутся и все будет благополучно, то завтра отправимся в обратный путь. Уже неделя, к[а]к мы выехали, так хочется помыться и отдохнуть по-человечески. Кроме того, меня волнует, что сейчас происходит в бат[аль]оне. Быть может, уже его куда-нибудь угнали, а может, он перестал существовать. Боюсь за свои оставленные вещи. Если мы завтра сдвинемся, то дня через три будем на месте. Вчера Ришард¹²⁹ ездил в Красноармейск и привез сигарет, есть хоть что курить. Вокруг начинают шалить партизаны. Вчера убили двух, а сегодня — должны повесить шесть. Вчера же, наконец, удалось получить полуавтомат, правда пришлось поскандальить и стукнуть кулаком. Сейчас сижу и не знаю, что придумать, чтобы убить время. Выходить не хочется, да и некуда, кроме того, рискуешь потерять где-нибудь сапоги — такая грязюка! Начал падать опять снег — может, немного подмерзнет. От ничегонеделания в голову лезут всякие то грустные, то нехорошие мысли. От такой жизни ничего, конечно, хорошего в голову не полезет. Если нас оставят в Щербиновке на зимних квартирах, то это будет в своем роде ссылкой. Никаких развлечений, нет церкви, ничегонеделание, вечная грязь и интриги. Перспектива! Конечно, придется писать рапорт с просьбой о переводе. Если будет возможность к[а]к-нибудь проехать в Бельгию, то поеду, и уже там начну хлопотать о переводе. Есть у меня еще и боязнь быть отрезанным от своих. Тогда это будет надолго, без всяких писем и сведений. Может на год-два, кто знает! Хотя я на это и шел, к[а]к Господь захочет. Теперь мне все-таки спокойнее, т[ак] к[ак] Ирмуся получает деньги в исправности. Эх, если бы хоть какая-нибудь полезная работа на

пользу Родины — не дают ничего. В работе бы забылся, и на душе стало бы легче. Что-то Вы подельваете, мои дорогие? Здоровы ли. Господи, помоги мне грешному, к[а]к тяжело!

Суббота, 20 декабря

Посланные еще не вернулись, начинаем серьезно беспокоиться. Сегодня утром, со стороны Щербиновки—Сталино, была слышна канонада. Что это значит? Невольно стал думать о своих оставленных вещах. Если всему суждено пропасть, то жалко лишь формы. Я брал ее с собой всюду на всякий случай, а этот раз оставил в сундуке — неужели погибнет!

Выпал довольно глубокий снег, стало лучше ходить и тепло. Погода благоприятная для верховой езды, но если растает, то будет грязь еще похуже, чем раньше.

Сегодня один эпизод навел меня на некотор[ые] размышления. К нашему хозяину зашел один прохожий с ребенком. Не перевелась на Руси подача куска хлеба Христа ради, хотя, может, многие и делают это, не вспоминая Христа. Прохожий идет из Енакиево — бежит от голода — с ним его семья: жена и шестеро детей. Идут пешком куда-то, в какую-то деревню, где живет их отец, если еще жив. Дети мал-мала меньше. Это одни из тех, которых тысячи, а может и десятки тысяч. Они идут: одни к себе домой, другие, наоборот, из дома, но те и другие, стремящиеся к чему-то лучшему, несчастные, озябшие, усталые, но безропотные. Как этот несчастный народ научился безропотно страдать и даже умирать. Не ропщут несчастные пленные солдаты, терпящие побои и ужасное обращение, еще не виданное нигде. Не ропщут дерущиеся на фронте красноармейцы,двигаемые какой-то страшной и не вполне еще мне понятной силой, — отвратительно одетые и обутые и, казалось бы, не имеющие тех высоких идеалов, за что стоит драться. Или, может, я ошибаюсь, произошла какая-нибудь перемена, что-то сдвинулось? Не ропщут расстреливаемые партизаны, они идут на смерть спокойно и умеют красиво умирать. Они не просят пощады и знают, что их ждет через несколько минут смерть, от выстрела сзади за ухом. Страшную, непостижимую силу имеет народ русский. С этой силой не справиться ни одному народу в мире. А если эта сила уже пошла по верному пути, и в сознании всего на-

рода ярко определилась конечная цель? Если бы это было так! Когда же, наконец, появится русский гений — вождь, который выведет несчастный народ на его мировую дорогу. Гремят орудия, сыплют свои бомбы авионы, лезут всеокрушающие танки, а фронт уже сколько времени не меняется, а если и меняется, то не в пользу немцев. Быть может, осуществляются легенда о спящем богатыре — Суворове, быть может, уже покрылась земля русская кровью по щиколотку коню¹³⁰. Дай Бог! Но как же быть мне, русскому офицеру? Мое место там, где отстаиваются интересы Государства Российского. Первое дело — это свержение коммунистической власти и освобождение народа русского. А если это дело уже сделано?! Господь послал меня сюда, он же покажет дорогу и дальше.

Написал открытку № 33. В 13 часов вернулись наши посланцы. Сегодня придет обоз — нашли. Наверно завтра сдвинемся в обратный путь.

Понедельник, 22 декабря

Обоз в субботу не пришел, и до сих пор мы его не видели. Быть может, он где-нибудь приостановился на отдых, а, может, прошел вперед. В воскресенье утром мы все же, наконец, сдвинулись в обратный путь и прибыли в с[ело] Караково, где были очень мило встречены нашими прежними хозяевами. С Ришаром было происшествие. Уже совсем около колхоза, при переправе через речонку вброд, его лошадь упала в воду вместе с ним так, что прикрыла его. Оба барахтались, но встать не могли, лошадь, наверно, сломала себе ногу. Пришлось коня пристрелить, а Ришару долго сушиться около печки и ходить в одной пижаме. Сегодня проводим здесь в поисках кое-как[ой] провизии и коня. Если все будет благополучно, то послезавтра прибудем, наконец, в б[атальо]н. Вчера выпили немного самогону и разогрелись. Ничего — на безрыбье и рак — рыба. Сыграли в покер — немножко выиграл. Забавно, что выигрывать стал только после 9^м вечера, наверно, как заснула Ирмуся. Деточка моя маленькая, послезавтра Твои именины. Надеюсь, что мое письмо пришло вовремя, и обрадовало мою женушку. Это сидение в хате становится невыносимым. Мысли, мысли и мысли. Сейчас они особенно назойливо лезут в голову и не дают покою. Приближается Н[овый] Г[од] и Рожд[ество] Хр[истово].

Как хотелось бы провести эти праздники вместе со своими дорогими. Ну что же, быть может, хоть мысленно будем вместе. А вот получу ли я вовремя поздравление, к[а]к было бы приятно! Вряд ли! Эх!..

Пятница, 25 декабря

Пробка хлопнула! Пенясь,
 Полилось вино искристое.
 Дым, шум, споры. Веселясь,
 На кроватях развалясь,
 Пьют все «Вэв Клик» пенистое.
 В этот праздник, чуждый мне,
 Есть за что поднять мне чашу,
 Мыслями слетать к Тебе,
 Милый друг, в квартиру нашу.
 Льется-пенится вино.
 Стало душно — нету мочи!..
 Посмотрел я на окно,
 Встал... И вышел в темень ночи.

24 дек[абря]

рудн[ик] Щербиновка

24^{то} [декабря] прибыли в Щербиновку. Из-за того, что выехали из Караково около 12^{ти} дня, произошла история с раскованным на 3 ноги конем ординарца Ришара, то 23 [декабря] смогли добраться только до Катериновки, где заночевали. Утром 24^{то} [декабря], часам к 11^{ти}, были уже «дома». Со мной, слава Богу, никаких происшествий не было. Была только одна неприятность, как[им]-то обр[азом] натер себе место весьма нелитературное, что мне очень мешало ехать, причиняя боль, в особенности на рыси.

Наконец, можно помыться, правда в ведре, — если бы это видела моя Ирмуся — и принять ванну вышеупомянутому месту, сев на ведро с горячей водой. Получил прямо удовольствие и облегчение, боль как рукой сняло. Вечером, вернее, ночью, отправились в церковь, где была отслужена «messe de minuit»¹³¹. В голову лезли всякие мысли. Получалась какая-то профанация. Служил б[атальон]ный священник¹³², пел украинский хор.

В царских вратах были устроены ясли. Престол стоял перед ними. Произносились красивые речи, пелись католические церковные мелодии, под аккомпанемент откуда-то принесенного пианино. Винегрет! В довершение всего украинский хор ревел: «С нами Бог!» Я опоздал, если бы я приехал раньше, то успел бы разъяснить этим людям, что это песнопение совсем не подходит к месту. До конца не достоял — вышел покурить. Кругом церкви часовые — боятся, что будет нападение именно этой ночью¹³³. После церкви пили шампанское «Вэв Клико», присланное из Франции. Под влиянием настроения — написал стихотворение.

По приезде получил кучу писем от Ирмуси, Папы, сынульки, Григоровича, Ильиной и фотографии детей. Рад был, конечно, очень. Кроме того, неск[олько] посылок и в одной из них самопишущую ручку, которой и пишу. Спасибо, женулька!

Сегодня, 25го [декабря], написал Ирмусе № 34 и 35, папе, сынушке. Думаю, что скоро получат, т[ак] к[ак] Стокэ уезжает в Германию и Брюссель и возьмет их с собой.

Одно мое письмо пришло обратно, цензура не пропустила. В нем я писал, что нем[ецкая] армия одета не подходяще, и что так далеко мы не уйдем. Резолюция: такие вещи писать не допустимо. Надо теперь быть осторожным, т[ак] к[ак], может, я на примете. Лишь бы дошли все прочие.

Сегодня совершенно случайно зашел к Г[еоргию] В[асильевичу] и попал на весьма солидный обед. Наелись!

Получил нового ординарца из 4ой роты.

В б[атальо]не особых новостей нет никаких, кроме отставки мажора [майора Жакобса]. Уезжает воевать в Бельгию, а на его место приезжает какой-то генштабист из Бельгии¹³⁴. Вообще, настроение к[а]к будто поднялось, легионеры выражают свою верноподданность Дегреллю. Арестованный в день моего отъезда д[октор] Мьесс выпущен, за его спиной немцы. Вообще же, кабак продолжается, и, со слов Лепина [Леппина], все это недолговечно. Характерно, что, в случае чего, нас желает забрать штаб дивизии или корпуса. Теперь б[атальо]н уже не входит в [97-ю легкую пехотную] дивизию, а непосредственно в [ЛП армейский] корпус¹³⁵. Не знают, куда приткнуть. Со слов одних — скоро тронемся, других — простоим всю зиму, на месте. Никто ничего толком не знает. Хорошо лишь то, что начинаем получать регулярно письма. Интересно, сколько же времени идет письмо из Бельгии.

Пришла открыта от Ирмуси — наконец, получила долгожданные деньги и уже купила часы. Ах, Ты, моя маленькая, воображаю каким теперь ходит гоголем — разбогатела!

Суббота, 27 дек[абря]

Вчера попали с Николаем [Камским] на крестины. Выпили самогону. Часам к семи пошли провожать здешнего агронома с женой. Погода была чудная. Луна, мороз и скрип снега под ногами — обстановка, наводящая на красивые мысли. Когда вернулся — зашел к Чехову и попал на конспирацию. Застал Лепина [Леппина], Шлюка¹³⁶ и нов[ого] зондерфюрера. Лепин [Леппин] действует вовсю. Выложил и свои мысли и, между проч[им], о русских формированиях. Если б[атальо]н разделится, то часть попадет в Waffen-SS, а рексисты куда — неизвестно. Попадать в SS у меня желания мало — посмотрим! Написал письма Григор де Бужо, Ол[ь]г[е] Фр[анцевне], И.Н., Арк., Тете, Hennig [неразб.].

Среда, 31 [декабря]

Все эти дни хлопотал о мебели и посуде для офицеров 4ой роты. Вчера прибыл новый командир [капитан Пьер Паули], на вид энергичный. Спорили долго, запершись с Лениным [Леппином], и разговаривали. Будут, конечно, изменения — новая метла, но получится ли что-нибудь из этого! Вчера написал свой рапорт и дал его перевести Г[еоргию] В[асильевичу]. Рапорты мы подаем все — может, что и выйдет. Вандам тоже собирает рапорты недовольных.

От него слышал, что говорил Дегрелль о немцах. Если это правда, то его песенка спета. Сегодня утром послал Ирмусе № 36. 31 декабря. Будут ли встречать мои родные Н[овый] Г[од] и с кем? Взгрустнется моей родной женушке. Сейчас 10^м часов вечера. Николай [Камский] пошел на встречу Н[ового] Г[ода] в штабную роту. Наши не встречают. Сижу один в своей комнате и грущу. Хотелось бы наполнить хоть одну рюмку чем угодно и мысленно чокнуться с моими родными, но, кроме кофе, ничего нет. Пью кофе и закусываю остатками шоколада. Только что начисто переписал свой рапорт, который подам завтра Лешину [Леппину]. Может, что и выйдет. Если бы немцы разрешили мне формирование — дело бы пошло с Божьей помощью, и тогда был бы другой разговор.

В 2 часа дня было приказано всем офицерам собраться для представления командору. Представились — прочитал маленькое нравоучение. Видно, что человек энергично берется за дело, но... Можно ли что-либо еще сделать? Мне это решительно все равно — надоело все это — прошу о переводе.

Что ж принесет нам, русским, новый [19]42 год? Борьбу, конец страданьям или еще новые страданья и муки. Но кажется мне, что он будет решающим в истории, может, всего мира, во всяком случае, нашей многострадальной Родины. Принесет ли он также что-нибудь для меня лично. Принесет ли он мне счастье увидеть моих маленьких и папу, расцеловать их, побыть хоть немножко с ними, отойти, отвести наболевшую душу и забыться на груди у Ирмуси. Прижать к себе худенькое тельце моего любимого мальчика. Боже! Как мы не ценим того, что имеем, и к[а]к потом в этом каемся. Детки мои, когда я вновь буду с Вами, то мое свободное время будет только Вашим. Ждал с нетерпением письма к Н[овому] Г[оду] — не пришло. Уже неделю нет писем и посылочек. Забыла меня женушка — нехорошая!

На дворе чудно. Светлая, лунная ночь. Все бело. Довольно холодно. Только что пролетели где-то в вышине самолеты. Долго гудели в морозном воздухе. Я сидел и думал: свои или чужие. Вспомнился Льеж и налеты англичан, тоже всегда ночью. Советчики иногда прилетают, но достается Константиновке, нас пока не трогают. Между проч[им], сами немцы отдают должное этим летчикам. Говорят, что знаменитые Рата¹³⁷ деревянные; если это правда, то не удивительно, почему столько их сбито. Напишу еще Ирмусе открыточку. (№ 37).

Четверг, 8 янв[аря]

С приездом нов[ого] к[оманди]ра свободное время сводится на нет. То то, то другое! Совершенно незаметно промелькнула неделя, и у меня не было возможности, чтобы сесть и написать неск[олько] слов. Позавчера, в сочельник, гадали. Мне выпало: назвался груздем — полезай в кузов. Влез! Вчера ходили с Николаем [Жамским] в гости пить самогон. Такой гадости еще не глотал! Сегодня утром отправил письмо за № 38 через Мажерота¹³⁸, а вечером написал за № 39, для передачи через Дора¹³⁹, реформированного и едущего в Льеж. С письмом по-

сылаю два рапорта для ознакомления с моими действиями¹⁴⁰. Второй рапорт подал вчера. Сегодня стало известно, что с нами будут разговаривать в это воскресенье — приезжает, кажется, нач[альник] штаба корпуса¹⁴¹. Неужели клюнуло! Немцы, видно, заинтересовались предложением, но дадут ли эту возможность мне? Борьба, всегда и всюду борьба! О! Если бы разрешили и дали — дело закипит! Главное же — будущее. Думают ли об этом будущем остальные, ведь вопрос не в личной карьере, а, может быть, в кадрах будущей Российской Армии. Господи, помоги в дерзании. Я готов!

Как двадцать с лишним лет назад,
С крестом в руке, на склоне горки —
Стоит Великий князь и взгляд
Свой вдаль направил зоркий.
По-прежнему у ног Его
Течет лениво Днепр широкий,
Несет волну свою глубокий.
Не изменилось ничто.

Как двадцать с лишним лет назад
У ног Святого на площадке,
Тогда дитя — теперь солдат,
Стоит и слезы льет украдкой.
«Привет Тебе, о наш Святой!
Апостолам Великим равный;
Наш русский подлинный герой
Великой Веры Православной.
Привез земной поклон Тебе,
Наш князь, я из чужбины дальней;
Изгнанник плачет о судьбе
Своей страны многострадальной.
О Князь! Молениям внемли
И ниспроси у Бога чуда:
Спасения родной земли
И прославленья Его Люда.
Господь жестоко покарал
Народ великий за безпутство,
Безропотно народ страдал,

Переживая власть убудства.
 И после долгих, тяжких лет
 Страданий и лишений многих
 России-Матушки уж нет —
 Осталось страна убогих».
 И он в волненьи замолчал,
 Болея за страну родную;
 Лишь ветер ветками качал,
 Сменяя тишину немую.

И вот среди этой тишины
 Послышались с вышины,
 В порыве прозвенели ветра,
 Нежданного слова ответа:
 «Не плачь, а радуйся сейчас
 И веселися, русский воин!
 Настал Великий Светлый Час
 И зреть Его ты удостоен.
 Творца за то благодари
 И должное Ему воздай,
 В терпении Свое твори,
 В святом горении — дерзай!
 Народу же Господь поможет;
 Грехи его простит-забудет.
 Не будет и России может,
 Святая ж Русь была и будет!

ок[ончено] 8 января 1942 г[ода],

нач[ато] в Киеве

п[оселок] Щербиновка

Среда, 14 янв[аря]

Старый Н[овый] Г[од]. Сегодня утром прибыл из поездки со старостой Щербиновки, Ник. Ник. Корневым, по всему району. Официально ездили за устройством сбора теплых вещей для Армии; неофициально — проветриться, людей посмотреть и себя показать. Получил удовольствие: езда на санках, хорошая еда и отношение. Даже отвратительная погода не испортила моего настроения. В воскресенье был на представлении *Verbildnug Staba*¹⁴² — плоско, но иногда ничего. Бель-

гийцев разделили под орех, командир [батальона] разозлился не на шутку. Лепин [Леппин] переводится в другое место по собств[енному] желанию — жалко. По нашему делу ничего еще нет нового. Староста хочет просить обо мне — просил обождать. В воскресенье же получил письмо от Ирмуси, папы и Феденко. Игорь пишет, что я ранен и лежу в Екатеринославе. Кто-то уже пустил утку. Нового особенно ничего нет. Немцев начали отпускать в отпуск, неужели и мы поедем! Папа пишет, что убит Роман Лабинский¹⁴³. Вечная тебе память, дорогой корнет и русский офицер! Ты был один из лучших между нами. Бог не судил нам драться вместе.

Пятница, 16 янв[аря]

Вчера ездил в Розовку и Ново-Бахмутовку расследовать грабежи наших солдат. Кажется, начальство взялось серьезно за это дело — тем лучше. Пора прекратить это безобразие. Наше дело продолжаем, им заинтересовался к[оманди]р б[атальо]на [Паули]. Моя настойчивость заставила других тоже писать рапорты и действовать. Боюсь, что моя инициатива в дальнейшем перейдет в другие руки. Много уже было сделано и налажено, оставалось лишь разрешение от штаба корпуса. Рапорты находятся там же, но вчера внезапно уехал Лепин [Леппин]. Он принимает роту на фронте, а на его место прибыл новый капитан¹⁴⁴. К сегодняшнему дню в общем сделано следующее: 1) рапорты по нем[ецкой] линии; 2) разговоры Камского с комбат'ом; 3) рапорты комбат'у о деятельности партизан; 3)¹⁴⁵ пропаганда среди милиции; 4) установление дружеских отношений с нач[альником] милиции и старостой; 5) разговор (на днях) старосты с комбатом обо мне и разрешении мне заняться местными делами полиц[ейского] характера; 6) ознакомление на месте и в поездках с положением вещей.

Сегодня узнал от н[ачальни]ка полиции, что в помощь ему будут даны два офицера. Кто это — пока неизвестно, но можно предполагать. Вчера получил от штаба пропуск — удостоверение для поездок и деятельности против партизан. Что из всего этого получится и какая будет моя роль? Впечатление, что меня кто-то хочет перехитрить. Я работал для себя в то время, когда другие спали, а теперь кто-то хочет одним взмахом сесть на готовенькое. Приблизюсь к к[оманди]ру и посмотрю.

Вечером получил посылки от Ирмуси, от Solidarno Legion¹⁴⁶ и, очевидно, от[ца] Андрея¹⁴⁷, с иконами и литургиями. Вчера послал письмо № 40. Есть сведения, что англичане опять бомбардируют Бельгию. Опять беспокойно о моих. Писем все нет и нет.

Суббота, 17 янв[аря]

Получил письмо от Ирмуси. Опять англичане бомбардировали дважды Льеж. Уже знает из письма Камского — Е. И., что я поехал в Киев. Значит, мое письмо из Киева не будет неожиданностью. [Староста] Коренев говорил о нас с комбатом и сегодня подает прошение о переводе нас в полицию. Наш общий рапорт пишет Г[еоргий] В[асильевич] — подаст завтра утром. Подпишемся все. Т[аким] обр[азом], атакуем со всех концов. В понедельник должен приехать ком[андир] [ЛП] кор[пуса] [Ойген Отт], наверно будем представлены. Дай Бог, чтобы что-нибудь получилось. Вчера повесили двух партизан для остратки. Кажется, произвело впечатление. При обыске найден склад оружия: один из них староста колхоза.

Вторник, 20 янв[аря]

Комкор [Отт] не приехал, а к нему отправился сегодня комбат [Паули]. 97-ая [легкая пехотная] дивизия, куда отправлен Лепин [Леппин], обязательно желает иметь нас у себя, всех 4^х. Зачем? Что мы будем там делать? Во всяком случае, о нас заговорили и во всех направлениях — акции поднимаются. Каждый вечер отправляюсь с здешн[ей] полицией на облаву и обыски. До сих пор ничего, но что кто-то из партизан здесь, так это факт¹⁴⁸. Выстрелы в солдат, следы на снегу и другие факторы говорят за это. Один раз, убегая, пустили ракету. Вообще, жизнь стала немного разнообразнее. Вчера в одном доме застали группу евангелистов. Взял посмотреть Библию, издания [19]26 года. К[а]к будто то же. Мороз все крепчает. Вчера на Крещение было 36°, сегодня 39–40°. Снег звенит, кожа на лице побаливает, к[а]к будто от загара. Солдаты проходящих частей имеют весьма жалкий вид: опухшие лица, уши. Какое счастье, что мы стоим на месте. Пишу письмо № 41.

Четверг, 22 янв[аря]

Я нач[альни]к полиции гор[ода] Щербиновки и Щербин[овского] района. Кто об этом мог подумать 22 июля¹⁴⁹ прош-

л[ого] года. Бывают в жизни шутки! Начальство надеется, что я прекращу беспорядки и саботаж. Я тоже надеюсь на это, но также и на нечто другое. Ростислав Вадимович, быть может, это начало? Камский почему-то отказался, я взялся. Первое дело — пожар этой ночью. Кажется, виновник поджога уже найден. Если это так, то первое дело проведено блестяще. Люди стараются угодить, постараюсь и я. Назначение, конечно, временное, а дальше посмотрим. Получил квартиру из 4^х комнат с ванной, выезд и проч[ее]. Перешел на свое довольствие. С места приступил к полной реорганизации полиции и постепенному переводу на военное положение.

Воскресенье, 25 янв[аря]

Первая свободная минута за неск[олько] дней. Завертелся, к[а]к белка в колесе. Много времени проходит совершенно даром из-за «советской» системы и вообще кабака. Постепенно вхожу в свою роль, совершенно незнакомую до сих пор. Водворяю порядок и известную систему, разбираюсь в делах. Не хочу губить людей, к[а]к делают многие, отчего еще труднее. Камский отправился по вызову к к[оманди]ру [LII] корпуса [Отту] относительно наших рапортов. На севере уже формируется часть из пленных красноармейцев. Может, разрешат и нам. Позавчера один нем[ецкий] оф[ицер] был в моем кабинете и сказал, что он из штаба корп[уса] и очень удивлен, увидя меня здесь на должности нач[альни]ка полиции. Относительно наших рапортов: «Это дело не корпуса, и не армии, а интернациональное». М[ежду] проч[им], он говорил по-русски, к[а]к я.

Пятница, 30 янв[аря]

Уже четыре дня, к[а]к я остался один. Батальон экстренно переведен в Грипино¹⁵⁰. Зачем? Никто не знает¹⁵¹. Приказание было получено поздно вечером, а утром б[атальо]н уже двигался на новое место, к[оманди]р [Паули] разрешил мне остаться на неопределенное время, чтобы навести порядок и, в случае чего, организовать эвакуацию. Последние два дня положение опять стало более устойчивым, первое же время казалось, что вот-вот что-то должно произойти. Чувствую себя весьма одиноким — кругом пока все чужие, а есть и враги. Отношение подчиненных хорошее, а некоторых и заботливое. Все было бы в общем очень

хорошо, если бы письма приходили прямо ко мне, а то надо за ними теперь ездить в Гришино. Состояние мое какое-то странное — еще не решил, хочется ли мне оставаться здесь, или нет.

Формирований нам не разрешили, надо ждать. А ведь из моей полиции можно кое-что сделать — подготовить какой-то кадр. Набрал донцов, произвожу некоторую реорганизацию и ввожу строй. Увеличил число людей вдвое. Поживем—увидим. Думаю съездить в воскресенье в Гришино и вернуться в понедельник. Скучаю по моим родным деткам сильно. Работаю очень много и много нервничаю. Свободного времени почти нет.

Сегодня здесь было освящение церкви — долго присутствовать не мог. Служило 5 священников — Щербиновский стал благочинным. Отправил № 42.

Среда, 4 февр[аля]

В воскресенье ездил в батальон, в понедельник вернулся обратно. Нагнал их в Караково, откуда только в понедельник часть, во главе с Чеховым, пошла на Гришино. Отставших видал еще за 20 к[и]л[о]м[етров]. Переход был весьма трудным: пало 12 коней, но среди людей отмороженных не было. Что будет с бат[альо]ном дальше не знаю, да и никто не знает. Говорят, будто будут охранять ж[елезно]д[орожную] линию Гришино — Екатеринослав, но... Встретили меня очень хорошо. Командир [Шаули] очень ко мне внимателен. Просил его ни в коем случае меня не бросать, если двинутся дальше. Обещал. Условились, что одну неделю буду ездить я, а другую Николай [Камский] ко мне. Если что, то меня сейчас же вызывают. На обратном пути был обстрелян 3^{ми} самолетами и не мог даже ответить — нечем. Пока остаюсь в Щербиновке один и сильно скучаю по моим маленьким.

Сейчас смотрю на фотографию Ирмуси, и слезы навертываются на глаза. Courage¹⁵²! До сих пор Бог меня хранил, верно, что хранит и их. Писем все нет, последнее было от 12^{то} дек[абря], а сегодня уже 4 февр[аля]. Когда же я получу весточку?! Самому писать тоже почти нет возможности, да и отправить могу только раз в неделю. Все время сильные заносы и движения почти нет. Ветер свищет и дует с такой силой, что трудно стоять на ногах. Зима суровая! А что же делается на Севере? Пишу письмо № 43.

Четверг, 5 февр[аля]

Занимаюсь вылавливанием наших дезертиров, в городе их несколько. Одного уже посадил сегодня к себе в карцер. Ветер не унимается. Холодно. Опять прорвались какие-то красные части, но на этот раз со стороны Сталино — Константиновки. Кажется, несерьезно, но на всякий случай охранение выставил. Начну заниматься обмундированием полиции. В Константиновке сформирована сотня!?

Понедельник, 9 февр[аля]

Николай [Камский] не приехал! Что же это значит? Имею сведения, что б[атальо]н в Гришино и еще не все стянулись. Арестовываю бельгийцев, сидящих здесь по всяким ложным причинам. Что ни день — пьянство от скуки и полной отрезанности от всего мира, можно спиться. Мне так тяжело без писем и всяких новостей, что я не знаю, выдержу ли здесь долго. Все время колеблюсь, бросить или нет. Один и один. Достали мне граммофон и хорошего пса-ищейку Джекса. Вчера первый раз пробовал тройку для дальних поездок. След[ующий] раз поеду в Гришино на тройке. Погода все время отвратительная, а сегодня ночью вдруг прошел дождь, и стало скользко. Тянет домой, к[а]к никогда. Ирмуся все время перед глазами. Господи, помоги!

22 февр[аля], (Суб[бота])

Во вторник ездил в Гришино. Бат[альо]н за сто к[и]л[о]м[етров] в направлении на Сергеевку. Остались лишь люди с тяж[елым] обозом да Ступин. Отправил письмо № 44. Причиной поездки был Жорж, вернувшийся из Бельгии. Привез мне письма и часы. Действительно, свалилось с неба — никак не ожидал. Слава Богу, все хорошо. Все живы и здоровы. Какая это была для меня радость. В Гришино выехали на 2^х санях: Жорж одноконкой, я, с дочкой старосты, — пароконными. Обещал прошлый раз командиру [Паули] ее привезти. В Гришино приехали часам к 5^{ти} и сразу попали под бомбардировку. С трудом нашли остатки б[атальо]на и расположились на ночлег. Рано утром поднялся и решил уезжать, чтобы не подвергать девочку опасности. Со слов жителей, авионы прилетают кажд[ый] день часам к 11^{ти}. Значит, надо выехать раньше.

К[а]к на зло, в этот день они прилетели в 8 утра и бомбардировали все время — весь день. Выбрались из Гришино часам к 10^{ти}. Слава Богу, ничего не случилось, а ведь ответственность взял на себя большую. К 7^{ми} вечера были дома. Здесь все благополучно. Комендант уезжает в Германию. Хотел пристроиться, но не берет. А я так надеялся повидать моих маленьких. Ну что ж! Подождем еще. Приехал мотоциклист ит[альянского] б[атальо]на и отправился в Горловку за почтой. Может, и тут посчастливится. Сегодня написал № 45, которое передам через Виткэ. Чувствую себя неважно — сижу дома и кашляю. Вчера пристроился к госпиталю, откуда буду получать паек. К[а]к я не догадался об этом раньше!

Письмо № 44:

Любимая, родная детка!
 Зачем Ты мучаешь меня?
 Зачем Ты пишешь письма редко?
 Уж целый век нет от Тебя
 Ни одного письма. Не знаю,
 Что с Вами там. Здоровы ль Вы?
 Я ничего не получаю,
 Все думаю, скорблю, гадаю,
 Лелею прежние мечты...
 Передо мною, как живой,
 Стоит твой образ дорогой.
 Я не кривлю душой, родная,
 Когда об этом говорю;
 Не светит звездочка иная
 Мне здесь. — Я лишь тебя люблю
 По-прежнему?! Нет, много крепче!
 Разлука тяжка для меня.
 Она была бы много легче,
 Когда б средь ночи или дня
 Твой образ милый растворился,
 Исчез... Тогда бы я напился
 И... закачало бы меня
 По волнам похотей житейских...
 Но предо мною, как живой,

Стоит твой образ дорогой.
К себе зовет, к себе манит,
А Бог меня всегда хранит.

И Ты, мой малый макарошек,
Забыл папусю — нехороший!
Шесть месяцев уже прошло,
Как я уехал, а дошло —
Всего ко мне что! — Пара писем!
Давай, мой маленький, повысим
Такое жалкое число.

Да! Может мне и повезло,
А, может, нет, но я без Рекса
В единственном числе сижу,
В компании ищейки Джекса
(моя собака) и гляжу
В дальнейшее с вопросом в взоре,
Хотя все выяснится вскоре,
Пока же надо мне работать:
Писать, приказы отдавать,
Кого и где арестовать,
И прочее все в этом роде.
Уже известен я в народе,
Но не жестокостию — нет!
Мне чужда месть, лишь справедливость
Повсюду мной руководит.
Но, Боже мой! Какая глупость
И подлость здесь еще царит!
Отрыжки прошлого режима:
Доносы, кляузы, грабеж.
Но это все искоренимо,
Пока ж — работников даешь!
Тех прежних главных активистов,
Жидов и катов-коммунистов.
Им от меня пощады нет.
(Они ее даже не просят,
Когда рогатые уносят
Их души в пекло). Так на свет

За другом — дружже выплывает
И дружке выплыть помогает.

В таких делах проходит день,
Когда ж сойдет ночная тень,
К себе домой я направляюсь
И завожу свой «патефон»;
Смотрю на Вас и умиляюсь;
Или глушу вонь-самогон.
Единственный спиртной напиток,
Гонимый на родной земле,
Здесь бурака еще избыток,
Но дело ведь не в бураке!
Так и проходит день за днем.
Пока ж все остаюсь на месте,
На новом поприще своем,
И жду от комбата известий.
Быть может, завтра получу
От Вас я письмецо, родные,
А нет! — Тихонько погрузу —
Не привыкать! Ведь не впервые!

Ну, деточки мои родные,
Храни Вас Бог! Целую Вас
Я крепко, крепко, дорогие,
И много, много, много раз.
Даст Бог, я скоро и вернусь
За всеми Вами. Ваш папусь.

21-2-42

Щербиновка

27 [февраля], Пятница

С какими большими перерывами я веду теперь свой дневник. Все нет времени. В среду приезжали Шлюк и Девельс [дю Вельц]. Проехали в Горловку и привезли мне два письма и две посылочки. Еще один раз удалось мне получить весточку, но, правда, все письма от января месяца и написанные раньше привезенных Жоржем. Написал № 46 и дяде Толе [Левашову]. Ирмуся прислала конверты и блок. Тебе-то, моя маленькая,

я писать буду по-прежнему, а от Тебя... Эх! Лучше не думать пока. Начинается весна, что-то она принесет нам? Скоро ли кончится? Скоро ли свидимся? Приезжал офицер из Горловки, русский немец. Он занимается русскими делами и командует сотней. Рекомендовался — сказал, что попросит у ком[андира] кор[пуса]. Шлюк привез известие, что в батальоне 10 убитых и 25 раненых¹⁵³. Убит осколком снаряда Смоля [Смоленский]. Вечная тебе память, дорогой Сергей Алексеевич. Умер ты все же на своей родной земле. Он чувствовал, что должен быть убит и часто говорил мне об этом. Я этого не чувствую, а вот мне кажется, что я скоро увижу моих. Может, под влиянием полученных писем, а может и что другое, но в данный момент я как-то спокоен, что только меня сейчас беспокоит — это бурление крови. Становится тяжело от желания.

С новым комендантом начал по-хорошему. Послал № 46 и яде Толе.

Мысли, мысли, вы как тучи
Вьетесь целый день-деньской,
То печальны, то могучи,
Над моею головой.

Рождены вы в долгих муках,
Плод любви моей святой,
До и при победных звуках
По лицу земли родной.

Вейтесь, мчитесь, мои дети!
Облетите край родной;
Прорывайте злобы сети,
Создавайте мир иной.

*Г[ород] Щербиновка
27-2-42*

Среда, 4 марта

В понедельник вызвали экстренно в штаб корпуса в Горловку. Познакомился со всем штабом и присутствовал на совещании. Сидели около 6 часов, и от напряженного внимания устал дико. Нач[альник] штаба [Дёрр] мило беседовал со мной. К сожалению, моего лейтенанта видел уже после. Это дело его

рук — наверно перетащат в Горловку, командовать сотней. Т[аким] обр[азом], я буду при штабе корпуса и, думаю, что, с одной стороны, жить будет лучше — что скажут, когда узнают об этом другие в бат[альо]не.

Здесь кругом меня уже плетется сеть. Эх, люди, людишки! Все же я не их поля ягода. Большевицкая зараза еще сидит крепко, и работать честно может мало кто.

Четверг, 5 марта

День прошел в работе, а вечером, вернувшись домой, получил свежие новости из б[атальо]на. Приехали два солдата и привезли письма от Г[еоргия] В[асильевича] и Ступина, а также сведения о боевом крещении б[атальо]на. 70 убитых и 100 раненых. Много пропавших без вести. В строю осталось, кроме обоза, чел[овек] 150 — 200¹⁵⁴. Красные дали жару. Говорят что б[атальо]н был атакован танками¹⁵⁵. Тайс¹⁵⁶ убит, Бойдс¹⁵⁷ убит. Почти все офицеры ранены. Ком[анди]р [Паули] произведен в майоры. Дегрелль — в лейтенанты (обер?)¹⁵⁸, и оба получили [Железные] кресты. Кажется, награждено 25 чел[овек]¹⁵⁹. Камский жив. Но что же осталось из б[атальо]на, на что он теперь способен? Вернуться в Бельгию? Боюсь, что весть быстро долетит до Льежа и подымится паника. Со вчерашнего вечера не прекращается гул канонады. Где это происходит бой?

Все жду вести из Горловки. Говорят, что красные вырезают поголовно всех, раненым перерезают вены на руках, чтобы истекали кровью.

Написал № 47.

Понедельник, 9 марта

Вчера был в церкви и подал о здравии всех моих. Начал день хорошо, а продолжил плохо. Пили весь день и сегодня на душе смутно. Вечером приехал из б[атальо]на Каюков — будем чинить автомобиль. Сегодня получил посылочки и почту. Надо будет проехать в Горловку проведать лейтенанта, фамилию которого не записал. Какая оплошность!

Вторник, 10 марта

Приехали опять из б[атальо]на и опять я получил письма. Правда, одно из них шло 4 месяца, а другие меньше, но тоже долго. Одновременно получил вторично письма от Чехова и Ступина.

Ступин уезжает, а Г[еоргий] В[асильевич] едет в Днепропетровск по нашим делам, к[а]к пишет. Хоть бы б что-нибудь вышло. Сегодня поймал последнего дезертира де Мана. Чинят сов[етскую] мотоциклетку и, быть может, смогу разъезжать, куда понадобится.

Написал № 48.

Пятница, 13 марта

В среду приехал Борис Тулубьев¹⁶⁰ заменить Каюкова, почти удравшего. Но последний успел заболеть ангиной и слечь в госпиталь. Отправил письмо Чехову с надеждой.

Мой лейтенант из Горловки что-то не едет. Надо будет проехать самому. Хотя... а если у Г[еоргия] В[асильевича] что-нибудь удастся, то будет лучше.

Дни протекают довольно однообразно и монотонно, если не считать всяких эпизодов подлого характера, к[а]к подсиживание, сплетни и проч[ее]. Организацию полиции продолжаю, проводя всякие реформы и отчасти чистку.

Вторник, 17 марта

Написал № 49 и поздравил сынуську с днем рождения¹⁶¹. В субботу отговел и подал о здравии и за упокой. Несмотря на это, тоска не прекращается. Я здесь начинаю закисать, надо что-то предпринимать и к[а]к-то действовать. Послезавтра Борис [Тулубьев] едет обратно, отправляю с ним письмо Чехову, в котором буду ругаться и просить. Эх! Что-то будет дальше? Пока никакого просвета. Когда я в кабинете — работы масса, приду домой — скука и тоска. Но все же верю и верю!

Написал открытку № 50 с поздравлением к Св[ятому] празднику [Пасхи] и пошлю завтра посылку с маслом, авось дойдет.

Понедельник

Вторник, 23 марта¹⁶²

День начался с воздушного боя — подбито два [самолета]. Сегодня освободил комсомолку Тосю и получил большое удовольствие от содеянного. Надо было видеть радость этой девушки. Другая тоже. Бедный сов[етский] молодняк! Снялся с Джексом. Всю неделю мотался к[а]к угорелый — раскрыл

дело против меня — руководитель — мой помощник Аниськин. Начал генеральную чистку.

Завтра посылаю посылку с валенками и письмо № 51. Пишу теперь довольно редко, но что же делать.

Приезжал ортс-ком[ендант] Горловки с нач[альником] полев[ой] жандармерии. Представлял ему полицию всего района, после обедали у меня и остались довольны. Пока приказано ждать и ждать у моря погоды. Вместе с тем, капитан остался согласен со мной, что мое место не в полиции.

Вторник, 31 марта

Прошла всего неделя, а сколько изменений и переживаний. Писать не было возможности. Во-первых, приехал Г[еоргий] В[асильевич], чему я весьма был рад. К сожалению, совпало так, что мое расстроенное уже здоровье не выдержало, и я на неск[олько] дней должен был слечь.

Результат, кажется, довольно плачевный: что-то с левым легким. Сегодня еду на рентген. Г[еоргий] В[асильевич] привез мне письма, табак и свидет[ельство] от Кампера о болезни папы. Надо действовать. Боже! Неужели отпустят на побывку. За это время много передумал и решил уйти подальше от здешней местной гадости. Сегодня заявил об этом коменданту и решил уехать с Г[еоргием] В[асильевичем] в бат[альон].

Настроение отвратительное, чему помогает общее состояние организма. Чувствую себя препаршиво — печет в груди — неужели у меня действительно процесс в легком?!

Четверг, 2 апреля

Сегодня узнал хорошую новость. Вчерашний осмотр герм[анскими] врачами не дал ничего. Я здоров! Слава Богу! Для всех окружающих я остался больным — так лучше. Кончу все дела и ... в новую жизнь. Быть может, командир отпустит — на это вся моя надежда, а нет — буду сидеть в б[атальо]не и ждать у моря погоды. Корреспонденция теперь идет вся в батальон и, по этому уже одному, сидеть здесь одному невозможно. Ну да что Бог даст. В данный момент трудно выехать отсюда из-за оттепели, а что будет дальше! Г[еоргий] В[асильевич] спит и ест целыми днями. Веселая, зажиточная жизнь! Да, уже такой спокойной жизни, наверно, не будет до конца войны. Будет,

чем вспомнить Щербиновку! Но... Все вместе взятое заставляет меня бежать и возможно скорее. Здесь я погибну.

Понедельник, 13 апреля

Еще раз перевернута страница жизни — я опять в батальоне. Уехал с легким сердцем и душой. Довольно! Сам ехал верхом — все вещи на телеге. И так — из Щербиновки выбрались последние бургиныоны¹⁶³. Дорога была хорошая только от Константиновки до Друшковки, а в других местах что-то ужасное. Лошади совершенно выбились из сил, думал — не доедем, но все же шажком выбрались. В б[атальо]не встретили очень мило и сразу было появились надежды на возможность отпуска. Со стороны немцев не предвидится никаких затруднений, но к[а]к только об этом узнал Дегрелль, то воспротивился. Вся надежда на Бога, если заслужил — то поеду. Сегодня получил целую кучу писем от Ирмуси, папы, сынуски (отдельное) и тети Жени, и Спечинского В[иктора]. Дома, слава Богу, все хорошо — ждут меня все не дождутся. Г[еоргий] В[асильевич] назначен временно к[оманди]ром б[атальо]на¹⁶⁴.

[Предыдущий командир батальона] Паули был судим за массу всяких историй, вплоть до воровства. И это к[оманди]р б[атальо]на! Какой позор! Одни говорят, что он ненормальный, другие — просто сволочь¹⁶⁵!

В б[атальо]не много изменений, все ком[андирские] посты заняты фельдфебелями (ком[андиры] рот и взв[одов]). Если не удастся уехать в отпуск — то придется коротать свои дни в этой ужасной и грязной дыре, которая как бы в насмешку называется «Благодать». Все же лучше, чем в Щербиновке, — не один. Пишу письмо № 53.

Пятница, 17 апр[еля]

Вчера отправил письма Ирмусе, Альке, папе и тете Жене. Для отпуска нужна телеграмма из Брюсселя. Все надежды на действия Ирмуси, на ее энергию и настойчивость. На след[ующей] неделе уезжает один легионер. Через него передам письмо, которое дней через 9^м — 10^м будет дома. Телеграмма должна прийти приблизительно в числах десятых мая. Если все выйдет, числу к 20^м мая я буду дома. А если не выйдет?! — Ну, что ж, будем тянуть лямку дальше, уповая на скорый конец.

Дня через два я перебираюсь в соседн[ее] село [Великое поле], где находится наш обоз. Требую лошадь — может и выйдет. Я был форменным идиотом, отправив все три лошади обратно в Щербиновку. Эх, если бы я оставил моего вороного [коня]! Вчера получил 4 посылочки с табаком и папиросами. А стекла для часов все нет и нет.

До сих пор абсолютно ничего не делаю. Скучно, конечно, очень, но все же лучше, чем в Щербиновке. Погода все время ужасная, то дождик, то ветер, то холодно, что же касается солнца, то его уже давно не видно. Грязь непролазная. Начал борьбу со вшами. Посылаю № 54 с оказией.

Пятница, 24 апр[еля]

Послал № 55. Уже четыре дня, к[а]к я в Великом поле, где находится наш обоз. Живу ничего. Позавчера ко мне приезжал по делу хорватский офицер — оказался, во-первых, русским, а, во-вторых, из стаи Адамовича¹⁶⁶. Оказывается, среди них 15 наших офицеров. Вчера уже был у него, пили сливовицу, снабдил папиросами, лимонами и мылом. Славный парень и мыслит вроде, к[а]к я, говорит, что все они так думают. Завтра должны ехать в командировку на Гришино — Щербиновку — Константиновку и вообще, куда понравится, но лишь бы что-нибудь привезти для б[атальо]на.

Наверно заеду в Щербиновку — проведать. Получил письма от Ирмуси и папы, последнее от 5 апр[еля]. Вчера только ушло письмо с «оказией», в нем и письмо А[натолию] Ник[олаевичу] [Левашову]. Своим даю, т[ак] ск[азать], отчет о Щербиновке, для распространения дальше, по начальству. Пока что скучать мне не приходится, время идет быстро. Уже почти две недели, к[а]к я в б[атальо]не, а кажется, что вот-вот приехал. Сегодня сказали, что хорватов включают в итальянскую армию¹⁶⁷. Жалко, может, когда вернусь — уже больше их не будет. Между проч[им], отношение хорватск[ого] народа к итальянцам самое отрицательное, и дело кончится катастрофой.

Суббота, 2 мая

До сих пор еще в дороге. Погода отвратная. В Щербиновке просидели три дня. Сейчас находимся в Караково. Если погода будет благоприятствовать, то в б[атальо]не будем только

завтра вечером. Устал сильно. В Щербиновке останавливался у Тоси — обрадовались все друзья очень. Изменений в полиции много. Аниськин, Жданчук, Шумко и Савельев сидят. Семенов тоже — Дурнев и Скачков удрали. Обо мне ходили всякие невероятные истории — ввали, что на ум взбредет. К[а]к хорошо, что я уехал! Ренц оказался тоже нечист на руку — понятно теперь его нежелание сменять некоторых чинов полиции. Написал № 56 (с фиалочками). Настроение поганое, состояние физическое также. Что-то все же у меня есть ненормальное, какая-то апатия и слабость.

Суббота, 9 мая

Вчера послал № 57, а сегодня пишу с оказией № 58.

Понедельник, 11 мая

Мысли, мысли, вы как тучи

Темнеет небо голубое;
 Пылает заревом закат;
 Напоминая время злое,
 Вдали проносится раскат:
 Один-другой... и снова тихо.
 Качаясь целый день в седле,
 Есть время думать о судьбе,
 Далеких-близких и о лихе.
 «Куда ты, бабушка?»
 — «На родину, родимый!
 У дочки буду помирать.
 Все-ж легче, чем одной-гонимой,
 Голодной смерти ждать!»
 Едва передвигая ноги,
 С дрючком, мешочком за плечом,
 Ползет старушка по дороге.
 Душа держится еще в чем!
 А вот идет! К себе! Домой!
 О, как я всех вас понимаю,
 Оставивших свой край родной!
 «А где же родина твоя, бабуся?»
 — «И-и, милай, далеко шагаю!

Под Курск! — Что далеко, я не боюсь!
 С людьми я шла спервоначалу,
 Да только ножки подкачали:
 Отстала, — сильно утомилась,
 — Они ушли — и я отбилась.
 Года не те, сынок! Со Святюк
 Пошел уж мне восьмой десяток!»
 — «А сколько, бабушка, примерно,
 Прошла сегодня версты ты? Верно
 Много?» — «Куда к[а]к много! Целый день бреду!
 Вон видишь город!? Я из него сегодня
 Вышла и вот в то село иду».
 От города и до села рукой подать совсем.
 Ну, скажем, километров шесть иль семь.
 Рукой, дрожащей и костлявой,
 Утерла бабушка слезу;
 Перекрестилась: «Боже правый!»
 — «Садись в телегу — подвезу».
 — «Спасибо, роденький, спасибо!»
 Пошли всего Господь тебе:
 Здоровья, счастья, денег либо
 Удачи в праведной борьбе!»

Среди всех ужасов и горя
 Что значит эта «капля в море»!
 О Святая! Святая Родина моя!
 Как же помочь Тебе, родная?!
 Я все гадаю и не знаю
 И Ты закована, и я!

Великое поле

Вторник, 12 мая
 Послал № 58 по luftfeldpost¹⁶⁸.

Среда, 13 мая

Вчера батальон переброшен в направлении на Ново-Александровку — Краматорская. Я остаюсь при обозе, и еще просидим здесь дня два-три. Говорят, что б[атальо]н опять пойдет в бой и, может, сразу же (?). Скука смертельная. Позавчера

получил письмо от Ирмуси с двумя фотографиями. Похорошела моя женушка — такая тонкая, а сынуська растет. Когда же, наконец, я их увижу?! Как я соскучился! Сегодня первый теплый день, но ветер не прекращается. Он лишь то теплый, то холодный. Лежу в поле на животе и наслаждаюсь.

Воскресенье, 17 мая

Вчера приехал в Ново-Варваровку.

Сегодня началось наступление на нашем участке. В 4 ч[аса] утра проснулся от канонады, разрывов и шума пропеллеров. Мы стоим на месте, а бока загибают. Продвигаются быстро¹⁶⁹. Сегодня должны быть в Очеретино (лев[ый] фланг).

Написал № 59.

Пятница, 22 мая

Ново-Варваровка — Яблоновка — Прелестное.

В первый же день моториз[ованные] части достигли Донца и устроили тет-де-пон¹⁷⁰. Против наших двух дивизий (обходных) и 4^х бат[альонов] (фронтовых) находятся 2 корпуса. Красные прижаты к Донцу¹⁷¹. Со стороны же выше Изюма, наоборот, красные прорвали на 100 к[и]л[ом]етров и пытаются продвинуться дальше¹⁷². Кучи трупов — вонь. Очевидно, будем двигаться на Изюм. Опять б[атальон] переведен из 68 [пехотной] в 97 [легкую пехотную] дивизию¹⁷³. Погода чудная — жарко.

Написал № 60.

Позавчера первый раз купался в пруду. Тепло, но мелко. Сегодня осматривал б[ывшее] имение. Все в страшном запустении и грязи, но все же хорошо — вспоминается прошлое.

Понедельник, 25 мая

Получил открытку от Ирмуси с сообщением о папиных сердечных припадках: дело паршиво! Отвечаю № 61. Получил также письма от А[натолия] Н[иколаевича] и Спечинского. Справляли 12^ю годовщину Дружины в Берлине. Был удивлен неласковым письмом Ирмуси. Неужели...!

Ездил за неск[олько] килом[етров] на охоту. Привез 7 свиней, 4 овцы, палатку и седло. Наверно наступление начнется дня через два.

Пятница, 29 мая

Вчера закончилась «донецкая операция»¹⁷⁴.

Уже третий день нахожусь в Гусаровке.

Написал № 61. Приобрел летку.

Понедельник, 1 июня

Каждый день ездим верхом на утреннюю прогулку. Летка немного слаба для меня, но, в общем, лошадка хорошая. Все сидим на месте и ждем приказаний сдвинуться. Думаю проехать в б[атальо]н, поведать друзей и напомнить о себе.

Опять жара. Делать абсолютно нечего — это действует на нервы. Если бы не было жалко лошадь — носился бы целый день по полям, несмотря на жару. В такие дни ничегонеделания часто приходит на ум, что не война, а увеселительная прогулка. Уже 1ое июня, через 2 месяца, будет год, к[а]к я уехал из дому. Год! Целая вечность, и вместе с тем, к[а]к быстро промчалось время. Надеюсь, что этот год времени, проведенного здесь, послужит чему-нибудь более нужному, чем мое настоящее занятие. Чем все это кончится? Я глубоко верю, что немцы сметут существующий строй, и сделано это будет скоро. Но к[а]к мы вывернем из этой истории? Будем надеяться лишь на Бога!

Четверг, 4 июня (Брашовка)

Получил 3 письма от Ирмуси и одно от папы. В одном из писем — опять сертификат о папиной болезни. Привез Ступин, приехавший с новыми¹⁷⁵. Папино дело совсем что-то плохо. Отправился к Ю[рию] В[асильевичу] и дал прочитать. Оказывается, он получил тоже от М. — К вечеру он мне сказал, что я поеду или 9го, или 12го [июня] с М. Ура!!! Дорогие мои детки и папуся! Мы скоро увидимся. Прямо не верится, что счастье так близко и возможно. Молитвы моих дорогих услышаны. А Ю[рию] В[асильевичу] везет! Его берет Бауман¹⁷⁶ к себе в Брюссель¹⁷⁷. Хорошо! Будет свой человек.

Отправил открытку № 63. Может, последнюю перед отъездом в отпуск?

Вторник, 9 июня

Сейчас 7 ч[асов] утра. Уже 2 часа, к[а]к я в поезде, приближающем меня пока что медленно к моим деткам и папусе.

Ю[рий] В[асильевич] сделал все, чтобы меня отпустили. Спасибо! Вчера утром, когда встал, то думал, что никуда не поеду. Два дня подряд лил дождь, превративший все дороги в месиво. Грузовики не ходят, что делать? Решили ехать в тачанке, запряженной четвериком. Выехали в проливной дождь (в 8 ч[асов] утра), который прекратился только часа в 3 дня. К 4 часам были в Славянске (40 к[илометров]), откуда сегодня отбыли поездом в 5 ч[асов] утра на Есиноватую, где уже сядем в поезд отпускных и двинемся дальше. Наконец, сбывается долгожданное — я увижу моих родных.

Воскресенье, 14 июня

Сижу на вокзале в Познани в ожидании поезда на Ней-Беншен¹⁷⁸ — Мезериц, куда прибуду сегодня после 17 часов. От Перемышля еду барином во 2^м или 1^м классе. В Перемышль прибыли вчера рано утром.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма Р. В. Завадского с фронта, ноябрь — декабрь 1941 года

Данные письма были впервые процитированы в информационной сводке Управления I отдела РОВС, от 1 марта 1942 года. Письма были анонимными, лишь с указанием, что их автор — русский офицер, служивший в бельгийском дивизионе. При сопоставлении данных, изложенных в настоящем дневнике за период ноябрь — декабрь 1941 года, не остается сомнений, что настоящий автор этих строк — Р. В. Завадский. Скорее всего, эти письма были написаны А. Н. Левашову, который передал их впоследствии для общего отчета¹⁷⁹.

Из писем русского офицера, служившего в Бельгийском дивизионе¹⁸⁰

*Ноябрь 1941 года,
район бывшего Екатеринослава*

«Вчера получил большое душевное удовлетворение, посетив здешнюю церковь и простояв всю службу. Это было первое богослужение во вновь открытой церкви, на которой каким-то чудом на всех куполах остались кресты. Внутри все стены голы, лишь видны темные пятна от висевших когда-то икон. Под куполом около уцелевших св. Евангелистов чирикают наперебой воробьи, внося какую-то праздничную ноту в богослужение.

При входе в храм в ограде виднеются еще надписи “Бога нет”, а внутри храма тысячи молящихся, все больше женщин. Первое богослужение на родной земле, я не выдержал и как мальчик заплакал, не стесняясь окружающих. Хор уже успел несколько спеться, и я с удовольствием его слушал. На литургии было много говеющих. Хотел было и я причаститься, да начальство задержало, опоздал... После литургии заказал молебен... Народ дивился на немецкого офицера, стоявшего посреди церкви на коленях, покрытого епитрахилью, над которым священник читал Евангелие и под конец под пение хора “Спаси, Господи, люди Твоя” окропил святой водой и пожелал счастья на моем пути. Этого дня я никогда не забуду.

...В этом маленьком городке засели мы на неопределенное время из-за непролазной грязи на дорогах. Если подмерзнет и выпадет снежок — двинемся дальше. Вокруг шалют партизаны, то одного, то другого подстрелят. Партизаны — это активисты-коммунисты, которые не успели вовремя бежать. Может быть, придется взяться за них и почистить...

Пишу на советском блокноте, который нашел в занимаемой мною комнате. Обитатели сбежали и побросали некоторые вещи. Раньше я жил в казарме, а потом пошел и отыскал небольшую комнатку с печкой и кроватью. Последнее обстоятельство меня сильно прельстило, так как уже месяц приходилось спать на полу... Часто разговариваю с земляками, остались прежними, с хитрецей и с еще большей осторожностью. Отношение к нам хорошее. Все жаждут спокойствия и сытой жизни — это преобладает во всем...»

Декабрь 1941, там же

«...То, что я вижу здесь, мне, болезненно любящему свою Родину, переживать очень тяжело. Где прежнее богатство и благополучие... О нем вспоминают те, кто его видели, с каким-то особенным чувством, как о чем-то безвозвратно потерянном. Самое ужасное — это какая-то особая печать на всем, которую трудно выразить словами. В городах особенная [...] грязь. Все прежние постройки в страшном запустении, а новые имеют вид таких, какие в Западной Европе строятся на

выставках. Впечатление такое, что строители их знали, что не продержаться долго у власти, и строили их только на несколько лет. Названия же потрясающие: “Дворец культуры”, “Дворец Советов” и пр. в этом духе. Жители говорят, что раньше внутри их было хорошо. Но что значит “хорошо” в понятии этих несчастных? Рядом с этими дворцами ютятся домики рабочих и интеллектуального люда. В данный момент я с другим офицером занимаю комнату советского чиновника, вернее — его квартиру из двух комнат, одна с окнами во дворе, другая с окнами в первую комнату. Единственный плюс, что тепло. В Бельгии редко какие рабочие живут в таких квартирах. Просто ничего подобного не существует. Стены покрыты только известью, снаружи все советские постройки обязательно грязно-мышинного цвета с потеками. В деревне почти все хаты — постройки счастливых времен “кровавого царизма”. Кое-где они подлатаны, лишь была бы возможность прожить. Чувствуется, что интереса к улучшению своего быта за советское лихолетье не было...»¹⁸¹

Отчет Р. В. Завадского в РОВС, ноябрь 1942 года

В тексте рассказывается о формировании подразделения из бывших красноармейцев при одном из легионов вермахта. В оригинальной машинописи, написанной в старой русской орфографии, название легиона, где служил автор, скрыто отточием, заштрихованы названия конкретных мест и некоторые фразы, а также сокращены фамилии отдельных сослуживцев. На обоих листах от руки подписано «Ростислав Завадский». Предположительно, этот отчет был написан для Управления РОВС.

Публикуется впервые¹⁸².

Доверительно

Выписка из письма молодого русского офицера, служащего в В[аллонском] легионе

... Итак, наконец, свершилось официально то, что я всегда предполагал и чего ждал. Совершенно определенно поли-

тика меняется. Почему. Да это настолько ясно, что и писать не надо. Выше себя не перепрыгнешь. Сначала были сформированы всякие отдельные части, как русские, так и из разных нацменов, потом почти вся обозная прислуга была заменена русскими пленными; теперь в недрах отдельных частей фабрикуются русские подразделения. Ведь люди все те же, а сколько уже времени длится война, и сколько уже она стоила жертв.

Сначала все сформированные части предназначались для порядка в тылу — теперь они дерутся рука об руку с немцами.

Плюс ли это или минус. За этим вопросом следует другой: «для кого», а ответ зависит от национальности отвечающего.

Мною было получено приказание от командира сформировать «пока что» русский взвод из пленных, работающих у нас в обозе, для чего я поехал в Ш[ирванскую]¹⁸³ и М[айкоп]¹⁸⁴. «Ты думаешь, что будут желающие?» — задал мне вопрос к[оманди]р батальона¹⁸⁵. «Определенно», — ответил я. Запись превзошла все его ожидания — около 100 человек в первый же день. «Это слишком много, — решил командир — сформируй пока нормальный взвод». И т[ак] к[ак] батальон был двинут вперед, и с ним ушла большая часть записавшихся, то я начал формировать взвод из тех, что находились, гл[авным] обр[азом], в М[айкопе] /обоз 3-го разр[яда]¹⁸⁶/ и Ш[ирванской] /2-го разр[яда]/. Остальные обещаны после. — Почему записывались эти добровольцы, что ими руководило. Читайте «Пэи Реель»¹⁸⁷, там об этом сказано или будет сказано в статье нашего корреспондента под заглавием «Руж е Блан»¹⁸⁸. Обратите внимание на последнюю фразу, она у Вас должна вызвать чувство национальной гордости, а у меня вызывает удовлетворение — ведь прошло всего три недели...

В данный момент по всей моей «казарме» разливается песня, песня, от которой затрепетало бы не одно эмигрантское сердце: «Вспоили вы нас и вскормили, отчизны родимые поля»¹⁸⁹... За этой последует следующая: «Смело мы в бой пойдём за Русь Святую»... Поют их парни молодые, России никогда не знавшие, получившие чисто советское воспитание, но... через две недели другого воспитания почувствовавшие, что

они, прежде всего, русские, и что они прикоснулись к чему-то новому, может, еще не вполне им понятному, но близкому — родному. Между прочим, на прошлой неделе приехавший из М[айкопа] К[амск]ий мне рассказывал, что слышал сам, как тамошние русские части шли по улице и пели: «Вспоили Вы нас...» Вы скажете: «Какое совпадение». А я Вам скажу: «Какое одинаковое воспитание; одинаковый образ мыслей; одинаковая цель». Мы, здесь находящиеся, совершенно друг друга не знаем, нас разделяют сотни, тысячи к[и]л[о]м[етров], но... цель у нас одна.

Стук в дверь. «Войди». — «Г[осподи]н Поручик, взвод выстроен на поверку», — докладывает мой взводный ст[арший] унт[ер]-оф[ицер] Науменко. Отличный строевик, 4 месяца тому назад — советский лейтенант, теперь мой унт[ер]-оф[ицер] и заместитель. Должность взводного ему как раз по плечу. Выхожу на поверку. Взвода я еще сегодня не видел. «Здорово, ребята». — «Здравия желаем, Г[осподи]н Поручик». Три — четыре месяца тому назад на «Здравствуйте, товарищи» они отвечали «Здравствуйте». Жидовское руководство — жидовский ответ. Вспомните описанную ген[ералом] Красновым поверку суворовского времени в бревенчатых казармах при тусклом освещении тогдашних плошек или чего-то в этом роде. Разницы почти никакой. — Робко светит маленькая плошка в руках у дежурного, освещая лишь его, да отбрасывая уродливые тени на белые стены комнаты. За выбитыми окнами — черная ночь, и лишь слышен шум непрекращающегося уже 3-й день дождя. Холодно, сыро. — «Г[осподи]н Поручик, в Русском отдельном взводе людей по списку...» — рапортует взводный. — «Читай приказ». — Приказ прочитан. Снова команда: «Взвод, направо. На молитву, шапки долой». — «Отче наш. Иже еси на небесех», «Спаси, Господи, люди Твоя...», «Победы христолюбивому воинству нашему на супротивных даруй...» ... «Аминь».

Господа офицеры, находящиеся еще в эмиграции, — какой восторг.

Одна такая вечерняя поверка и молитва — и все Ваши ожидания, чаяния и страдания уже оплачены сторицей на этом свете. Но это только начало, вернее «начала».

Верьте моему слову, что из всего вместе взятого, из этих «начал» получится нечто великое, могучее, красивое и новое. Я бесконечно счастлив, что мне Господь дал возможность закладывать первые камни фундамента грандиозной постройки, и дело не в том — будет ли или нет занесено мое имя на мраморную доску, а в том, что те камни, которые кладутся, мною испытаны, и коэффициент их сопротивления огромен.

Я не буду вдаваться в подробности того, как ведутся занятия, и какие уже показали результаты. Первое известно каждому строевику, второе покажется самохвальством. Скажу, специально для передачи Анатолию Николаевичу [Левашову], несколько слов об организации взвода в боевом отношении.

Я разделил взвод на 3 отделения, дав на вооружение отд[еле]ния по два ручн[ых] пулемета Дегтярева и одному немецкому автомату /митрайет/¹⁹⁰. В скором будущем постараюсь заменить один пулемет автоматом. Таким образом, отд[еле]ние должно иметь один ручн[ой] пулемет и 2 автомата /к[оманди]р отд[еле]ния и его помощник/. Остальных стрелков предпочтительно вооружать полуавтоматами, но это за собой потянет большой расход патронов и трудность их пополнения. Значит, из этого вытекает, что на вооружении стрелков должны быть оставлены винтовки /90 патронов в подсумках/. Ручн[ой] пулемет имеет три носимых патронных коробки по 3 диска, по 49 патронов каждый, т[о] е[сть] 441 патрон. Немецкий автомат имеет 6 носимых обойм по 32 п[атрона], т[о] е[сть] 192 патрона. /Советский автомат максимум 3 обоймы по 72 патр[она] кал[ибра] 7,63 Маузер — 210 патр[онов]/, приц[ельная] рамка для стрельбы на 100 и 200 метров. Вообще автомат — самое совершенное оружие для атаки, а в лесу незаменим.

Отделение разбито на две группы. Пом[ощник] ком[андира] отд[еле]ния — с пулеметом, а к[оманди]р отд[еления] — со стрелками. Т[аким] обр[азом], к[оманди]р отд[еления] может давать определенные задачи своему пулемету. Пулеметная группа — 5 — 6 чел[овек]; стрелковая — 6 — 8; итого отд[еле]ние — 12 — 14 чел[овек]. I-му отделению я вначале придал еще гранатометную или, вернее, минометную группу, но сей-

час выделил минометное от[деле]ние: 2 миномета /50 мм/ по 3 чел[овека] в группе и к[оманди]р. Таким образом, взвод доходит численностью до 50 — 52 чел[овек] минимум, что для отдельного взвода не так и много — если откинуть ездовых и санитаров.

Т[ак] к[ак] у немцев обычное построение колонны по три, что я не нахожу удобным, если не придерживаться строго 3-х унитарных отд[елен]ий, то мне приходится выстраивать 4-е отд[елен]ие на левом фланге по три. Все же остальные построены по нашему уставу, да и вообще все обучение и жизнь — по уставам нашим.

Бельгийцы таращат глаза, когда меня приветствуют мои орлы, беря на караул, или когда гаркают в ответ на приветствие. Но они еще не раз будут их таращить.

Самым трудным оказалось одеть, обуть и получить нормальный паек. Вначале пришлось много побегать и попрошайничать, т[ак] к[ак] хотя и было обещано, но ведь обещанного три года ждут. А потом ведь все же это русские. Все же нашел кое-кого из людей попримичнее, т[ак] сказать, совестливых и дело постепенно пошло. Первые же два марша люди шли под проливным дождем, в совершенно рваных сапогах и в одних гимнастерках, трое шло совсем босиком, но печатали [шаг] и пели. После этого бельгийцы решили, что это стыдно, во всяком случае, и начали кое-что сносить, кое-что из старых вещей. Пришлось также прибегнуть и к присвоению чужой собственности.

Сейчас уже люди приблизительно одеты, хорошо обуты, имеют шинели и одеяла. С питанием дело обстоит еще хуже. Первые две недели пайка не получали и добывали пропитание всякими неправдами. Происходили какие-то комбинации, кто-то на чем-то грел руки, кормили обещаниями. В один прекрасный день я написал рапорт командиру, о чем заявил громко, и одновременно сказал подать мне автомобиль для поездки в штаб дивизии. Требовать автомобиль я не имею никакого права, т[ак] к[ак] он командирский, и когда мне об этом заметили, то я заявил, что имею карт-бланш от к[оманди]ра и что беру всю ответственность на себя. В результате всех моих действий питание прибыло и продолжает прибывать аккуратно, как и всем другим. Все эти хлопоты отняли много времени

и отрывали меня от занятий, но все же сделано уже много и, наверно, через неделю я буду почти готов.

Вызовут ли меня на первую линию или нет. Думаю, что да. Батальон поредел сильно, эвакуируют пачками каждый день. Убитых и раненых почти нет, но батальон растаял. Думаю — осталось в активе человек 200, всего [с легко раненными и заболевшими?] 250, а с русскими моими и военнопленными /обозными/ человек 525. Обстановка ужасная, живут в палатках под проливным дождем. Позиции красных в 150 — 200 метрах, но друг друга не видят и стрелять не могут. Причина — густой кустарник¹⁹¹. Действуют лишь с обеих сторон артиллерия и минометы¹⁹². Один снаряд разорвался в 5 метрах от Дегрелля и к[оманди]ра [Липпера]. Успели лечь и совершенно их не задело. Палатку рядом просто сдунуло и изрешетило, одеяло в палатке у Дегрелля изорвало в клочья. Повезло. И скольким так везет¹⁹³.

А некоторые, совершенно, казалось бы, находящиеся в безопасности, погибают. Судьба. Воля Божья.

Сколько уже раз и я мог бы погибнуть, если бы не Воля Божья.

Попасть сейчас в первую линию мне, говоря откровенно, не хочется, так как долго я там не выдержу из-за желудка и бронхита. И то, и другое начнут прогрессировать в сырости и грязи. Хорошо, если эвакуируют в Бельгию, а если куда-нибудь не дальше М[айкопа].

А только что начатое дело или ухнет, или попадет в чужие руки.

А может быть, Господь опять отвел меня временно в сторону, как уже бывало, и сохраняет все для чего-то более важного.

[предложение заштриховано, слабо видно слово «положении»]

[предложение заштриховано]¹⁹⁴ Соппротивление упорное. Продвижению мешают, главным образом, горы, леса, бездорожье /сильно затруднен подвоз/. Сейчас к этому прибавилась погода: речушки превратились в потоки.

Потерь и больных много.

Настроение неплохое; дисциплина есть.

Задержка большая, но преодолеем.

Выше голову, г.г. Офицеры. Ваши дела с каждым днем все лучше...

Ноябрь 1942 г[ода]

Последнее письмо Р. В. Завадского своей жене, 19 января 1944 года

Russische sprache¹⁹⁵

19.1.44 г[ода]

№ 27 д.

Моя родная девочка.

Вчера вечером получил 4 твоих письма и все за ноябрь месяц, да притом еще за первую половину. Кроме того, получил посылочку с папиросами и письмо от папы. Но даже из этих старых писем я все же почерпнул кое-что для меня новое. Во-первых, я правильно вчера решил, куда вы едете, в Спра¹⁹⁶. Ясно, что если это вам принесло пользу, я не могу не быть довольным. Надеюсь, отдохнули и набрались сил на будущее. Когда будешь у Оффермана, то кланяйся и скажи, что я очень за них рад и очень сожалею, что ничего не смог сделать. Не верь никогда тому, что говорят в Рех'е. Надо верить лишь официальным сообщениям, а все разговоры — брехня! До сих пор зима на редкость теплая, сегодня 19ое (Крещение) и почти нет мороза. Кроме того, одеты мы достаточно тепло. Пять суток бригада провела на снегу, и один день был довольно морозный, и ничего! Конечно, есть случаи отмороженных ног, но это у тех, кто был в ботинках. Несмотря на все лишения и потери, задачу выполнили, и сегодня были сняты. Мораль очень высокая. У меня ни одного убитого и раненого, чему я, конечно, весьма рад.

Бедная Елена Григорьевна! Вот не думал! Наконец, теперь мне ясно, что с твоим папой. Наверно, О[льга] Ф[ранцевна] заматалась сильно, вот беда! Поцелуй их крепко от меня и скажи, что часто о них думаю. Спасибо за губки [?!] Они мне не давали вчера долго покою, да и сегодня не дадут! Правильно

делаешь, что не падаешь духом, сейчас не время и совершенно ни к чему! Так я и не могу понять: ездила ли ты к тете Жене или нет. Выходит, скорее, что нет? Сколько же всего времени были вы в Сра, и ничего ли не случилось за Ваше отсутствие [неразб.]? Поправился ли сынуська и перестал ли брехать? Что он фантазер — это ничего, но вот что брехун — это плохо! Ты жалеешь, что не успела спросить моего совета, а разве ты всегда поступаешь, к[а]к я советую? А, Мумик? Надеюсь, теперь тебе стало понятно то, что я писал о М[арии] Н[иколаевне]. Я об этом знал раньше, но Г[еоргий] В[асильевич] просил никому ничего не говорить. О каких марках ты пишешь? Николай [Камский] мне ничего не говорил¹⁹⁶. Ты спрашиваешь, что мне надо? Если есть что-нибудь такое, из домашнего производства, то пришли, а так вообще ни в чем пока не нуждаюсь.

Примечания

1. В пятницу, 8 августа 1941 г. первые рекруты будущего легиона в 7 утра отправились с Северного вокзала Брюсселя в тренировочный лагерь в Польше. Обычно их число определяют как 850–860. Однако изначальное количество валлонов, покинувших Брюссель, было больше (около 900), чем то, которое прибыло в лагерь под Мезерицем. По воспоминаниям одного из ветеранов, на первой остановке в Схарбеке некоторые добровольцы (в основном, немолодые рексисты) сошли с поезда. Они не посмели *не записаться* в легион, но реального желания сражаться у них не было. Дегрелль, как глава партии, отпустил их по домам. В одном из отчетов число отправившихся валлонов оценивается примерно в 1000 человек. См.: Tagesbericht für Freitag, den 8. August 1941 // ЦДАВО України. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 162. Л. 319. В рексистской газете «Настоящая страна» цифры были определены как 800 солдат, 135 унтер-офицеров, 35 офицеров.

2. *Vers mes grande aventure* (франц.) — навстречу моему большому приключению.

3. После слова «русский» сверху почти нечитаемым почерком подписано слово «офицер».

4. Запись сделана простым карандашом. Слова «и я» в тексте темнее остальных: по-видимому, были обведены несколько раз (для смыслового акцента?).

5. Правильно: Схарбек. Находится в 4 километрах от центра Брюсселя, там же находится одноименная станция.

6. *Ирма Генриховна Завадская* — жена Завадского. Родилась во Владикавказе. Мать Ирмы была чешкой, отец был бельгийцем (Генрих ван дер Гейден). Скончалась в 1996.

7. *Compartiment* (франц.) — купе.

8. Члены рексистской партии (Parti Rexiste) — ультраправого политического объединения, возглавляемого Леоном Дегреллем. Партия и ее члены сыграли огромную роль в создании валлонского легиона. Партия была создана в начале 30-х, на платформе своеобразной идеологии под названием «рексизм» — консерватизм с сильным католиче-

ским компонентом. Рексисты участвовали в парламентских выборах в 1936, добились успеха, заняв четвертое место. Впоследствии партия не смогла удержать завоеванные позиции, и дальнейшая деятельность была не столь удачна, особенно после того, как партия начала все дальше уходить «вправо». Ее связи с католической церковью начали рваться, а глава партии установил контакт с немецкими нацистами и итальянскими фашистами, которые стали оказывать рексистам финансовую поддержку. Рексисты все более радикализировались, стали исповедовать крайний антисемитизм и т. п. В мае 1940, когда немцы вторглись в Бельгию, многие рексисты, расцененные как представители «пятой колонны», были заключены в тюрьму, в том числе и глава партии Дегрелль. После оккупации Франции Дегрелль был освобожден и вернулся в Бельгию, где окончательно переделал партию на нацистский лад, как по форме, так и по содержанию. В апреле 1941 г. Дегрелль написал письмо Гитлеру с просьбой о зачислении в немецкую армию. После создания валлонского легиона Дегрелль передал пост главы партии Виктору Маттису, в реальности оставшись «главным рексистом».

9. Георгий Васильевич Чехов писал об этом: *«Мы проснулись в Голландии. Население показывало нам кулаки во время нашего движения, и мы не выкрикивали комплиментов. Надо сказать, на поезде была надпись: “С Адольфом Гитлером за Новую Европу”»*.

10. В большинстве книг и воспоминаний обозначено, что местом прибытия был Регенвурмлагерь (нем. Regenwurlager — «лагерь дождевого червя») под Мезерицем (сегодня Мендзыжеч [пол. Międzyrzecz], Польша). Там также находится комплекс немецких фортификационных сооружений, являвшийся частью оборонительной линии «Восточный вал» («Ostwall») и сохранившийся до сегодняшнего дня. Непосредственно лагерь подготовки располагался в маленькой деревне Кайншт (нем. Kainscht, сегодня Кеньшица Лесьна [пол. Kęszycza Leśna]). Деревня расположена в 10 километрах на юго-запад от Мезерица, рядом находится озеро Кшива (пол. Kęszuckie). Помимо валлонов, в 1942 г. в Регенвурмлагере тренировали индийских легионеров. Вернувшись с Кавказа, валлоны в марте 1943 вновь попали в Регенвурмлагерь, а уже в начале апреля их разместили в соседнем лагере, в деревне Пиеске (нем. Pieske; пол. Pieski), что в 11 километрах на запад от Мезерица. После войны в Кеньшице был размещен советский гарнизон Северной группы войск и построен пионерский лагерь «Звездный». Гарнизон покинул Кеньшицу в 1992. По состоянию на 2013 г., в Кеньшице живут

люди, сохранились бараки и постройки бывшего немецкого лагеря подготовки и советского гарнизона.

11. *Sale étranger* (франц.) — грязный иностранец.

12. *Олег Ростиславович Завадский* (9.04.1933, Льеж — 28.05.2011, Вильнюс) — сын Завадского. С 1952 по 1969 находился на службе во французской армии (в 1954 окончил военное училище). В 1962–1967 параллельно учился на экономическом факультете Тулузского университета. С 1969 по 1987 работал в Германии на фирме «Michelin» начальником отдела. С 1989 — в Вильнюсе; создал семью. В 2004 был избран предводителем Литовского Русского Дворянского Собрания.

13. *Георгий Васильевич Чехов* (14.12.1893, Сухуми — 26.11.1961, Буэнос-Айрес) — самый известный белоэмигрант валлонского формирования, один из командиров легиона. Офицер Морского корпуса, в годы Первой мировой войны служил на Балтийском море. По его собственным словам, в августе 1918 покинул Петроград, в октябре присоединился к Добровольческой армии. После трех месяцев на фронте был переведен в штаб генерала Деникина; впоследствии — в Белом флоте. С начала 20-х — в эмиграции в Париже; с 1923 проживал в Бельгии. В качестве инженера работал на оружейном заводе «Fabrique Nationale» в Эрстале, позже проживал в Льеже. В июле 1941 вступил в валлонский легион, аттестован в чине капитана. В лагере получил должность командира 3-й роты. Третий командир валлонского легиона, с 1 апреля по 6 июня 1942. С июня 1942 — командир 36-го запасного батальона. 1 июня 1943 аттестован в качестве СС-гауптштурмфюрера; 20 апреля 1944 — СС-штурмбаннфюрера. С 14 апреля 1944 руководил валлонской частью штаба в Хайделлагере под Дебицей, из-за разногласий по поводу командования был назначен командиром *ad interim* 5-й добровольческой штурмовой бригады СС «Валлония», однако, не был заинтересован в полноценном руководстве (21 июня командиром бригады стал СС-оберфюрер Карл Бурк). С 31 июля по 9 сентября — на курсе в танковой школе в Путлосе, затем вернулся в 36-й панцергренадерский тренировочный и запасной батальон СС в Волау/Бреслау, где находился до 14 ноября. С 4 декабря 1944 по 7 февраля 1945 — на курсе командиров полков в Дёберице. В марте 1945 командовал II батальоном 69-го добровольческого полка СС 28-й добровольческой гренадерской дивизии СС «Валлония». Через несколько дней получил должность командира 70-го полка той же дивизии. Позже заболел, был заменен. После войны был осужден, весной 1948 убыл в Аргентину. Награжден орденом Свя-

того Станислава 3-й степени с мечами и бантом (23 ноября 1915); орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (3 мая 1916); золотым знаком по окончании курса наук Морского корпуса; светло-бронзовой медалью в память 300-летия Дома Романовых (1913); медалью «За зимнюю кампанию на Востоке 1941/42»; Железным крестом II класса (май 1942). Женат.

См. также: *Кузнецов Н., Семенов К.* Три войны русского моряка Г. В. Чехова // Войска СС без грифа секретности. М., 2010. С. 274–284.

14. Завадский не имел бельгийского гражданства, а был лицом без гражданства и обладал так называемым «нансеновским паспортом».

15. Скорее всего, речь идет о кадрах Русской стрелковой генерала Врангеля дружины.

16. *Сергей Алексеевич Смоленский* (25.10.1886, Москва — 19.02.1942, Громовая Балка) — один из переводчиков-белоэмигрантов. Горный инженер, выпуска дореволюционного времени, участник Первой мировой войны. По некоторым данным, полковник Русской армии, однако, эта информация представляется сомнительной. В эмиграции проживал в Брюсселе и работал в Бельгийском Конго. В 1921 поступает на службу Régie Industrielle des Mines d'or de Kilo-Moto; в 1924 получает первый отпуск в Бельгию. В декабре 1931 назначается инженером-директором, а затем директором золотого прииска в Société Minière de Bafwaboli. Накануне войны в 1940 г. находился в отпуске в Бельгии. В валлонский легион поступил простым солдатом; регистрационный номер при поступлении в легион — 52. Служил при штабе батальона. Убит осколком снаряда под Громовой Балкой. Женат на вдове офицера, погибшего на австрийском фронте.

Н. И. Сахновский, прибывший в легион в июне 1942, писал: *«Легион к этому времени уже понес довольно сильные потери, в том числе геройски погиб полковник Смоленский, изумительное мужество которого было покрыто в Легионе неуязвимой славой»*. Руководитель Управления делами русской эмиграции в Бельгии Юрий Львович Войцеховский 22 апреля 1942 выслал главе немецкой военной администрации, генералу от инфантерии Александру фон Фалькенхаузену, приглашение на поминки в связи со смертью Смоленского, которые состоялись 29 апреля. В одной из валлонских газет был напечатан краткий некролог, с извещением, что 25 апреля состоится заупокойная служба.

Также представляется любопытной следующая история про Фалькенхаузена:

«Немцев в Брюсселе было много. Тут находился и командующий немецкими войсками в Бельгии генерал-губернатор Александр фон Фалькенхаузен. У одного из наших эмигрантов, доктора Григория Перлинга, жена была китайкой; они познакомились, когда учились на медиков в Лувене. Звали ее Сиу-Линь. Во время войны жили в Арденнах. Когда она в детстве жила в Китае, то встречала этого Фалькенхаузена, тогда инструктора китайской армии. А ее дядя был маршалом у Чан Кайши. Поэтому она просила Фалькенхаузена об осужденных бельгийцах и многих спасла от смертной казни. Приехала, посетила генерала, вспомнили старые времена, попросила его помочь, и он помиловал приговоренных».

Цит. по: Калустов Л. Воспоминания о приюте Анастасии Андреевны Кузьминой-Караваевой // Русское Православие в Бельгии: в 2 т. Т. 2. Документы, воспоминания и переписка. М.; Брюссель, 2013. С. 149.

17. Леонид Николаевич Ступин (4.03.1898, село Благодарное Ставропольской губернии — ?) — один из переводчиков-белоэмигрантов. Первокурсником горного факультета Томского Технического Института в феврале 1916 уходит на фронт. Впоследствии — офицер в армии Врангеля, эвакуируется из Севастополя. В 1921–1923 гг. учится на техническом факультете Белградского университета; курса не закончил, работал на госслужбе землемером. В 1923 — в Бельгии, поступает на курсы картографов при министерстве колоний. В 1925–1932 гг. работал в Бельгийском Конго; в частности, в октябре 1926 — землемер 4-го класса в округе Арувими, затем — землемер в Бома. Вступил в валлонский легион в июле 1941. Дезертировал из легиона в конце 1942 и остался на Кавказе, после того, как нашел свою мать.

18. Николай Камский (14.12.1896, Москва — ?) — один из переводчиков-белоэмигрантов. В 1920 — капитан в армии Врангеля. В легионе — зондерфюрер; с 1943 — при штабе легиона, офицер для поручений. После передачи легиона в СС аттестован как СС-оберштурмфюрер от 20 июля 1944; СС-гауптштурмфюрер от 1 сентября 1944. Госпитализирован по болезни в 1945. После войны эмигрировал в Канаду. Награжден Крестом за военные заслуги II класса; медалью «За зимнюю кампанию на Востоке 1941/42»; Железным крестом II класса (30 августа 1942); черным знаком за ранение (17 марта 1944); общим штурмовым знаком (27 апреля 1944); бронзовой пристежкой за ближний бой (22 июня 1944). Женат, имел 4 детей.

19. *Sous-officier* (франц.) — суз-офицер. Во французской армии существуют секционы (наиболее близкий аналог — взвод); суз-офицер — это заместитель командира секциона. Командуют секционами обычно лейтенанты.

20. Так сын Завадского, Олег, называл своего деда, Вадима Иосифовича Завадского (отца автора дневника).

21. *«Основу знака составляет Мальтийский крест, покрытый черной эмалью. В центре креста — изображение св. Георгия Победоносца, поражающего дракона. Металл, эмаль. Размер: 23x23 мм».*

Цит. по: *Огороков А. В. Знаки русской эмиграции 1920–1990. М., 2005. С. 121.*

22. Не совсем понятно, что имел в виду автор. Возможно, это гипербола в стиле «младший чин и еще более младший».

23. *Commandant* (франц.) — майор во французской армии. Здесь употребляется в переносном смысле, т. е. «командир, старший офицер».

24. *Фернан Руло* (09.02.1904, Форест — 31.07.1984, Мадрид) — один из самых известных рексистов, глава боевых формаций. Сыграл огромную роль в создании валлонского легиона: пользуясь отсутствием Дегрелля, за его спиной начал переговоры с немцами о создании валлонского формирования для отправки на фронт под его командованием. В результате последовавшей ссоры с Дегреллем, последний, по понятным причинам, начал плести интриги против Руло. В итоге, Руло покинул легион в сентябре 1941; в ноябре того же года был исключен из рексистской партии. Впоследствии участвовал в наборе французских добровольцев в СС и служил в 8-й кавалерийской дивизии СС «Флориан Гайер». В 1945 через Швейцарию прибыл в Испанию.

25. *Maréchal-des-logis* (франц.) — квартирмейстер, унтер-офицер, заведующий расквартировкой своего подразделения. Чаще используется в кавалерии, соответствует званию сержанта.

26. Формально батальоном на тот момент командовал майор Жорж Жакобс (с 8 августа 1941). В реальности, Жакобс прибыл позже и его замещал Руло, до того как у последнего окончательно испортились отношения с Дегреллем. Первым командиром легиона, несмотря на это, считается Жакобс.

Жорж Жакобс (07.12.1893, Антверпен — 1964, Константина) — один из командиров валлонского легиона. Ветеран Первой мировой войны, офицер бельгийской армии. Симпатизант рексистов. Первый командир валлонского легиона, с 8 августа по 30 декабря 1941. Де-факто начал вступать в должность с 29 августа. Особым уважением среди

солдат не пользовался. Был смещен с поста командира; впоследствии занимался партийной дисциплиной в рексистской партии. Вновь присоединился к формированию в сентябре 1944; был аттестован в качестве СС-штурмбаннфюрера. Попал в плен в мае 1945. Скончался в Испании.

27. Правильно: *couche avec des femmes, polonaises et russes* (франц.) — спать с женщинами, польскими и русскими.

28. *Леон Дегрелль* (15.06.1906, Буйон — 31.03.1994, Малага) — основатель и лидер рексистской партии. Играл ключевую роль при создании валлонского легиона, в который поступил в качестве рядового в июле 1941. Практически всю войну прослужил на фронте, участвовал в большинстве боев, выпавших на долю легионеров. Имел множество наград, в том числе Рыцарский крест с дубовыми листьями (обе награды вручены ему Гитлером) и шпангу за ближний бой в золоте (50 дней рукопашных схваток). Последнее звание в СС — оберштурмбаннфюрер. Командир 28-й добровольческой гренадерской дивизии СС «Валлония». В мае 1945 улетел в Испанию, где и провел остаток жизни. После войны был заочно приговорен бельгийским правительством к смертной казни. Бельгия неоднократно требовала его выдачи, но тщетно. Обладал литературным талантом, оставил мемуары и множество публицистических статей. До конца жизни придерживался нацистских убеждений, восхищался Гитлером и отрицал уничтожение евреев в годы войны, за что был в итоге оштрафован на крупную сумму по решению суда. Скончался от инфаркта, был кремирован на следующий день. В 2009, незадолго до смерти, один из последних приближенных Дегрелля — СС-гауптштурмфюрер Жан Вермеер — признался на национальном телевидении, что именно он выполнил последнюю волю главного рексиста: развеял его прах на горе Кельштайн в Берхтсгадене, где находился чайный дом Гитлера, более известный как «Орлиное гнездо».

Р. В. Завадский в своем дневнике пишет фамилию по-разному: «Дэгрель», «Дэгрэль», «Дегрель». В подготовленном редактором-составителем тексте фамилия приводится в общепринятом варианте.

29. Речь идет о том, что бельгийцам обещали, что они будут сражаться в собственной бельгийской униформе; к слову, то же самое обещали французским легионерам. Что касается фразы про бельгийский триколор, то речь идет о следующем. Как и все иностранцы, служащие в вермахте (кроме хорватов), валлоны носили немецкое обмундирование. Отличала их лишь нашивка на левом рукаве: триколор (черно-

желто-красный) с надписью «Wallonie» («Валлония») сверху, некоторые также носили декаль на каске в цветах валлонского флага. Судя по фотографиям, сделанным в лагере, на тот момент нашивки имели далеко не все, что и могло вызывать недовольство. Нашивки легионеры получили через некоторое время после присяги 22 августа 1941. См.: *Lefèvre E. Wallonie 41–45: de la légion a la division // Armes Militaria. Février 1988. № 29. P. 44, 45.*

30. Мать Ирмы Генриховны, жены Р. В. Завадского.

31. Сводный брат Р. В. Завадского, сын Вадима Иосифовича Завадского от первого брака.

32. *Mitraillette* (франц.) — пушечный-пулемет. Речь идет о МР-38/40.

33. Мелкий щебень для шоссе.

34. Князь Алексей Павлович Щербатов, познакомившийся с Дегреллем в 30-е годы, оставил о нем и его талантах такие воспоминания: *«У Леона был имидж настоящего лидера: красивый, элегантный, с большим шармом, умевший хорошо и убедительно говорить; он легко в это нестабильное время завлекал своими планами борьбы с коммунизмом всех, кто к этой борьбе был психологически готов».*

Цит. по: *Щербатов А. П. Право на прошлое. М., 2005. С. 140.*

35. *Борис Каюков* (15.02.1895, Санкт-Петербург — ?) — один из эмигрантов, служивших в легионе. В эмиграции проживал в Брюсселе. Шофер второго командира валлонского легиона капитана Пьера Паули. В марте 1942 был демобилизован из легиона по состоянию здоровья. В июне 1942 был рекомендован в НСКК. Работал в бюро рекрутирования в Брен-л'Аллё, позже — в *Dienststelle Jungclaus*. По состоянию на октябрь 1953 разыскивался органами МГБ. Женат, имел сына.

36. *Hauptmann* (нем.) — капитан. К сожалению, идентификация затруднена, но, предположительно, речь идет о капитане Хайзере, руководившем офицере Регенвурмлагеря. Валлонов тренировали служащие 477-го запасного батальона, которым командовал майор Боде.

37. Речь идет о генерал-лейтенанте Алексее Петровиче Архангельском, который был дружен с Вадимом Иосифовичем Завадским и его семьей. Вадим Иосифович Завадский скончался в январе 1944, так и не узнав о смерти сына. После смерти В. И. Завадского Архангельский написал письмо Ирме Завадской, в котором выразил свои соболезнования.

38. Возможно, это сестра Надежны Николаевны, жены Вадима Иосифовича Завадского и матери Ростислава, скончавшейся в 1931 в Льеже.

39. Правильно: Sonderführer (нем.) — зондерфюрер. Это гражданские специалисты, направленные в войска на срок, пока для выполнения их обязанностей армия не подберет или не подготовит своих кадровых специалистов. Они занимали должности, согласно штатным расписаниям, и им присваивались ранги, эквивалентные военным рангам. Так, были ранги: зондерфюрер «Z» — Zugführer, командир взвода, чаще всего лейтенант; зондерфюрер «K» — Kompanieführer, командир роты, чаще всего капитан. Завадский имел ранг «Z» и по своему положению приравнивался к лейтенанту. Зондерфюреры носили специфические знаки отличия: в 1941 они представляли собой петлицы с серебристой вышивкой и широкие погоны со специфическим рисунком. Знаки отличия хорошо видны на фотографиях с Завадским.

40. Сам Чехов писал о своем назначении:

«Когда нам принесли список офицеров, я увидел, что я назначен командиром третьей роты в чине капитана. Моим первым впечатлением было изумление, потому что я и не думал ни о каком другом poste, кроме переводчика. Это был сюрприз и, во-вторых, я не знал бельгийских правил, команд и т. п. Мне пришла в голову идея отказаться от назначения. Я пошел повидать Леона Дегрелля. Он сказал мне, что рассчитывает на меня и, поскольку мое гражданство было бельгийским, рекомендует мне признать мой чин. Я не думаю, что мог избежать этой новой обязанности, которая несла в себе много сложностей и ответственность, к которым я не был готов».

41. 19 августа из Брюсселя выехало 50 человек, среди них католический капеллан и командир легиона Жакобс.

42. Стандартная присяга солдата вермахта со 2 августа 1934 представляла собой: *«Перед лицом Бога я клянусь этой священной клятвой фюреру Германского Рейха и народа Адольфу Гитлеру, главнокомандующему вермахта, беспрекословно подчиняться и быть как храбрый солдат, всегда готовым пожертвовать мою жизнь за эту клятву».* Однако присяга иностранных легионеров вермахта отличалась в формулировке. Так, французские легионеры из 638-го пехотного полка произносили следующие слова: *«Я клянусь перед Богом беспрекословно подчиняться главе германских и союзных армий, Адольфу Гитлеру, в борьбе против большевизма и готов в любое время, как храбрый солдат, пожертвовать свою жизнь».* Скорее всего, валлоны произносили слова той же клятвы, что и французы.

43. Возможно, Завадский говорит о роли «простого солдата». Дегрелль желал получить лейтенантское звание, однако не имел боевого

опыта, поэтому ему пришлось довольствоваться званием рядового. Немецкое командование предложило ему взамен ранг зондерфюрера, однако Дегрелль отказался.

44. Немалая часть записей выполнена простым карандашом.

45. Речь идет о петлицах и погонах для зондерфюреров, которые отличались от общефюрерских. «Пробрисью» Завадский называет черно-бело-красные нити на серебряном шнуре погон.

46. Скорее всего, фраза употреблена в переносном смысле. Учитывая контекст, она означает: «Я понимаю теперь, как дела обстоят в реальности, открыл для себя суть вещей».

47. Речь идет о традициях военной службы в Русской императорской армии и Германской имперской армии.

48. Речь идет о так называемых «Zivilarbeiter» — гражданских рабочих из числа этнических поляков, мобилизованных для принудительного труда. Они не имели многих прав и подвергались эксплуатации; в качестве отличительного знака каждый из них был обязан носить желто-фиолетовую нашивку с литерой «Р».

49. Речь идет о пограничном пехотном полке «Мезериц» (впоследствии — 122-й пехотный полк 50-й пехотной дивизии генерал-полковника Карла Адольфа Холлидта), которым командовал полковник Гюнтер Майнхольд.

50. Цена: 1 марка 50 пфеннигов.

51. Actualités (франц.) — кинохроника. Скорее всего, валлонам, как франкофонам, показывали франкоязычный, выпускавшийся правительством Виши киножурнал «Мировые новости» («Les Actualités mondiales»), а не немецкоязычное «Немецкое еженедельное обозрение» («Die Deutsche Wochenschau»). Судя по более поздним записям в дневнике, иногда показывали обе пленки.

52. Речь идет о стрельбе из миномета, Granatwerfer 36 (50-мм) или Granatwerfer 34 (81-мм).

53. Контингент выехал из Брюсселя 1 сентября.

54. *Феодосий Астафьев* (20.09.1898, Санкт-Петербург — ?) — один из эмигрантов, служивших в легионе. Регистрационный номер при поступлении в легион — 646. В начале 1942 отправлен с фронта в 477-й запасной пехотный батальон в Мезерице, в звании рядового. Демобилизован из легиона по возрасту и болезни в ноябре 1942. Впоследствии проживал в Брюсселе.

55. По всей видимости, Завадскому не досталось нашивки в виде триколора.

56. *Рене Дюпрэ* (1908, Вилрийк — 2.12.1941, Гришино) — первый командир 4-й роты легиона. Офицер-артиллерист бельгийской армии; окончил военную школу. Повышен до капитана в 1938. Регистрационный номер при поступлении в легион — 55. В лагере получил должность командира 4-й роты. Подорвался на mine у Гришино, 1 декабря 1941, умер на следующий день. Первый убитый офицер валлонского легиона.

57. *Cinéma* (франц.) — кино.

58. Завадский пишет о выпуске «Мировых новостей» от 29 августа 1941. В этом номере была показана отправка валлонского легиона на фронт: видеоряд был полностью взят из выпуска «Немецкого еженедельного обозрения» (20 августа 1941, № 572). Выпуск французских новостей доступен для просмотра в Интернете (сюжет с церковью в Смоленске начинается с 10-й минуты). *Les Actualités Françaises: édition du 29 août 1941* // <http://www.ina.fr/video/AFE86004238>

59. Как пишет историк рексистской партии Мартин Конвэй, Руло пользовался авторитетом в среде немецких офицеров и посещал Берлин. Эти отношения, как и желание найти верных последователей и лично преданных ему, Руло, в среде легионеров, немедленно вызвали слухи о том, что немецкие власти заставят Дегрелля вернуться в Бельгию, а Руло останется единственным лидером, как в политическом, так и в военном смыслах. Неясно, было ли хоть какое-то основание у подобных слухов. В итоге, Дегрелль обвинил Руло в подготовке заговора против него, и последний, либо по совету немецких офицеров, либо из страха за свою жизнь, покинул ряды легиона. В июле 1988 Дегрелль утверждал, что он действовал против Руло только лишь по настоянию бельгийских офицеров легиона. См.: *Conway M. Collaboration in Belgium: Léon Degrelle and the Rexist Movement 1940–1944*. New Haven & London, 1993. P. 103, 306.

60. *Dixième* (франц.) — десятая часть.

61. Мадам.

62. На присяге валлонов 22 августа присутствовал командир III военного округа генерал от кавалерии барон Франц Мария фон Дальвиц цу Лихтенфельс. Возможно, что здесь речь идет о нем же.

63. Возможно, речь идет о коллаборационистах из числа украинцев.

64. Тревога.

65. Уныло, печально.

66. Интересно, что в газете рексистской партии «Настоящая страна», в номере за 24 сентября, было написано, что легион отправился на фронт 20 числа.

67. Скорее всего, под «временно» Завадский имел ввиду, что Хайзер остается с валлонами до конца обучения и тренировки, а под «на все время» стоит понимать как «на время службы на фронте».

68. Первым немецким офицером для связи с германским командованием был лейтенант Леппин, с августа 1941 по январь 1942.

69. После принятия присяги вермахта 22 августа 1941, те валлоны, что были членами рексистской партии, присягали Дегреллю как лидеру партии, 28 августа 1941. Это была попытка формально гарантировать политическую лояльность лично Дегреллю. Как показывает пример с Чеховым и другими офицерами, приносили клятву не только члены «Рекса», но и те, кого так или иначе принудили это сделать или же кто пытался, обзавясь быть лично верными Дегреллю, как-то повысить свои шансы на успех.

70. Имеется в виду группа армий «Центр».

71. *Виктор Сергеевич Спечинский* (1909, имение Чашниково Московского уезда Московской губернии — 1999, Брюссель) — один из эмигрантов, работавших в Бельгийском Конго. Летом 1914 вся семья отдыхала в Биаррице, успели вернуться в Россию. После революции отец, отставной штаб-ротмистр Лейб-Гвардии Конного полка, был арестован и сослан; бежал из ссылки. Мать, урожденная княгиня Голицына, с сыновьями жила под чужой фамилией в Москве, в Петрограде (1921), откуда бежали в Финляндию (Сало, около Турку), а затем в Бельгию (1923). Отец работал мастером на бумажной фабрике в Женвале, мать подрабатывала рукоделием на заказ. В 1923 Спечинский окончил католическую школу-интернат. С 1930 по 1932 учился на инженера-техника на курсах при институте имени Зеноба Грамма в Льеже; курс не окончил (отец из-за кризиса потерял работу). Перешел на курсы дорожного строительства при Архитектурном Институте Св. Луки (Брюссель). В 1938 призван на военную службу как гражданин Бельгии. Участвовал в кампании мая 1940, был контужен. Далее работал на стройках у немцев, в Бельгии, Франции, Германии. Как пишет В. К. Ронин, «старался себя не компрометировать», а потому помогал укрывать людей из Сопротивления, передавал письма. После освобождения бельгийцы отнесли к нему с доверием: он год прослужил в администрации одного из районов Брюсселя. С 1948 по 1960 работал в Бельгийском Конго. В последние годы был председателем Русского дворянского собрания в Бельгии.

72. Речь была произнесена на открытии 3-й кампании зимней мощи фронту в берлинском дворце Шпортпаласт 3 октября 1941. Здесь

и далее цит. по: *Хмельницкий Д.* Речь Гитлера 3 октября 1941 года // Правда Виктора Суворова-2. Восстанавливая историю Второй мировой. М., 2007. С. 277–318.

73. Речь идет о начавшейся 30 сентября операции «Тайфун». Из речи Гитлера: *«Однако сегодня появление здесь далось мне нелегко, потому что в эти часы на нашем Восточном фронте начинается новая операция, представляющая собой громадное событие. Уже 48 часов она разворачивается в гигантских масштабах! С ее помощью мы разгромим противника на Востоке».*

74. Из речи Гитлера: *«Число советских военнопленных выросло примерно до 2,5 миллионов. Число захваченных или уничтоженных орудий — короче говоря, тех, что находятся у нас в распоряжении — составляет уже 22 тысячи. Число уничтоженных или захваченных, то есть находящихся в нашем распоряжении танков, составляет сейчас более 18 тысяч. Число уничтоженных, разбитых и сбитых самолетов превышает 14,5 тысяч. И позади наших войск лежит уже пространство по площади в два раза большее, чем была немецкая империя в тот момент, когда я получил власть в 1933 г., или в четыре раза большее, чем Англия».*

На оригинальной аудиозаписи слышно, что по отношению к военнопленным было употреблено слово «русский» (*«Die Zahl der Gefangenen ist nunmehr rund auf 2,5 Millionen Russen gewachsen»*). В немецкой расшифровке, опубликованной в газетах и изданной позже отдельной брошюрой, стоит слово «советский» (*«Sowjetrussen»*). См.: *Ein Kampf weltgeschichtlicher Entscheidung für Jahrhunderte. Die große Rede des Führers zur Eröffnung des Winterhilfswerkes im Berliner Sportpalast // Freiburger Zeitung. Samstag/Sonntag, 4./5. Oktober 1941. Nr. 273/274. S. 4; Rede Adolf Hitlers zur Eröffnung des 3. Kriegs-Winterhilfswerkes im Berliner Sportpalast am 3. Oktober 1941. Berlin, 1941.*

Гитлер говорил именно о пленных, а не убитых красноармейцах. По какой-то причине (неправильно расслышал или не так понял?), Завадский написал «убитых». Эта цифра недалеко от истины.

«5,5-миллионная Красная Армия потеряла к 1 октября [1941. — О. Б.], по меньшей мере, 2,8 миллиона бойцов, а к 31 декабря — еще 1,6 миллиона».

Цит. по: *Гланц Д. М.* Советское военное чудо 1941–1943. Возрождение Красной Армии. М., 2008. С. 15.

Не все из этого числа погибли в бою: часть красноармейцев попала в плен, где многие умерли от голода и бесчеловечного обращения. Стоит

добавить, что только с 30 сентября по 5 октября 1941 группой армий «Центр» было захвачено: 60783 пленных, 208 танков, 436 орудий, 131 ПТО, 39 зенитных орудий, 10 самолетов. См.: *Лопуховский Л. Н., Кавалерчик Б. К.* Когда мы узнаем реальную цену разгрома гитлеровской Германии? // «Умылись кровью»? Ложь и правда о потерях в Великой Отечественной войне. М., 2012. С. 76.

75. Возможно, подразумевался Адольф Гитлер.

76. Радио распространяло невероятную информацию. Маршал (с ноября 1935) Василий Константинович Блюхер с 1929 командовал Особой Дальневосточной армией (впоследствии — Особая Дальневосточная Краснознаменная армия, ОКДВА). В июле 1938 ОКДВА была развернута в Краснознаменный Дальневосточный фронт. 4 сентября 1938 Блюхер был освобожден от должности командующего войсками фронта. 22 октября 1938 был арестован и доставлен во внутреннюю тюрьму НКВД СССР; 9 ноября 1938 умер от побоев.

77. Наушники для зимы.

78. Всего лагерь покинуло 19 офицеров и 850 легионеров и унтер-офицеров, подразделенных на штаб и 4 роты.

79. Camion (франц.) — грузовик.

80. Интересно, что в мемуарах другого валлона время отправки состава из Мезерица обозначено как 12:00.

81. Правильно: Heiser.

82. *«В июле 1941 г. на сборных пунктах и в пересыльных лагерях, расположенных в зоне ответственности сухопутных сил, скопилось большое число военнопленных, на содержание которых не выделялось никаких средств. В связи с этим был издан приказ генерал-квартирмейстера от 25.07.1941 г. № 11/4590 об освобождении советских военнопленных ряда национальностей (немцев Поволжья, прибалтов, украинцев, а затем и белорусов). Однако распоряжением ОКВ от 13.11.1941 г. № 3900 дальнейшее действие этого приказа было приостановлено. Всего в этот период освобождено 318 770 чел., из них в зоне ОКХ — 292 702 чел., в зоне ОКВ — 26 068 человек. В общем числе освобожденных находилось 277 761 чел. украинцев».*

Цит. по: Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андронников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин. М., 2010. С. 320, 321.

83. *«Из 5,3 — 5,7 миллиона красноармейцев, находившихся в немецком плену, умерло от 2,5 до 3,3 миллиона (оценки колеблются), или от 45 до 57%. Они умирали в лагерях, за которые отвечал Вер-*

махт: 845 000 — еще в зоне военной администрации в непосредственной близости от фронта, 1,2 миллиона — в лагерях на более удаленной территории, находящейся в ведении гражданской администрации, 500 000 — в так называемом Генерал-губернаторстве и от 360 000 до 400 000 — в лагерях на территории Германского рейха».

Цит. по: *Найтцель З.* Солдаты Вермахта. Подлинные свидетельства боев, страданий и смерти. М., 2013. С. 97.

84. В Перемышле валлоны простояли двое суток, 19 и 20 октября.

85. Грекокатолическая церковь.

86. Soldatenheim (нем.) — солдатский дом. Специальные учреждения для проезжающих или находящихся в увольнении солдат вермахта, расположенные на оккупированных территориях. Там было радио, газеты, книги, игры, можно было поесть. Персонал часто набирался из сотрудников Немецкого красного креста. Мог также совмещать в себе функции кино, театра, борделя и т. п.

87. Согласно записям одного из легионеров, из Перемышля состав отошел в 10:45.

88. По другим данным, во Львов состав прибыл в 4:00, а в Тарнополь — в 15:00. Скорее всего, Завадский сделал эту запись до трех часов дня.

89. Леон Дегрелль писал: *«Мы оставили позади Лемберг, где трамваи были украшены трепетавшими на ветру маленькими украинскими флажками, желто-голубыми. Как только мы въехали в сельскую местность, юго западнее, мы смогли сами оценить масштаб военной катастрофы, что обрушилась на Советский Союз. Сотни бронемашин были разбросаны на всем пути. Каждый перекресток представлял собой кладбище металлолома».*

Цит. по: *Degrelle L.* La Campagne de Russie 1941–1945. Paris, 1987. P. 20, 21. Русский перевод мемуаров см.: *Дегрелль Л.* Эсэсовский легион Гитлера. Откровения с петлей на шее. М., 2012; *Дегрелль Л.* Штурмовая бригада СС. Тройной разгром. М., 2012; *Дегрелль Л.* Любимец Гитлера. Русская кампания глазами генерала СС. М., 2013.

90. Жмеринку проехали в 13:00.

91. Речь идет о губернаторстве Транснистрия (Заднестровье) — административно-территориальной единице, образованной румынскими властями 19 августа 1941 на территории оккупированной Винницкой, Николаевской, Одесской областей Украинской ССР и левобережной части Молдавской ССР. Столица губернаторства располагалась в Одессе, губернатором был Георге Александру.

92. Не имеющая под собой оснований информация. Политический потенциал русских эмигрантских кадров и их планы, вне зависимости от того, были они монархистами или нет, нацистами рассматривались как неприемлемые и последовательно отвергались. При этом советская пропаганда в первый год войны действительно упоминала о «царях в немецком обозе», а в одной из листовок даже было утверждение о «восстановлении царизма» и «власти помещиков», что ведет к тому, что *«советских людей превращают в рабов»*. Возможно, что циркулирующие слухи, дошедшие до Завадского, имели свои корни именно там. Эта тема достаточно быстро была убрана из арсенала советской военной пропаганды. См.: Запись в дневнике штаба оперативного руководства ОКВ о создании оккупационного режима на территории Советского Союза. 3 марта 1941 г. // 1941 год: в 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 709; *Жуков Д.* «В обозе германской армии следует "русский царь"...»; Советская пропаганда о «монархических планах» нацистов // Эхо войны. Военно-исторический альманах о Второй мировой войне. 2013. № 1 (5). С. 2–6; *Цветков А. В.* Военный коллаборационизм и пропагандистская война на территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны: очерки по истории. Тверь, 2012. С. 65.

93. Вероятно, указанный полковник пробирался в Днепропетровск, используя валлонский состав как попутный. По прибытии в Днепропетровск 2 ноября, у валлонов произошел контакт с итальянскими экспедиционными силами. Вечером итальянцы и валлоны вместе пировали, используя добытую первыми бочку кьянти на две тысячи литров. Эпизод нашел свое отражение в мемуарах легионеров, которые остались довольны *«средиземноморским гостеприимством»*, которое к ним проявили *«камрады латинской расы»*. Легионерам предстояло двигаться в район реки Самары, который удерживали итальянские 9-я (Пасубио) и 52-я (Торино) моторизованные дивизии. Впоследствии валлоны эпизодически взаимодействовали с итальянцами, которые, как и легионеры, несли потери от партизан и боролись с ними.

94. Из Долгинцево состав вышел в 11:30.

95. В 11:00. Разгрузка состава шла с 20:00 до 5:00.

96. Леон Дегрелль писал: *«Битва на окраине города была очень жестокой. На кладбище у вокзала появились более шестисот немецких могил. Целые улицы были выжжены. Но город по-прежнему имел свое обаяние. Проспект Карла Маркса, сразу переименован-*

ный в улицу Адольфа Гитлера, бесконечно тянулся вдаль, широкий как Елисейские Поля».

Цит. по: *Degrelle L. La Campagne de Russie 1941–1945. P. 24.*

97. *Леопольд Тис* (1917, Андерлехт — 28.02.1942, Громовая Балка) — лейтенант легиона. Регистрационный номер при поступлении в легион — 465. 24 февраля 1942 заменил Чехова на посту командира 3-й роты. Убит танковым снарядом.

98. По воспоминаниям легионеров, в ночь после прибытия валлонов в Новомосковск, партизаны подожгли гараж с грузовиками вермахта.

99. См. приложение с письмами Завадского.

100. Жовто-блакитний прапор (укр.) — желто-голубой флаг.

101. Небольшая подушка, подкладываемая под голову.

102. Правильно: du Welz. *Робер дю Вельц* (12.10.1897, Марсинель — ?) — один из приближенных Дегрелля, управлял рексистой прессой. В августе 1941 — зондерфюрер; впоследствии СС-оберштурмфюрер. Улетел с Дегреллем в Испанию в мае 1945.

103. Возможно, речь идет о подчинении IV армейскому корпусу генерала от инфантерии Виктора фон Шведлера. Согласно распоряжению группы армий «Юг» от 25 сентября 1941, 373-й пехотный батальон по прибытии на фронт должен был быть подчинен 97-й легкой пехотной дивизии генерал-майора Максимилиана Фреттера-Пико, однако, в реальности все оказалось сложнее. В конце ноября (Завадский пишет об этом 29 числа) батальон подчинили 100-й легкой пехотной дивизии генерал-лейтенанта Вернера Занне. В начале декабря батальон все-таки перешел в подчинение 97-й легкой пехотной дивизии, но не был доставлен ей в качестве подкрепления, так как с 5 декабря 97-я дивизия была вынуждена перейти к обороне, и валлонов стали применять для несения охранной службы и борьбы с партизанами в прифронтовой зоне. Также генерал-майор Фреттер-Пико в конце декабря послал неудовлетворительный отчет в штаб IV армейского корпуса. После 21 декабря 1941 батальон был подчинен непосредственно ЛП (52-му) армейскому корпусу.

Об оборонительных боях 97-й легкой пехотной дивизии зимой 1941 см.: *Фреттер-Пико М. Немецкая пехота. Стратегические ошибки вермахта. Пехотные дивизии в войне против Советского Союза. 1941–1944. М., 2013. С. 76–82.*

104. *Густав Адам* (1922, Риксенсарт — 13.11.1941) — один из легионеров. Регистрационный номер при поступлении в легион — 274.

Формально считается первым погибшим легионером, 13 ноября 1941. В некоторых источниках в качестве причины смерти назван партизанский обстрел. Как видно из записей настоящего дневника, это неверно.

105. *Антуан Адам* (1922, Льеж — ?) — один из служащих 4-й роты.

106. Не соответствующая действительности информация. Вероятно, в отсутствие новостей в батальоне циркулировали слухи. В книге А. В. Бурова за этот день значится информация, которая говорит об опасном продовольственном положении, но не о падении города: «*На Ладожском озере полностью прекратилась навигация. Прекратилась и доставка в Ленинград продуктов водным путем. На Ладогу вышли несколько разведывательных групп, перед которыми стояла задача: найти лучшую трассу для будущей автомобильной дороги*».

Цит. по: *Буров А. В.* Блокада день за днем. Л., 1979. С. 91.

107. *Анри Стакэ* (1921, Шатле — 27.06.1943, Мезериц) — один из легионеров. Регистрационный номер при поступлении в легион — 529. Ранен 22 августа 1942. Убит в результате несчастного случая.

108. Речь идет о полевой жандармерии (нем. Feldgendarmarie) — подразделениях военной полиции армии, основной задачей которых являлось выявление и задержание дезертиров. Помимо этого, солдаты полевой жандармерии применялись для несения охранной службы и борьбы с партизанами. Фельджандармы носили металлический горжет на цепи, из-за чего получили прозвище «цепные псы» (нем. Kettenhunde).

109. Сестра Вадима Иосифовича Завадского.

110. Эта женщина много лет проработала в семье родителей Ирмы няней, они очень хотели ее взять с собой в Бельгию, но не вышло.

111. Валлонский батальон 27 ноября в 7:00 выдвинулся в сторону Павлограда. Прибытие состоялось в 13:00 того же дня.

112. *Zahlmeister* (нем.) — казначей, унтер-офицер или офицер финансовой службы.

113. Мышечные судороги.

114. *Avion* (франц.) — самолет.

115. Речь идет о 100-й легкой пехотной дивизии генерал-лейтенанта Вернера Занне.

116. Солдатам вермахта полагался трехнедельный отпуск раз в год. За свершения на поле боя и получение наград отпуск мог даваться досрочно.

117. Речь идет о Ростовской наступательной операции (17 ноября — 2 декабря 1941). В результате удачного контрнаступления 9-й, 37-й, 56-й

армий 1-я танковая армия вермахта 29 ноября была выбита из Ростова-на-Дону, а затем отброшена на 60 — 80 километров. Стратегическим итогом операции было предотвращение немецкого прорыва на Кавказ.

118. Капитан Дюпрэ был первой жертвой среди офицерского состава. Формально первой жертвой среди легионеров считается Адам, но Завадский пишет, что он покончил жизнь самоубийством, а не пал в бою.

Вот как о смерти Дюпрэ писал Дегрелль:

«...одна из наших рот попала на минное поле. Командир шел впереди, на лошади. Это был молодой капитан бельгийской армии. У него было красивое деревенское имя Дюпрэ. Его конь наступил на один из этих смертельных зарядов. Лошадь подлетела на два метра, упала, разметав кишки, когда всадник лежал на красном снегу, с истерзанными ногами.

Степь кричала, свистела, мяукала о своей победе. Наши солдаты с помощью двух палок зафиксировали искромсанные конечности и перетащили на еловых ветках своего неудачливого капитана. Пройдя несколько километров, они достигли брошенной избы.

Понадобилось двадцать шесть часов, чтобы санитарный вездеход прибыл на помощь умирающему. У него было одиннадцать переломов. Он курил маленькими затяжками. Он попрощался со своими ребятами. Крупные капли пота стекали вдоль по его лицу, столь сильным было страдание. Он скончался, без слов сожаления, в последний раз затянувшись своей сигаретой...»

Цит. по: *Degrelle L. La Campagne de Russie 1941–1945. P. 37, 38.*

119. Виктор Смет (19.01.1908, Вавр — 1945) — один из офицеров легиона. Окончил кадетскую школу; рексист с 1937. Служил при штабе легиона. Ранен под Громовой Балкой. Окончил офицерскую школу в Киеншлагге. Получил звание СС-унтерштурмфюрера в ноябре 1944. Пропал без вести в 1945.

120. Люсьен Липпер (25.08.1913, Арлон — 13.02.1944, Ново-Буда) — один из командиров легиона и штурмовой бригады СС «Валлония». Офицер-артиллерист. Служил в штабе легиона. Звание капитана получил 8 июня 1942. Четвертый командир валлонского легиона, с 6 июня 1942 по 13 февраля 1944. Считал, что легион должен быть лишь военной единицей и не должен разочаровывать общество в Бельгии, на мнение которого стоит ориентироваться. Был крайне популярен среди солдат; выступал против политизации батальона. Был глубоко огорчен негативной реакцией, которую вызвала в Бельгии новость о том, что легион будет передан в СС. В конце 1942 хотел уйти из легиона,

который больше не соответствовал его представлениям, однако, сдался под уговорами и перешел в СС, приняв командование. Убит снайпером в Черкасском котле. Посмертно награжден Германским крестом в золоте, присвоено звание СС-оберштурмбаннфюрера.

121. Советские части прорывались у Артёмовска. Валлонский легион был переброшен для укрепления обороны на участке Артёмовск — Горловка.

122. День Святителя Николая по юлианскому календарю.

123. Новоэкономический рудник (4 шахты) принадлежал Донецко-Грушевскому акционерному обществу каменноугольных и антрацитовых копей (до 1914 — общество «Грушевский антрацит»). На руднике трудилось 900 человек, среднесуточная добыча составляла до 13000 пудов. На руднике были свои электромеханические мастерские, механическая сортировка, электростанция, трехлетняя школа (4 учителя). От рудника к станции Гришино была проложена подъездная железная дорога. С 1915 управляющим акционерного общества стал Николай Иванович Спельт, впоследствии эмигрировавший (в 1924 — член Союза русских инженеров в Болгарии).

124. Gaffe (франц.) — ошибка, оплошность.

125. Завадский пишет о достаточно сложной ситуации, сложившейся в легионе в конце ноября — начале декабря 1941. «Деление на партии» действительно было: рексисты, нерексисты и малочисленные члены крайней антисемитской Лиги защиты народа (франц. Ligue de la Défense du Peuple) постоянно выясняли отношения между собой. Члены Лиги обвиняли рексистов в том, что они были идейно близки к итальянскому фашизму, и из-за этого «предавали» национал-социализм своим отрицательным отношением к Германии. Рексисты, в свою очередь, называли членов Лиги предателями из-за их сепаратистских настроений (желания отделить Фландрию от Валлонии). Те, кто не принадлежали ни к какому политическому течению, обвиняли обе группы в политизации легиона и в том, что из-за этого не удастся сосредоточить силы чисто на военной стороне вопроса. В дополнение, внутри формирования в это время обострилась борьба за пост командира и влияние. Особенно острое противостояние разгорелось между Дегреллем и лейтенантом Леппином. Первый пытался сместить последнего. Леппин, в свою очередь, вероятно пользуясь одобрением сверху, пытался, используя не только формальные связи, встать во главе легиона. Для этого он заручился поддержкой некоторых офицеров, которые выступали против политизации легиона (среди прочих, хирург Сильвер Мьес; ко-

мандир 1-й роты Альбер ван Дамм; командир взвода Альбер Лассуа). Из этой закулисной битвы Леппин победителем не вышел, после чего оставаться в легионе он уже не мог, и был демобилизован в январе 1942. Вслед за ним демобилизовали (по разным причинам) большинство тех офицеров, что были с ним связаны и поддерживали его начинание. Интересно, что эти отставки совпали со сменой командира легиона (на смену Жакобсу пришел Паули).

126. *Жан Жорж* (30.08.1889, Мариенбур — ?) — известный рексист, депутат от партии. Архитектор, глава рексистов в провинции Намюр. В августе 1941 был аттестован как унтер-офицер. Вернулся в Бельгию в начале 1942, впоследствии продолжил заниматься партийными делами. Эвакуирован в Германию в сентябре 1944. Скончался после войны в Монако.

127. *Сильвер Мьес* (9.01.1901, Маршиенн — 1973) — медик валлонского легиона. Ветеран Первой мировой войны. Вступил в легион в июле 1941, лейтенант, хирург. Награжден Железным крестом II класса за бои под Громовой Балкой. Демобилизован в марте 1942 по настоянию Дегрелля. С февраля по август 1943 был медиком в госпитале СС в Берлине. Попытался вернуться в штурмовую бригаду СС «Валлония» в 1943, но не был принят Дегреллем. Впоследствии служил в 16-й панцер-гренадерской дивизии СС «Рейхсфюрер СС». В начале 1944 аттестован в качестве СС-оберштурмфюрера. Попал в плен в Италии.

128. *Альбер ван Дамм* (1893, Брюссель — ?) — один из офицеров легиона. Ветеран Первой мировой войны, офицер-артиллерист. С августа 1941 по январь 1942 командовал 1-й ротой; капитан. Демобилизован по состоянию здоровья (астма). Осужден после войны.

129. *Луи Ришар* (1912, Бинш — ?) — один из служащих 4-й роты. Тяжело ранен в руку под Громовой Балкой.

130. Народная легенда. Полководец Александр Васильевич Суворов спит в каменной пещере, в дремучем лесу, среди мхов и болот. В пещере горит неугасимая лампада и слышится поминальная молитва о рабе Божьем Александре. Когда наступит самое страшное время для России, и кровь покроет русскую землю боевому коню по щиколотку, тогда Суворов пробудится, выйдет из пещеры и спасет Россию.

131. *Messe de Minuit* (франц.) — предрождественская католическая месса.

132. *Жозеф Саль* (1893, Гренобль — ?) — первый капеллан легиона. Присоединился к батальону в сентябре 1941, демобилизован в марте 1942.

133. Вот как об этой рождественской службе вспоминал Леон Дегрель: *«Мы совершили рождественскую мессу в церкви, которой мы вернули ее культовый статус. Русский хор пел пронзительно и душевраздирающе. Снаружи большими хлопьями падал снег. Лежа у своих пулеметов, некоторые из наших солдат заняли боевые позиции по всем четырем направлениям вокруг здания».*

Цит. по: *Degrelle L. La Campagne de Russie 1941–1945. P. 40.*

134. Майор Жорж Жакобс официально отправлен в отставку 30 декабря 1941. Его место в качестве командира валлонского легиона занял капитан *Пьер Паули* (25.04.1908 — 21.06.1948) — второй (де-факто третий, учитывая Руло, который был и.о. командира в самом начале) командир легиона. Окончил бельгийскую Академию генштаба, аттестован в качестве капитана. Выпущен из офицерского лагеря в Люкенвальде, после того, как пожелал сражаться на Восточном фронте. Второй командир валлонского легиона, с 30 декабря 1941 по 1 апреля 1942. Демобилизован. В августе 1944 участвовал в убийстве в Курселе (*Tuerie de Courcelles*), где в качестве отместки за убитого членами Сопrotивления рексистского бургомистра и его семью были расстреляны мирные жители. В сентябре 1944 бежал в Германию, но не нашел себе применения. Расстрелян после войны за участие в курсельских событиях.

135. ЛП армейским корпусом в тот период командовал генерал от инфантерии Ойген Отт.

20 декабря 1941 командир 97-й легкой пехотной дивизии генерал-майор Максимилиан Фреттер-Пико докладывал в штаб IV армейского корпуса, что в 373-м пехотном батальоне сложилось две группы, рексисты и тяготеющие к национал-социализму, и что он вынужден посредничать между ними. Находя это неудовлетворительным, Фреттер-Пико просил штаб корпуса использовать батальон как-то иначе. Штаб поддержал это мнение, охарактеризовав валлонское подразделение как *«бесполезное в военном отношении»*. Валлоны чувствовали себя ущемленными, особенно после того, как 10 декабря у них забрали минометы и тяжелые пулеметы для распределения по другим частям. В итоге, легионеры направили жалобу в ОКВ. В донесении оперативного отдела 17-й армии генерал-полковника Германа Гота от 21 декабря значилось: *«Трудности с валлонским батальоном. С одной стороны, батальон жалуется в ОКВ на несправедливое отношение со стороны германского командования, с другой стороны, отчеты группы “фон Шведлера” (IV корпус) свидетельствуют, что*

поведение войск граничит с предательством. Валлонский батальон будет [...] переведен в тыловые районы LII корпуса». В тот же день состоялся телефонный разговор между командующим 17-й армией и командиром группы фон Шведлера (генерал от инфантерии Виктор фон Шведлер): «Командующий армией информирует, что жалоба от чинов валлонского батальона была передана в ОКХ; натянутые отношения с германскими офицерами связи, так же как и небрежное сочетание германским штабом [валлонов вместе с. — О.В.] венграми и итальянцами. Командующий желает аудиенции с ответственными лицами для выяснения отношений и дабы избежать, в ретроспективе, внесения этими элементами разлада во внешнюю политику». В донесении от 8 января 1942 было отмечено, что «использование валлонского батальона остается запрещенным, в зависимости от его внутренней сплоченности».

Цит. по: NARA. T-312. R. 678. F. 8312606, 8312663–8312664; T-314. R. 229. F. 1093.

В распоряжении LI армейского корпуса валлонский батальон был примерно до середины января 1942, когда его передали в состав боевой группы Трёгера, которая в середине февраля вошла в подчинение 100-й легкой пехотной дивизии генерал-лейтенанта Вернера Занне.

136. Шлюк — лейтенант, в легион вступил в июле 1941. Служил в штабе связи вместе с Леппином.

137. Rata (исп.) — крыса. Так в годы Гражданской войны в Испании летчики люфтваффе и франкистские пилоты стали называть советский истребитель И-16. Советские пилоты неофициально именовали его «ишаком». Одним из основных материалов, из которых изготавливался И-16, действительно было дерево.

138. *Андрэ Мажерот* — один из легионеров, уроженец Льежа. Демобилизован из легиона после 14 месяцев службы. В 1944 присоединился к Сопротивлению.

139. *Арман Дор* (08.08.1891, Льеж — ?) — один из офицеров легиона. Ветеран Первой мировой войны, офицер. После войны стал рексистом. Адъютант-майор в Регенвурмлагере. Отозван с фронта по медицинским показаниям 20 декабря 1941. В 1941–1942 его супруга была председателем льежской секции Solidarité Légonnaire. Осужден в октябре 1944.

140. Скорее всего, речь идет об отчетах в POWC.

141. Начальником штаба LI армейского корпуса вермахта в тот период был полковник генштаба Ганс Дёрр.

142. Правильно: *Verbindungsstab* (нем.) — штаб связи германского командования.

143. *Роман Николаевич Лабинский* — лейтенант Белой армии. Один из руководителей Дружины. Лейтенант финской армии, участвовал в Советско-финляндской войне в качестве переводчика.

144. Судя по документам, в начале января 1942 лейтенант Лепин был заменен капитаном Хайзером, затем на место последнего прибыл капитан доктор Эрих фон Леэ. Он занимал пост офицера для связи с февраля по ноябрь 1942.

145. Так в тексте.

146. Правильно: *Solidarité Légionnaire* (франц.) — легионерская солидарность. Гражданская служба поддержки валлонского легиона. Главой службы была жена Дегрелля Жанна, жена Робера дю Вельца помогла ей. В начале 1943 (по другим данным, в конце июня 1942) служба была переименована и стала называться *L'Nonneur Légionnaire*; во главе службы встал Альбер Лассуа, впоследствии СС-оберштурмфюрер.

147. Скорее всего, речь идет о священнике Андрее Иванченко, настоятеле «карловацкого» прихода в Льеже. См.: *Ронин В.* Первые русские приходы в Антверпене // *Русское Православие в Бельгии*: в 2 т. Т. 1. Статьи и очерки. М.; Брюссель, 2013. С. 212.

Из этого следует, что в тех местах дневника, где Завадский вспоминает русскую церковь в Льеже, речь идет именно об этом приходе РЗЦ, а не о местном «евлогиянском» храме, настоятелем которого был отец Валент Роменский.

148. Сложно сказать, против каких именно партизанских формирований применялись валлоны. 15 октября 1941, согласно решению Дзержинского горкома партии и политотдела 12-й армии, в районе был создан партизанский отряд «Народный меч», которым командовал начальник шахты им. Дзержинского С. И. Коржук; комиссаром был главный механик шахты А. Д. Волошин. В отряде сражалось 26 человек; с марта 1942 отрядом командовал А. Н. Мусафранов. В июле 1942 в районе Рубежного отряд попал в окружение; в период наступления советских войск осенью 1943, отряд вошел в состав 37-й армии. В ноябре 1941 действовал партизанский отряд Дзержинского района, находившийся под командованием бывшего заведующего шахтой им. Артёма Г. М. Чуева; комиссаром был парторг ЦК ВКП(б) В. Д. Маленкин. Отряд взаимодействовал с частями РККА и вел бои в районе Лисичанска и Рубежного, часто совершал вылазки в тыл врага. В самом Дзержинске с первых дней оккупации действовала подпольная партийная органи-

зация; ее члены организовали поджог лесного склада, городской электростанции, электромеханических мастерских, оборудовали тайники с оружием и боеприпасами, печатали листовки, распространяли радиосводки Совинформбюро. В декабре 1941 совершили налет на местную полицию, а в январе 1942 напали на штаб воинской части и вывели из строя железнодорожное полотно. Осенью 1942 парторганизация была раскрыта и фактически уничтожена.

149. Именно в этот день Завадский записался в легион.

150. 26 января 1942 в 21:30 валлонский батальон получил приказ выдвигаться к реке Самаре. В ночь на 27 января легионеры покинули Щербиновку.

151. 18 января 1942 началась Барвенковско-Лозовская операция. Действия 57-й армии и 5-го кавалерийского корпуса, выбивших немцев, занявших Барвенково и повернувших южнее, были крайне опасны для вермахта. 5-й кавалерийский корпус с 26 января пытался форсировать реку Самару. 100-я легкая пехотная дивизия генерал-лейтенанта Вернера Занне получила приказ форсировать реку и овладеть Александровкой. Валлоны уже в середине января 1942 вошли в состав боевой группы Трёгера (Kampfgruppe Tröger). Боевая группа Трёгера 17 февраля 1942 была придана 100-й легкой пехотной дивизии для усиления. Таким образом, в самых тяжелых февральских боях валлоны оперировали под руководством 100-й легкой пехотной дивизии.

152. Courage (франц.) — бесстрашие, мужество. Здесь в значении «Крепись!».

153. По данным бельгийских историков, к 28 февраля валлоны потеряли 9 человек убитыми и 45 ранеными.

154. Цифры Завадского недалеко от истины. Всего в боях за Громовую Балку участвовало 411 валлонов (150 были в резерве в Гришино), из них потеряли 71 человека убитыми и 155 ранеными, что равняется 55% от общей численности. Очень серьезные потери понес офицерский состав легиона: по некоторым данным, 20 из 22 офицеров были ранены или убиты. Было убито двое из четырех командиров рот. 2-я рота в итоге была распущена: в ее составе осталось лишь 12 человек.

155. Речь идет о бое 28 февраля 1942. Успешная атака позволила красноармейцам занять село и нанести 373-му батальону тяжелые потери, но удержаться они не смогли, и были опрокинуты контратакой валлонов при поддержке немцев. Переждав ночь в селе, 1 марта оставшиеся в живых легионеры были отведены в тыл, а их заменило немецкое подразделение.

Валлоны писали, что им противостояло два советских полка, поддержанных 14 танками. Предположительно, Громовую Балку атаковали подразделения (отдельная мотострелковая рота?) 534-го стрелкового полка 106-й стрелковой дивизии подполковника Василия Лукича Савченко. Поддержку танками обеспечивала 121-я танковая бригада полковника Николая Николаевича Радкевича: так, в бою 28 февраля погиб командир взвода 1 танкового батальона лейтенант Николай Сергеевич Кравченко. Пока что это лишь версия: будущий анализ журналов боевых действий указанных соединений поможет установить истину.

Герой Советского Союза, генерал армии Николай Григорьевич Лященко (на 28 февраля — командир 972-го стрелкового полка 255-й стрелковой дивизии генерал-майора Ивана Терентьевича Замерцева) в своих мемуарах пишет о боях 28 февраля, однако, не пишет конкретно про Громовую Балку. Полк понес в тот день потери, но неясно, участвовал ли он в штурме населенного пункта. Село упоминается, когда говорится о наступлении 6 марта: *«Полки 106-й дивизии опрокинули противника и ворвались в Очеретино. К полудню после жаркого боя было освобождено село Громовая Балка. [...] Противник не преминул воспользоваться выгодной ситуацией, ввел в бой мотопехоту и начал теснить наши войска. [...] Фашисты, заняв Громовую Балку, Голубовку, Федоровку, дальше не пошли»*.

По словам Лященко, 6 марта Громовую Балку штурмовали части 106-й стрелковой дивизии, удержаться не смогли и вынуждены были отойти. 7 марта советские части еще раз предприняли — на этот раз удачную — попытку штурма, пользуясь поддержкой 216-й стрелковой дивизии комбрига Александра Михайловича Пламеневского. Лященко также упоминает, что его назначили командиром 106-й дивизии как раз 7 марта, т. е. вторичный штурм дивизия осуществляла уже под его командованием. Дивизию в наступлении поддерживала 121-я танковая бригада. *«Часам к двенадцати Громовая Балка, после удачного боя, в успех которого большой вклад внесли танкисты и соседи из 216-й стрелковой дивизии, была в наших руках. Фашисты оставили в селе много техники, оружия, особенно боеприпасов. До роты противника сдалось в плен»*.

Цит. по: Лященко Н. Г. Время выбрало нас. М., 1990. С. 179, 183, 184, 191.

156. Лейтенант Леопольд Тис, командир 3-й роты с 24 февраля 1942.

157. *Артур Бюйдтс* (1899, Эттербек — 28.02.1942, Громовая Балка) — один из офицеров легиона. Регистрационный номер при поступлении в легион — 34. После смерти Рене Дюпрэ 2 декабря 1941 принял командование 4-й ротой. Убит.

158. После боев под Громовой Балкой Дегрелль был повышен до оберфельдфебеля, «проскочив» сразу несколько воинских званий. Это повышение, данное за проявление личной храбрости, вызвало вопросы вскоре после войны, когда стало известно, что Дегрелль, в связи с физическим и нервным истощением, должен был быть эвакуирован в начале 10-часовой битвы за Громовую Балку с помощью командира 1-й роты лейтенанта Альфреда Лисена. Лисен убит, командовать ротой стал оберлейтенант Жюль Матьё, но убит ли Дегрелль, оставалось неизвестным. Паули (незадолго до казни в 1948) и Матьё этот факт после войны подтверждали.

С другой стороны, сохранились любопытные воспоминания подполковника Ивана Бабича, который действовал в качестве наблюдателя от хорватского легиона (369-й усиленный пехотный полк) при 100-й легкой пехотной дивизии:

«В полдень того же дня [28 февраля — О. Б.] в моем штабе появился г. Дегрелль (в то время он был фельдфебелем) со своим батальонным командиром [Паули. — О. Б.]. Поскольку оба говорили только по-французски, они попросили меня доложить следующее командиру дивизии [хорват Бабич владел английским, немецким, французским. — О. Б.]: в своем разговоре с Гитлером, сказал Дегрелль, он решил, что бельгийцы будут лишь символически участвовать в борьбе против коммунизма на Восточном фронте, без применения в бою. Тем не менее, теперь вышло, что они были втянуты в жесткую битву и понесли тяжелые потери. Чины легиона были, по большей части, интеллектуалами и составляли сливки и элиту рексистского политического движения; если они погибнут здесь, целое движение будет изувечено. Он запросил рассмотрение своего заявления в точности и отвод легиона назад в тыл как можно скорее. Я немедленно передал это командиру дивизии. В тот же вечер прибыл немецкий батальон, заменил бельгийцев, и я никогда больше их не видел [легионерам оказали помощь, валлоны контрактавали несколько раз, к вечеру того же дня село, переходившее из рук в руки, было вновь занята немцами и валлонами. — О. Б.]».

Цит. по: *Obhodaš A., Mark J. D. Croatian Legion: The 369th Reinforced (Croatian) Infantry Regiment on the Eastern Front 1941–1943.* Sydney, 2010. P. 103.

159. 2 марта 1942 в Степановке Дегрелль и Паули получили Железные кресты II класса из рук генерал-лейтенанта Вернера Занне. Считается, что еще 34 Железных креста были вручены 13 марта, однако, судя по записи Завадского, это могло быть сделано раньше, «общим списком» (2 марта).

160. *Борис Всеволодович Тулубьев* (20.03.1918 — 80-е гг., Бельгия) — один из эмигрантов, служивших в легионе. Его отец, Всеволод Викторович Тулубьев, в 1911 уехал в Льеж. Служил в 4-й роте. В конце марта 1945 окончил 18-й военный учебный класс в офицерской школе СС Бад Тёльц. Скончался в 80-х в Бельгии. Вместе с Борисом в легионе служил его брат Сергей, погибший в конце августа 1942.

161. Сын Завадского родился 9 апреля; скорее всего, отец поздравил его в письме заранее, учитывая, что письмо еще будет идти.

162. Так в тексте.

163. Bourguignon (франц.) — бургундец. Так себя иногда называли рексисты, в кругах которых была распространена идея о «Великой Бургундии». Некоторые ветераны легиона, оставившие мемуары (Поль Терлен), также называют «бургундцами» своих сослуживцев. Один из легионеров иногда подписывал свои письма жене как «дитя Бургундской империи».

164. Официально это произошло 1 апреля 1942. Реальное командование Чехов принял 6 апреля (сам он называл 8-е число), когда легион расположился на отдых в Благодати.

Сам Чехов писал об этом назначении:

«8 апреля 1942 я принял командование валлонским легионом, с Люсьеном Липпером в качестве адъютанта и Леоном Дегреллем в качестве офицера по поручениям, несмотря на то, что на тот момент он был все еще фельдфебелем (сержантом) [Дегрелль был повышен до оберфельдфебеля после боев за Громовую Балку. — О. Б.]. Я был назначен на пост командиром 100-й дивизии, генералом Занне. Жизнь проходила безмятежно, разделенная между наставлением легионерам и посещениями рот. В первые дни тренировка в поле была невозможна из-за воды. Вскоре мы смогли выходить на тактические упражнения каждый день: стрельба из винтовки и из пулемета. В некоторых местах грязь поднималась выше колен».

В своих мемуарах легионеры, помнившие его как командира, отзывались о нем с симпатией, с уважением или сердечностью. Как писал один из них, «после бессодержательности майора Жакобса и причуд майора Паули, мы полностью окунулись в фольклор». По вос-

поминаниям, он был отличным наездником, любил выпить (мог выпить 2 бутылки водки и оставаться трезвым), говорил с непередаваемым акцентом. Запомнились и манеры: так, Чехов отдавал воинское приветствие по-русски, *«подносил руку к фуражке, но не касался. Затем он кланялся, поворачивая голову вправо и влево, при этом рука оставалась без движения как парализованная»*. Все это вполне соответствует тому, что один из ветеранов назвал его *«выдающейся фигурой легиона»*.

165. По воспоминаниям легионеров, Паули был неоднозначным человеком. С одной стороны, он отличался высокомерием, крайней самоуверенностью в принятии решений и любил соблюдать ненужный формализм в экстремальной ситуации. Некоторые называли его фантазером, человеком, жившим в мире собственных представлений и причуд. Один из ветеранов легиона рассказывал, как Паули заставлял батальон по часу стоять на утренней церемонии поднятия флага, когда на улице было -30°, что приводило к обморожениям, когда саму церемонию можно было провести за 15 минут. Его гордыня отчасти усложнила ситуацию во время боев за Громовую Балку: так, он отклонил предложение командира 100-й легкой пехотной дивизии генерал-лейтенанта Вернера Занне предоставить ему резерв (роту). Сложившаяся ситуация вызывала опасения среди командного состава легиона, поэтому Чехов написал Паули следующее письмо:

«Господин командующий,

Я был извещен о Вашем решении остаться одним у Громовой Балки, без какой-либо поддержки немцев. Позвольте мне сказать Вам, что мне кажется опасным вводить легион в бой без поддержки закаленных в сражениях сил и не имея ни одного человека в резерве. Это решение может потенциально стоить нам легиона.

(подпись) капитан Г. Чехов».

Данное письмо вызвало гнев Паули, который он и обрушил на Чехова, обвинив его в инсубординации и пригрозив ему расстрелом. Сразу после этого Чехов был смещен с поста командира 3-й роты и в определенном смысле удален из легиона: теперь он должен был обеспечивать непрерывную связь и взаимодействие с командиром 100-й легкой пехотной дивизии, которой подчинялся батальон, генерал-лейтенантом Вернером Занне, в распоряжение которого, видимо, и убыл.

С другой стороны, несмотря на все это, он пользовался авторитетом среди солдат, знал, как нужно управлять и командовать. Вдобавок, он не боялся фронта: по воспоминаниям Дегрелля и других

валлонов, во время боя за Громовую Балку Паули лично повел своих людей в контратаку. После Громовой Балки Паули смог восстановить внутреннюю спаянность понесшего тяжелые потери батальона. С Дегреллем у него вышел конфликт, что стало еще одним поводом к его отставке. Помимо этого, в документах есть обвинение Паули в том, что он плохо обращался со своими подчиненными и вскрывал посылки, которые приходили legionерам из дома.

166. Скорее всего, этот офицер, как и Завадский, был выпускником Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича кадетского корпуса. Директором корпуса был генерал-лейтенант Борис Викторович Адамович. Предположительно, это мог один из трех эмигрантов.

Константин Николаевич Дермеджиев (19.05.1918, Бердянск — ?) — один из офицеров хорватского легиона. В 1939 — лейтенант. Присоединился к 369-му усиленному (хорватскому) пехотному полку 10 июля 1941; лейтенант, командир взвода в 12-й роте. С 20 января 1942 — адъютант в III батальоне. 28 июля 1942 ранен. По состоянию на 1943 — в госпитале в Загребе.

Василий Мальгин (17.03.1907, Тирасполь — 12.01.1943, Сталинград) — один из офицеров хорватского легиона. В 1929 окончил военную академию в Белграде. В 1940 — старший лейтенант. Присоединился к хорватскому легиону 10 июля 1941; капитан, командир 3-й батареи 369-го артиллерийского дивизиона. Убит. Посмертно присвоено звание майора.

Александр Александрович Филатьев (1916 — ?) — один из офицеров хорватского легиона. В июле 1941 присоединился к хорватскому легиону; лейтенант, 1-я батарея 369-го артиллерийского дивизиона. 22 июня 1942 ранен. В апреле 1943 — при штабе I батальона 373-го артиллерийского полка.

Во время сражения под Громовой Балкой солдаты 369-го усиленного (хорватского) пехотного полка находились недалеко от валлонов (хорваты были правее, в Голубовке). Непосредственную поддержку валлонам оказал хорватский противотанковый взвод из 14-й роты.

167. Хорватский автотранспортный легион (ит. *Legione Croata Autotransportabile*; хорв. *Lako prevozni zdrug*) — итальянско-хорватское формирование. Легион также называли легкой моторизованной бригадой (де-факто это был усиленный батальон). Был создан 26 июля 1941 по настоянию итальянцев, которые контролировали часть Хорватии. Изначально бригада формировалась на территории

Хорватии, в городе Вараждин. Хорваты долго ждали подкрепления итальянцев, успев поучаствовать в антипартизанских операциях. 17 декабря 1941 бригаду перевели в Италию, где она получила транспорт и дополнительное снаряжение, а также прошла трехмесячный тренировочный курс. 16 апреля 1942 легион прибыл на Восточный фронт, в район города Харцызск, где его прикрепили к 3-й подвижной дивизии «Имени принца Амедео, герцога д'Аосты» 35-го армейского корпуса 8-й итальянской армии. До конца декабря 1942 легион был практически полностью уничтожен.

Легионом командовал подполковник Эгон Зитник. В нем было 1100 солдат, 70 унтер-офицеров и 45 офицеров, поделенных на 3 пехотных роты, 1 пулеметную роту, 1 минометную роту (81–мм), 1 артиллерийскую батарею (65–мм). Добровольцы носили итальянскую униформу. Предполагалось, что бригада послужит подкреплением для 369-го усиленного (хорватского) пехотного полка. Возможно, именно с этим связана фраза Завадского, но, насколько известно редактору-составителю, солдат 369-го полка в автотранспортный легион не передавали, поэтому информация о включении в данном случае может являться ошибкой.

См.: Милич А. Хорватские добровольцы в германском вермахте во Второй мировой войне // Крестовый поход на Россию: сб. статей. М., 2005. С. 391–393; *Obhodaš A. Lako prevozni zdrug Hrvatske legije — u borbanu od Une do Dona, kolovoz 1941. — prosinac 1942. Zagreb, 2012.*

168. Luftfeldpost (нем.) — воздушная полевая почта.

169. В результате зимних боев 1942 советским войскам удалось создать барвенковский плацдарм, который давал возможность дальнейшему наступления на Харьков и Днепрпетровск. К маю 1942 обе стороны планировали наступление: целью вермахта было «срезать» барвенковский выступ, ударив по сходящимся направлениям; целью РККА было начать и развить наступление. Для ликвидации плацдарма немцы 18 мая планировали начать операцию «Фридрикус», однако РККА подготовилась быстрее и 12 мая ударила на опережение. Общей целью наступающих советских соединений было окружение 6-й армии вермахта в районе Харькова. Поначалу наступление развивалось удачно: 6-я, 57-я и 9-я армии прорвали немецкую оборону и потеснили противника. Однако из-за недостаточной энергичности наступления немцам удалось перебросить часть сил для отражения атаки, а красноармейцы оказались втянуты в оборонительные бои. В ночь на 17 мая 1942 вермахт закончил перегрушировку и в 4:00 утра, с полутора часо-

вой артподготовки, на день раньше запланированного начал операцию «Фридерикус». Затем 1-я танковая армия вермахта генерал-полковника Эвальда фон Клейста, куда входил III армейский (моторизованный) корпус генерала Эберхарда фон Макензена, начала наступление против 9-й армии генерал-майора Петра Михайловича Козлова. К 8:00 фронт обороны 9-й армии на обоих направлениях был прорван.

170. *Tête de pont* (франц.) — предмостное укрепление, плацдарм для наступления.

171. Не совсем понятно, о каких «обходных» дивизиях и батальонах идет речь. III армейскому (моторизованному) корпусу были подчинены 14-я танковая, 16-я танковая, 60-я моторизованная дивизии. Помимо этого, к рубежу реки Береки были подтянуты 68-я, 384-я, 389-я пехотные дивизии. Неясно, что подразумевается под двумя советскими корпусами: возможно, речь идет о 21-м генерал-майора Григория Ивановича Кузьмина и 23-м генерал-майора Ефима Григорьевича Пушкина танковых корпусах. Так, наступавшая на правом фланге III армейского (моторизованного) корпуса 14-я танковая дивизия столкнулась с выдвигавшимся с фронта 6-й армии 23-м танковым корпусом; состоялось сражение, известное как «танковая битва у Протопоповки». См.: *Исаев А.* Краткий курс истории ВОВ. Наступление маршала Шапошникова. М., 2005. С. 338–340.

172. Скорее всего, речь идет о 343-й стрелковой дивизии полковника Петра Павловича Чувашева:

«18 мая 343-я стрелковая дивизия была поднята по тревоге и начала марш к Изюму. А на другой день поступил боевой приказ: форсировать Северский Донец и взять Изюм. Два полка — 1153-й и 1155-й — должны были форсировать реку севернее Изюма и выбить немцев из города. А нашему 1151-му полку командир дивизии поставил задачу переправиться через Северский Донец южнее Изюма, захватить высоты, на которых закрепился противник и тем самым блокировать город с юга. Высоты эти были примерно в километре от берега, а между ними и рекой располагался довольно густой лесной массив.

[...]

22 мая Изюм был освобожден двумя другими полками 343-й стрелковой дивизии. Но и наш полк сыграл свою роль в этом: мы не дали возможности противнику, окопавшемуся на высотах, прийти на помощь гарнизону города».

Цит. по: *Науменко Ю. А.* Шагай, пехота! М., 1989. С. 46–48.

173. С 17 по 20 мая 1942 373-й пехотный батальон был временно подчинен 68-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Роберта Мейсснера. С 21 мая валлоны подчинялись 97-й легкой пехотной дивизии генерал-лейтенанта Эрнста Руппа. 6 июля 1942 дивизия стала 97-й егерской.

174. Операция «Фридерикус» закончилась 28 мая со сдачей окруженных советских сил. Данная операция нанесла РККА тяжелое поражение, открыв путь для немецкого наступления на Кавказ и Сталинград. В период с 12 по 28 мая 1942 Юго-Западный и Южный фронты потеряли 277 190 человек, из них 170 958 безвозвратно (убитыми, тяжело ранеными, пропавшими без вести) и 106 232 ранеными; было потеряно 4934 орудия и 652 танка.

Серьезные потери были понесены в среде высшего командного состава. Погибли:

–Заместитель командующего войсками ЮЗФ генерал-лейтенант Федор Яковлевич Костенко (по некоторым данным, застрелился; вместе с ним погиб его старший сын Петр);

–Командующий, член Военного совета 6-й армии генерал-лейтенант Авксентий Михайлович Городнянский и бригадный комиссар Александр Иосифович Власов;

–Командующий, член Военного совета, начальник штаба 57-й армии генерал-лейтенант Кузьма Петрович Подлас (по некоторым данным, застрелился) и бригадный комиссар Андрей Иванович Попенко;

–Начальник штаба 57-й армии генерал-майор Андрей Федорович Анисов (застрелился);

–Командующий артиллерией 57-й армии генерал-майор Федор Гаврилович Маляров;

–Командующий армейской группой, помощник (заместитель) командующего войсками ЮЗФ по кавалерии генерал-майор Леонид Васильевич Бобкин (вместе с ним погиб его девятнадцатилетний сын Игорь);

–Командиры 47-й, 150-й, 270-й и 337-й стрелковых дивизий (генерал-майоры Филипп Николаевич Матюкин, Даниил Григорьевич Егоров, Заки Юсупович Кутлин, Илья Васильевич Васильев) и другие.

См.: *Glantz D. M., House J. M. When Titans Clashed: How The Red Army Stopped Hitler*. Lawrence, 1995. P. 116; Гриф секретности снят: потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 225; *Мощанский И. Б. Хроника окружения: Демянск и Харьков*. М., 2011. С. 252, 253.

175. Речь идет о пополнении: 3 офицера, 23 унтер-офицера и 308 человек. Этот «мартовский контингент» покинул Брюссель 10 марта и направился в Регенвурмлагерь для подготовки. 4 июня они прибыли на фронт. Новобранцев также называли «контингентом молодых» из-за того, что в рядах пополнения было немало членов рексистской молодежной организации Jeunesse Légionnaire.

176. Майор Бауманн был главой Командного штаба Цет (Kommandostab Z), структурно входившего в военную администрацию в Бельгии и северной Франции (Militärverwaltung in Belgien und Nordfrankreich). Главой военной администрации был генерал Александр фон Фалькенхаузен. Майор Бауманн отвечал за связь между немецкими оккупационными властями и формированиями, ими спонсируемыми, в том числе валлонским легионом.

177. В реальности, Чехов 6 июня отправился не в Брюссель, а был переведен в 36-й запасной батальон в Регенвурмлагере, стал командиром этого батальона. Стоит также отметить, что в какой-то момент Чехову было предложено возглавить валлонскую гвардию (Garde Wallonne) в Бельгии, однако, он это предложение отклонил. Валлонская гвардия была парамилитарным формированием, созданным в Бельгии летом 1941 в качестве эксперимента, который бы доказывал немцам, что рексисты способны набрать добровольцев для борьбы на фронте. Первый набор во многом состоял из членов боевых формаций (Formations de Combat), впоследствии гвардия пополнялась и нерексистами. Члены гвардии несли охранную службу в Бельгии, боролись с черным рынком, в самом конце оккупации помогали немцам бороться с партизанами. Всего было сформировано 3 батальона. Осенью 1944 члены гвардии были эвакуированы в Германию, где влились в 28-ю добровольческую гренадерскую дивизию СС «Валлония».

178. Речь идет о городе Ной-Бентшен (нем. Neu-Bentschen), который сегодня называется Збоншинек (пол. Zbąszynek).

179. В записи от 24 апреля 1942: *«Вчера только ушло письмо с "оказией", в нем и письмо А[натолию] Ник[олаевичу] [Левашову]. Своим даю, т[ак] ск[азать], отчет о Щербиновке, для распространения дальше, по начальству».*

180. Цит. по: Из писем белых эмигрантов, служивших в частях Вермахта на Восточном фронте, а также работавших в органах самоуправления // Александров К. М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели: сб. статей и материалов. М., 2005. С. 512–514.

181. Можно сравнить это впечатление Завадского с тем, что писал Дегрель:

«В Днепропетровске сталинский режим приложил огромные усилия в строительстве. Поначалу мы были впечатлены, достигнув предместий города, увидев огромные кирпичные дома для пролетариев, построенные Советами. Их вид был современным. Здания были огромные, и их было много. Несомненно, коммунистическая система сделала что-то для людей. Если нищета крестьян была глубокой, то хотя бы рабочие что-то выиграли в новые времена.

Тем не менее, было необходимо посетить и осмотреть эти здания. Мы пробыли шесть месяцев в Донецком бассейне. У нас было много времени для уточнения выводов, к которым мы пришли во время нашего вхождения в Днепропетровск. Здания, столь впечатляющие издали, были всего лишь гигантским обманом, созданным для введения в заблуждение туристов, которых привозил сюда "Интурист", и аудитории документальных фильмов.

При приближении к этим зданиям вас начинало тошнить от запаха отходов и экскрементов, поднимавшегося из болота, что окружало каждое здание. Вокруг них не было ни мостовой, ни щебенки, ни крупных камней. Повсюду господствовала русская грязь. Отвод дождевой воды производился прямо через почву. Старые трубы свешивались с водосточного желоба и ливнем сбрасывали воду вниз. Стены трескались и осыпались по всем направлениям. Качество использованных материалов было самого последнего порядка. Повсюду были осыпавшиеся балконы. Цементные лестницы были разбиты и изношены. Но этим зданиям едва было несколько лет.

На каждом этаже располагалось несколько квартир, побеленных известкой, с общей маленькой кухней на несколько семей. Электрические провода свисали гирляндами. Стены были сделаны из самана и рассыпались, когда кто-то решался вбить гвоздь.

Обычно водоснабжение не работало. Пролетарская популяция, не имевшая удобств, справляла свои нужды вокруг зданий, превращая все вокруг в огромную сточную канаву. Мороз превращал эти канавы в камень, которые при каждой оттепели оттаивали, распространяя вокруг зловоние. В конце концов, эти апартаменты оказывались даже более неудобными, чем жалкие избы, в которых, на самой плодородной земле Европы, миллионы русских крестьян существовали посреди самой убогой нищеты, поедая пищу из общей миски, используя грубо вырезанные прямо из куска дерева ложки».

Цит. по: *Degrelle L. La Campagne de Russie 1941–1945. P. 24, 25.*

182. Цит. по: Отчет Р. В. Завадского, ноябрь 1942 года. Л. 1–2 // Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive (BAR). Arkhangelsky collection. Box 1. Folder “Arranged Correspondence”. Источник предоставлен К. М. Александровым.

183. В оригинале оставлена лишь первая буква, остальное слово заштриховано, однако видны отдельные буквы. В середине августа 1942 валлонский легион, идя на Кавказ, участвовал в боях под станцией Ширванской.

184. В оригинале оставлена лишь первая буква, остальное слово заштриховано, однако видны отдельные буквы. 13 августа 1942 основные части валлонского легиона вошли в Майкоп.

185. 373-м пехотным батальоном на тот момент командовал капитан Люсьен Липпер.

186. Речь идет о ротях.

187. *Les Pays Réel* (франц.) — Настоящая страна. Газета рексистской партии, основанная 3 мая 1936.

188. *Rouge et blanc* (франц.) — красное и белое. Возможно, правильно: *Rouges et Blancs* (франц.) — красные и белые.

189. Песня Студенческого батальона Добровольческой армии, 1918.

190. *Mitraillette* (франц.) — пистолет-пулемет. Речь идет о МР-38/40.

191. Крайней точкой наступления валлонов стала гора Индюк, которую должны были захватить немецкие горные егеря, но они этого сделать не смогли. Соседнюю с ней гору легионеры начали покорять в ночь на 29 или 30 октября, добравшись до вершины лишь к 4:00 утра. Часть валлонов осталась рядом с горой, а часть обосновалась наверху под проливным дождем, там, где проходила линия фронта — именно о них пишет Завадский, который сам остался в тылу.

192. В мемуарах майора Адольфа фон Эрнстхаузена, командира одного из дивизионов 81-го артиллерийского полка 97-й егерской дивизии, которой подчинялся валлонский батальон, есть примечательный эпизод:

«Во время второго маршевого дня, под проливным дождем, нам удалось найти укрытие в одном селении, где уже остановился валлонский батальон под командованием Дегреля [Дегрелль не был командиром батальона. — О. Б.], который тоже входил в состав нашей дивизии. Дегрель, которого я знал по боям у Северского Донца, оказался

очень приятным кавалером, обладавшим высокой культурой и обаянием. Правда, поддерживать общение с ним можно было только на французском языке. Вследствие недостаточного военного образования Дегреля, командовал его батальоном не он, а офицер по особым поручениям в звании обер-лейтенанта [Липпер на тот момент не был офицером по особым поручениям и имел звание капитана. — О. Б.]. Но в качестве политического руководителя Дегрель был душой всего происходящего и безоглядно рвался в бой. Вместе с ним действовал приданный ему в качестве офицера связи очень умный и дипломатичный германский капитан [фон Леэ. — О. Б.].

Пока я дожидался в селении подхода моего подразделения, откуда то издалека донесся шум боя. Вскоре конный вестовой доставил сообщение о том, что часть штабной батареи артиллерийского полка в ходе движения наткнулась на крупные русские силы и была уничтожена. Валлонский батальон тут же приготовился начать движение, чтобы перехватить врага. Дегрель предложил мне выделить ему в помощь, по крайней мере, два орудия».

Цит. по: Эрнстхаузен А. фон. Война на Кавказе. Перелом. Мемуары командира артиллерийского дивизиона горных егерей. 1942–1943. М., 2012. С. 85.

193. Вот что об этом случае писал сам Дегрель:

«Другой снаряд, 120-мм, особенно изобретательный, упал в восьмидесяти сантиметрах от меня. Вихрь огня бросил меня в воздух. Когда я очнулся, то обнаружил, что лежу посреди обломков: все было рассечено или выбрито на двадцать метров вокруг меня. Правая сторона моей каски была полностью оторвана и смята около уха. Моя фляжка раскрылась как цветок. Мой автомат, лежавший на расстоянии вытянутой руки, был разорван.

Все подумали, что меня просто испарило. У меня же всего-навсего был осколок в правом предплечье, разорвало барабанную перепонку и было внутреннее повреждение желудка. Я был ранен пять раз за четыре года войны на Востоке. Каждый раз это было незначительно».

Цит. по: Degrelle L. La Campagne de Russie 1941–1945. P. 155.

Учитывая этот факт, можно попробовать установить примерную дату составления документа. По тексту Дегрелля понятно, что прошло два — три дня после занятия горы валлонами, прежде чем его ранили. К сожалению, не удалось точно установить день этого ранения, но в качестве предположения можно назвать 3 или 4 ноября. Завадский пишет, что в активе осталось порядка 200 человек (всего 250, но непонятно,

откуда взялись еще 50, возможно, что речь идет о тех, кто слегка занемог или был легко ранен, но остался на позициях, хотя более и не принимал активного участия в боях). К 11 ноября в легионе осталось 208 человек (5 офицеров, 33 унтер-офицера, 170 рядовых), в тот же день начался отвод легиона, т. е. скорее датировка ближе к 9 или 10 числу. Таким образом, можно предположить, что данный текст был написан в период с 3 по 10 ноября 1942.

193. Предположительно, написано следующее: *«Как близко: к[и]-л[о]м[етрах] в 13 от Туансе»*. Скорее всего, Завадский писал о продвижении батальона и в целом о ситуации на фронте. Валлоны наступали в сентябре — октябре 1942 по реке Пшиш в направлении на Туансе. До города они так и не дошли. Один из ветеранов легиона после войны так и назвал свои мемуары — «Мы не пойдём на Туансе».

195. Russische sprache (нем.) — русский язык. По всей видимости, пометка для цензуры.

196. Спа — город в провинции Льеж.

197. В документах МГБ есть данные о том, что Николай Камский переводил деньги Ирме Завадской.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Российский государственный военный архив (РГВА, РФ):

1. Ф. 1387. Оп. 1. Д. 104.

Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации (ЦМВС РФ, РФ):

1. ДФ. 4/47. 763/2.

Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО України, Україна):

1. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 162.

Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhtmeteff Archive (BAR, USA):

Arkhangelsky collection:

Box 1. Folder "Arranged Correspondence".

1. Отчет Р. В. Завадского, ноябрь 1942 года.

National Archives and Records Administration (NARA, USA):

1. T—70. R. 106.
2. T—312. R. 678.
3. T—314. R. 229.
4. T—501. R. 173.
5. T—501. R. 223.
6. T—1021. R. 18.

Institut für Zeitgeschichte (IfZ, BRD):

1. MA—329.
2. ZS A—3/1.

Service historique de la Défense (SHD, RF):**2 P 14 — Legion tricolore, LVF:**

1. Rapport du lieutenant Ourdan.

Yad Vashem Photo Archive (YVPA, Israel):

1. FA-147/82/725.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. «22 июня 1941 г. Брест. В 3.15 батарея начинает стрелять...» Военный дневник Эберхарда фон Ханкследена — солдата 29 артиллерийского полка 29-й пехотной дивизии. Минск, 2011.
2. «В психологии русской эмиграции за последнее время произошли сдвиги неожиданные». Меморандум генерал-лейтенанта А. И. Деникина, зима 1945/46 года / Публикация А. С. Забегалина (*Сан-Франциско*), подготовка текста А. А. Кузнецова (*Санкт-Петербург*) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Книга 12. СПб., 2012.
3. «Сердце раздирается на части». Письма председателя Объединения русских воинских союзов А. А. фон Лампе. Июнь — октябрь 1941 г. / Публикация З. С. Бочаровой и Л. И. Петрушевой // Исторический архив. Научно-публикаторский журнал. 2010. № 3.
4. Александр Шморель. Протоколы допросов в гестапо. Февраль — март 1943 г. (РГВА. Ф. 1361 К. Оп. 1. Д. 8808); пер. с нем. Храмова И. В. / Автор вступит. статьи, сост. Храмов. И. В. Оренбург, 2005.
5. Братышенко И. Испанцы, немцы, балалайка: из воспоминаний // Чело: альманах. 2000. № 2(18).
6. Буров А. В. Блокада день за днем. Л., 1979.
7. Бутков П. Н. За Россию: русские «белые» в борьбе против русских «красных», сталинского террора, нацизма и коммунизма (1917–1994). СПб., 2001.
8. В редакцию «Переключки» // Переключки. Орган связи белых воинов в С.А.С.Ш-х. 15 ноября 1952 г. № 19.
9. В. К. Абданк-Коссовский — Российские офицеры в изгнании / Публикация И. В. Образцова // Военно-исторический журнал. 1996. № 2.
10. Вести с родины (из писем переводчиков) // Галлиполийский вестник. 20 ноября 1941 г. № 100.

11. Вива Эспанья! // Часовой. 20-го марта 1937 г. № 187.
12. *Войцеховский С. Л.* Венок на могилу Л. Н. Туган-Барановского // Наша страна. 5 июня 1954 г. № 229.
13. *Войцеховский С. Л.* Новая Германия и «Русский вопрос» // Часовой. 5-го августа 1937 г. № 194.
14. Восемь лет // Наша страна. 18-го сентября 1948 г. № 1.
15. Впечатления переводчика // Парижский вестник. 26 июля 1942 года. № 7.
16. Выдержка из циркулярного письма оберквартирмейстера при командовании 16-й армии от 19.10.1941 г. о списке гражданских лиц, настроенных лояльно к Германии // Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Документальная экспозиция. Берлин, 1994.
17. Выписки из писем, полученных в Париже от русских офицеров, поступивших переводчиками в Герм. Армию, с театра военных действий из освобожденных от большевиков местностей России // Галлиполийский вестник. 20 ноября 1941 г. № 100.
18. Галлиполийский вестник. 23 июня 1941 г. № 96.
19. *Глазенап П. В.* Письмо в редакцию // Часовой. Декабрь 1950 г. № 303(11).
20. Гриф секретности снят: потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993.
21. *Дегрель Л.* Любимец Гитлера. Русская кампания глазами генерала СС. М., 2013.
22. *Дегрель Л.* Штурмовая бригада СС. Тройной разгром. М., 2012.
23. *Дегрель Л.* Эсэсовский легион Гитлера. Откровения с петлей на шее. М., 2012.
24. *Доллман Е.* Переводчик Гитлера. Десять лет среди лидеров нацизма. 1934–1944. М., 2008.
25. *Думбадзе А.* Из записок переводчика // Возрождение. Ежемесячный литературно-политический журнал. Февраль 1969. № 206.
26. *Думбадзе А.* Из записок переводчика // Возрождение. Ежемесячный литературно-политический журнал. Март 1969. № 207.
27. Живая память. Сборник писем бывших советских военнопленных. М., 2005.
28. Записки переводчика // Новое слово. 24 августа 1941 г. № 35 (364).
29. Записки переводчика // Новое слово. 7 сентября 1941 г. № 37 (366).
30. Запись в дневнике штаба оперативного руководства ОКВ о создании оккупационного режима на территории Советского Союза. 3 марта 1941 г. // 1941 год: в 2 кн. Кн. 1. М., 1998.
31. И. А. Ильин: Pro et contra: Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей. СПб., 2004.
32. *Ильин И. А.* Враг моего врага. 25 мая 1948 г. // Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Том 1. М., 2008.
33. *Ильин И. А.* Советский Союз — не Россия. Памятные тезисы // Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М., 1998.

34. *Ильинский П. Д.* Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии. (Жизнь Полоцкого округа 1941–1944 годов) // Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / Сост. *К. М. Александров*. СПб., 2011.
35. Испанцы в России // Наша страна. 24 февраля 2007. № 2814.
36. Исторический очерк зарождения и развития Российского Военно-Национального Освободительного Движения имени генералиссимуса А. В. Суворова // Переключки. Орган связи белых воинов в С.А.С.Ш-х. 15 июля 1953 г. № 26.
37. *Калустров Л.* Воспоминания о приюте Анастасии Андреевны Кузьминой-Караваевой // Русское Православие в Бельгии: в 2 т. Т. 2. Документы, воспоминания и переписка. М; Брюссель, 2013.
38. Капитан Р. В. Завадский // Дворянское Собрание: историко-публицистический и литературно-художественный альманах. 1995. № 3.
39. *Каров Д. П.* Немецкая оккупация и советские люди в записках русского офицера Абвера, 1941–1943 годы // Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник. СПб., 2011.
40. Корсунь-Шевченковская битва. Киев, 1975.
41. *Кромиади К.* За землю, за волю... Сан-Франциско, 1980.
42. *Лященко Н. Г.* Время выбрало нас. М., 1990.
43. *Махров П. С.* В Белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994.
44. Мой разговор с белогвардейцем (сообщение священника г. Старицы Иоанна Соколова) // Правда о религии в России. М., 1942.
45. *Морелли А.* На Родине // Часовой. Июль 1951 г. № 310(7).
46. *Морелли А.* На Родине // Часовой. Июнь 1951 г. № 309(6).
47. *Морелли А.* На Родине // Часовой. Май 1951 г. № 308(5).
48. *Морелли А.* На Родине // Часовой. Сентябрь 1951 г. № 311(8).
49. Морской Журнал. Июль 1941. № 145(2).
50. *Науменко Ю. А.* Шагай, пехота! М., 1989.
51. Оповещение Управления Делами Русской Эмиграции во Франции // Парижский вестник. 14 июня 1942 года. № 1.
52. *Орехов В.* Будем достойны русского имени! // Часовой. 5-го декабря 1939 г. № 246.
53. *Орехов В.* От Брюсселя до Варшавы // Часовой. 5-го июля 1937 г. № 193.
54. *Орехов В.* С Новым Годом! // Часовой. 1 января 1939 г. № 227.
55. *Осипова Л.* Дневник коллаборантки // «Свершилось. Пришли немцы!». Идеальный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. М., 2012.
56. Памяти Л. В. Сердаковского // Кадетская переключки. Февраль 1981. № 27.
57. Памятник Генералу Врангелю // Часовой. 1-го июня 1938 г. № 213.
58. Пермикин Борис Сергеевич. Генерал, рожденный войной. Из записок 1912–1959 гг. / редактор-составитель *С. Г. Зирин*. М., 2011.
59. Письма оттуда // Парижский вестник. 5 июля 1942 года. № 4.

60. Письма оттуда // Парижский вестник. 9 августа 1942 года. № 9.
61. Письма оттуда. О том, что видят, слышат, думают и как живут русские офицеры, уехавшие из Парижа в Россию // Парижский вестник. 12 июля 1942 года. № 5.
62. Письмо из России от уехавшего со второй группой // Парижский вестник. 28 июня 1942 года. № 3.
63. Письмо переводчика // Новое слово. 21 сентября 1941 г. № 39 (368).
64. По гарнизонам и постам... // Часовой. 15 декабря 1931 г. № 70.
65. *Подевильс К.* Бои на Дону и Волге. Офицер вермахта на Восточном фронте. 1942–1943. М., 2010.
66. Помни Россию // Часовой. 31 мая 1931 г. № 56.
67. Привет испанским «корниловцам» // Часовой. Август 1936 г. № 172.
68. Россия сегодняшнего дня // Бюллетень Объединения Лейб-Гвардии Московского полка. 23 августа / 8 сентября 1941 года. № 87.
69. *Рудинский В.* Испанцы Голубой дивизии // Наша страна. 8 сентября 2007. № 2827.
70. *Рудинский В.* С Испанцами на Ленинградском Фронте // Под Белым Крестом. Сентябрь 1952. № 3.
71. Русская Стрелковая Дружина в Бельгии // Часовой. Июнь 1935 г. № 150.
72. Русская Стрелковая Дружина в Бельгии // Часовой. Пасхальный 1935 г. № 146–147.
73. Русская Стрелковая Дружина в Бельгии. Выпускной праздник военного училища // Часовой. Сентябрь 1935 г. № 154–155.
74. Русский доброволец в Испании (из письма) // Часовой. 1 сентября 1936 г. № 173.
75. *Рутченко-Рутыч Н. Н.* Среди земных тревог: воспоминания. М., 2012.
76. *Святополк-Мирский В.* Письма из России 1941 // Посев. Общественно-политический журнал. 2011. № 5 (1604).
77. Секретный доклад генерала Махрова // Грани. Журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли. 1982. № 124.
78. *Сердаковский Л. В.* У Хорти в Будапеште // Кадетская переключка. Февраль 1981. № 27.
79. *Скородумов М. Ф.* История возникновения Русского Корпуса в Сербии // Русский Корпус на Балканах (1941–1945). Сборник воспоминаний и документов. СПб., 1999.
80. *Стеенберг С.* Гитлер спас Сталина. Выступление на XXVI расширенном совещании «Посева» (1974) // Вторая мировая: иной взгляд. Историческая публицистика журнала «Посев» / Сост. и ред. Ю. С. Цурганов. М., 2008.
81. *Трушинович А. Р.* Воспоминания корниловца: 1914–1934. Москва — Франкфурт, 2004.
82. *Трушинович Я. А.* Русские в Югославии и Германии в 1941–1945 гг. // Новый Часовой. Русский военно-исторический журнал. 1994. № 2.
83. *Туркул А. В.* Дроздовцы в огне. Нью-Йорк, 1990.
84. *Фолькерт Р.* Александр Александрович Стацевич. Некролог // Кадетская переключка. Апрель 1990. № 48.

85. *Фреттер-Пико М.* Немецкая пехота. Стратегические ошибки вермахта. Пехотные дивизии в войне против Советского Союза. 1941–1944. М., 2013.
86. *Хмельницкий Д.* Речь Гитлера 3 октября 1941 года // Правда Виктора Суворова–2. Восстанавливая историю Второй мировой. М., 2007.
87. *Ходнев Д. И.* Месяц в Германской Армии // Финляндец. Осведомительный листок Объединения Лейб-Гвардии Финляндского полка. 1955. № 31.
88. *Ходнев Д. И.* Месяц в Германской Армии // Финляндец. Осведомительный листок Объединения Лейб-Гвардии Финляндского полка. 1955. № 32.
89. *Ходнев Д. И.* Месяц в Германской Армии // Финляндец. Осведомительный листок Объединения Лейб-Гвардии Финляндского полка. 1956. № 33.
90. *Чавчавадзе Г. Н.* О Русском Освободительном Движении // Материалы по истории Русского Освободительного Движения: сб. статей, документов, воспоминаний. Вып. 2. Под общ. ред. А. В. Огорокова. М., 1998.
91. *Штрик-Штрикфельдт В. К.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М., 1993.
92. *Щербатов А. П.* Право на прошлое. М., 2005.
93. *Эрнстхаузен А. фон.* Война на Кавказе. Перелом. Мемуары командира артиллерийского дивизиона горных егерей. 1942–1943. М., 2012.
94. *Юрадо К. К.* Иностранцы добровольцы в вермахте. 1941–1945. М., 2005.
95. *Яремчук 2-й А. П.* Моя последняя — четвертая — война // Мемуары владиславцев. М., 2011.
96. *Яремчук 2-й А. П.* Русские добровольцы в Испании. 1936–1939. Сан-Франциско, 1983.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. «Сопровитяйтесь!» // Между Россией и Сталиным: российская эмиграция и Вторая мировая война. М., 2004.
2. *Абрамян Э.* Кавказцы в Абвере. М., 2006.
3. *Александров К. М.* Антисталинский протест в период Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели: сб. статей и материалов. М., 2005.
4. *Александров К. М.* Армия генерала Власова 1944–1945. М., 2006.
5. *Александров К. М.* Белая военная эмиграция и Вооруженные силы Комитета Освобождения Народов России // Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. Сборник статей и материалов. СПб., 2003.
6. *Александров К. М.* Белая военная эмиграция и Вооруженные Силы Комитета Освобождения Народов России // Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели: сборник статей и материалов. М., 2005.
7. *Александров К. М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944–1945. М., 2009.

8. *Андреев В. А.* Русское зарубежье и Вторая мировая война // *Материалы по истории Русского Освободительного Движения: сб. статей, документов, воспоминаний. Вып. 2.* Под общ. ред. А. В. Окорочкова. М., 1998.
9. *Антропов О. К.* Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). Астрахань, 2008.
10. *Антропов О. К.* Третий путь для России. Пореволуционные организации и движения российской эмиграции 1920–1930-х гг.: монография. Астрахань, 2011.
11. *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «терийокского правительства». СПб.; Хельсинки, 2003.
12. *Бишоп К.* Иностранцы дивизии III Рейха. Иностранцы добровольцы в войсках СС 1940–1945. М., 2006.
13. *Богарт М.* Бельгия: фламандские и валлонские добровольцы в составе войск СС // *Україна у Другій світовій війні: джерела та інтерпретації (до 65-річчя Великої Перемоги). Матеріали міжнародної наукової конференції / Відповідальний редактор: Легасова Л. В. К., 2011.*
14. *Боляновський А.* Українські військові формування в збройних силах Німеччини (1939–1945). Львів, 2003.
15. *Бонаеч Б.* «Другая война» на Востоке (1941–1945): взгляд из Германии // *Россияне и немцы в эпоху катастроф: память о войне и преодоление прошлого. Материалы конференции российских и немецких историков, Волгоград, 7–10 сентября 2010 г.* М., 2012.
16. *Буле В.* Образ СССР и войны на Восточном фронте во французской коллаборационистской прессе (на примере газеты «Я повсюду») // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований.* 2011. № 1(3).
17. *Бухнер А.* Восточный фронт. Черкаassy. Тернополь. Крым. Витебск. Бобруйск. Броды. Яссы. Кишенев. 1944. М., 2013.
18. *Бучин Д. Ю.* Коррида на Восточном фронте. Испанские добровольцы в вермахте. М., 2005.
19. *Бэйда О. И.* Французский легион на службе Гитлеру. 1941–1944 гг. М., 2013.
20. *Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андронников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин.* М., 2010.
21. *Веригин С. Г.* Предатели или жертвы войны: коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2012.
22. *Ветте В.* Образ врага: расистские элементы в немецкой пропаганде против Советского Союза // *Почему Гитлер проиграл войну? Немецкий взгляд.* М., 2012.
23. *Волков С. В.* Офицеры армейской кавалерии: опыт мартиролога. М., 2004.
24. *Волков С. В.* Офицеры флота и морского ведомства: опыт мартиролога. М., 2004.
25. *Волков С. В.* Характер и перспективы Второй мировой войны в оценке русской военной эмиграции // *Русское зарубежье и Вторая мировая война: IV Культуролог. чтения «Русская эмиграция XX века».* М., 2013.

26. *Гагарин Е.* Возвращение корнета. М., 2012.
27. *Гагарин Е.* Возвращение корнета. Поездка на святки. Нью-Йорк, 1953.
28. *Герлах В.* Изменник. Второй том. Онтарио, Лондон, 1969.
29. *Герлах В.* Изменник. Том I. Онтарио, Лондон, 1968.
30. *Герлах В. Л.* Изменник. Уфа, 2013.
31. *Гетманенко О. Д., Юшко А. А.* Черная белая гвардия (о судьбе белогвардейцев-эмигрантов) // Военно-исторический журнал. 1989. № 11.
32. *Гилязов И. А.* Легион «Идель-Урал». М., 2009.
33. *Гланц Д. М.* Советское военное чудо 1941–1943. Возрождение Красной Армии. М., 2008.
34. *Голдин В. И.* Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. Мурманск, 2005.
35. *Гончаренко О. Г.* Изгнанная армия. Полвека военной эмиграции. 1920–1970 гг. М., 2012.
36. *Грибков И. В., Жуков Д. А., Ковтун И. И.* Особый штаб «Россия». М., 2011.
37. *Дробязко С. И.* Казачьи части в составе Вермахта // Материалы по истории Русского Освободительного Движения (1941–1945 гг.): сб. статей, документов и воспоминаний. Вып. 1. Под общ. ред. А. В. О कोरोкова. М., 1997.
38. *Дробязко С. И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2004.
39. *Дробязко С. И.* Эпопея генерала Смысловского // Материалы по истории Русского Освободительного Движения: сб. статей, документов и воспоминаний. Вып. 4. Под общей ред. А. В. О कोरोкова. М., 1999.
40. *Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К.* Иностранные формирования Третьего рейха. М., 2009.
41. *Жуков Д.* «В обзоре германской армии следует "русский царь"...». Советская пропаганда о «монархических планах» нацистов // Эхо войны. Военно-исторический альманах о Второй мировой войне. 2013. № 1 (5).
42. *Жуков Д. А., Ковтун И. И.* РННА. Враг в советской форме. М., 2012.
43. *Жуков Д. А., Ковтун И. И.* Русские эсэсовцы. М., 2010.
44. Закат российской эмиграции во Франции в 1940-е годы: история и память / Ассоциация «Зарубежная Россия» (Франция); науч. ред. Д. Гузевич; сост., общ. ред. М. Якунин. Париж, Новосибирск, 2012.
45. Зимняя война 1939–1940. Книга первая. Политическая история. М., 1999.
46. Имперец. Циркуляр Верховного Совета РИС-О. Осень 2004. Номер 46.
47. *Исаев А.* Краткий курс истории ВОВ. Наступление маршала Шапошникова. М., 2005.
48. История Российского имперского союза-ордена: 1929–2009 гг. // Имперцы. 80 лет РИС-О. 1929–2009. Б.м., б.г.
49. *Ковалев Б.* На службе у Франко. Коллаборационисты в «Голубой дивизии» // Родина. Российский исторический журнал. 2013. № 4.
50. *Кривошеева Е. Г.* Российская эмиграция накануне и в период Второй мировой войны (1936–1945 гг.). М., 2001.
51. *Крикунов П.* Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М., 2005.

52. *Кринко Е. Ф.* Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2004. № 11.
53. *Кручинин А. С.* Один год эмиграции генерала Я. А. Слещова-Крымского. Попытка историко-психологической реконструкции // Люди и судьбы Русского зарубежья. Сборник статей. М., 2011.
54. *Кузнецов Н. А.* Русский флот на чужбине. М., 2009.
55. *Кузнецов Н. А., Семенов К. К.* Судьба морского офицера Георгия Чехова // Нансеновские чтения 2009. СПб., 2010.
56. *Кузнецов Н., Семенов К.* Три войны русского моряка Г. В. Чехова // Войска СС без грифа секретности. М., 2010.
57. *Кьюсева Ц.* Русские эмигранты из Болгарии в Русском охранном корпусе в Югославии. (По документам болгарских архивов) // Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания. СПб., 2011.
58. *Лебедев Л. (прот.)* Российский имперский союз-орден // Имперцы. 70 лет. 1929–1999. Б.м., б.г.
59. *Лопуховский Л. Н., Кавалерчик Б. К.* Когда мы узнаем реальную цену разгрома гитлеровской Германии? // «Умылись кровью»? Ложь и правда о потерях в Великой Отечественной войне. М., 2012.
60. *Мамулия Г. Г.* Грузинский легион вермахта. М., 2011.
61. *Маньков С. А.* Бельгийский коллаборационизм и русская правая эмиграция в 1940–1945 гг. // Нансеновские чтения 2009. СПб., 2010.
62. *Маньков С. А.* Русские добровольцы в составе Валлонского легиона, 1941–1945 гг. // Новый Часовой. Русский военно-исторический журнал. 2006. № 17–18.
63. *Милич А.* Хорватские добровольцы в германском вермахте во Второй мировой войне // Крестовый поход на Россию: сб. статей. М., 2005.
64. *Можяева Л. А.* «На стыке двух миров»: русская национальная идея в деятельности молодежных организаций российского зарубежья (20–30-е годы XX века) // Тетради Международного Университета в Москве: сб. науч. трудов. Вып. 7. М., 2006.
65. *Моцанский И. Б.* Хроника окружения: Демянск и Харьков. М., 2011.
66. *Моцанский И. Б.* Разгром под Черкассами. Корсунь-Шевченковская наступательная операция 24 января — 17 февраля 1944 года. М., 2005.
67. *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация. М., 2010.
68. *Мюллер Р.-Д.* На стороне вермахта. Иностранцы пособники Гитлера во время «крестового похода против большевизма» 1940–1945 гг. М., 2012.
69. *Назаров М. В.* Миссия русской эмиграции. Т. 1. М., 1994.
70. *Найтцель З.* Солдаты Вермахта. Подлинные свидетельства боев, страданий и смерти. М., 2013.
71. *Окороков А. В.* В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. М., 2013.
72. *Окороков А. В.* Знаки русской эмиграции 1920–1990. М., 2005.
73. *Окороков А. В.* Молодежные организации русской эмиграции (1920–1945 гг.). М., 2000.
74. *Окороков А. В.* Русские добровольцы. М., 2004.

75. *Пихурик Ю.* Русская эмиграция в Южном крае в Венгрии в 1941–1944 годах // *Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы)*. М., 2012.
76. *Под знаком свастики // Между Россией и Сталиным: российская эмиграция и Вторая мировая война*. М., 2004.
77. *Расс К.* Человеческий материал. Немецкие солдаты на Восточном фронте. М., 2013.
78. *Рейтлингер Д.* Цена предательства. Сотрудничество с врагом на оккупированных территориях СССР. 1941–1945. М., 2011.
79. *Романько О. В.* Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941–1945. М., 2013.
80. *Романько О. В.* Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941–1945). Симферополь, 2008.
81. *Ронин В. К.* «Русское Конго»: 1870–1970: книга-мемориал: в 2 т. Т. 1. М., 2009.
82. *Ронин В. К.* «Русское Конго»: 1870–1970: книга-мемориал: в 2 т. Т. 2. М., 2009.
83. *Ронин В.* Первые русские приходы в Антверпене // *Русское Православие в Бельгии: в 2 т. Т. 1. Статьи и очерки*. М.; Брюссель, 2013.
84. *Сафронов В. Г.* Итальянские войска на Восточном фронте. 1941–1943 гг. М., 2012.
85. *Семенов К. К.* Берлинский узел РОВСа (1920–1945) // *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына*, 2012. М., 2012.
86. *Семенов К. К.* Лицом к солнцу: участие белоэмигрантов в гражданской войне в Испании (1936–1939) // *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына*, 2010. М., 2010.
87. *Семенов К. К.* Политические солдаты Гитлера. М., 2011.
88. *Смирнов С. В.* Отряд Асано: русские воинские формирования в Маньчжоу-Го, 1938–1945. Екатеринбург, 2012.
89. *Советско-финляндская война 1939–1940: в 2 т. Т. 2 / сост.: П. В. Петров, В. Н. Степаков*. СПб., 2003.
90. *Стефан Д.* Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945. М., 1992.
91. *Тимофеев А. Ю.* Русская эмиграция и гражданская война в Югославии, 1941–1945 // *Русский сборник: исследования по истории России*. Том VI. М., 2009.
92. *Урицкая Р. Л.* Они любили свою страну... Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г. СПб., 2010.
93. *Федоров Е. С.* Правда о военном Ржеве: документы и факты. Ржев, 1995.
94. *Хавкин Б. Л.* Сопrotивление в рядах вермахта на Восточном фронте и генерал Х. фон Тресков // *Новая и новейшая история*. 2013. № 1.
95. *Хоффман Т.* «Викинг» Гитлера. Эсэсовский интернационал. М., 2011.

96. *Храмов И. В.* Русская душа «Белой розы». Оренбург, 2009.
97. *Цветков А. В.* Военный коллаборационизм и пропагандистская война на территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны: очерки по истории. Тверь, 2012.
98. *Цурганов Ю.* Белоэмигранты и Вторая мировая война. Попытка реванша. 1939–1945. М., 2010.
99. *Цурганов Ю. С.* История антибольшевистской эмиграции в годы Второй мировой войны в документах Государственного архива Российской Федерации // Труды II международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. Белград, 10–14 сентября 2011 года. Сборник статей и материалов. СПб., 2012.
100. *Цурганов Ю. С.* Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001.
101. *Чичерюкин-Мейнгардт В. Г.* Воинские организации Русского Зарубежья после Второй мировой войны. М., 2008.
102. *Чичерюкин-Мейнгардт В. Г.* Дроздовцы после Галлиполи // Дроздовский и дроздовцы. М., 2006.
103. *Чичерюкин-Мейнгардт В. Г.* Дроздовцы после Галлиполи. М., 2002.
104. *Чуев С. Г.* Проклятые солдаты. Предатели на стороне III рейха. М., 2004.
105. *Чуев С. Г.* Спецслужбы Третьего Рейха. Книга I. СПб., М., 2003.
106. *Чуев С. Г.* Спецслужбы Третьего Рейха. Книга II. СПб., М., 2003.
107. *Широкова Е. А.* Генерал А. А. фон Лампе и его дневник: взгляд на военную эмиграцию // Новый исторический вестник. 2000. № 2.
108. *Шкаровский М. В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированных территориях СССР. М., 2002.
109. *Штрайт К.* «Они нам не товарищи...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М., 2009.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

1. 1st Battery SS Assault Gun Det. 4 with the “Wallonien” Brigade // Siegrunen. January–March 1987. № 42.
2. 5.SS-Sturmbrigade “Wallonie” // Siegrunen. Summer 2007. № 79.
3. *Absolon R.* Die Wehrmacht im Dritten Reich. Band V, 1. September 1939 bis 18. Dezember 1941. Boppard am Rhein, 1988.
4. *Absolon R.* Die Wehrmacht im Dritten Reich. Band VI, 19. Dezember 1941 bis 9. Mai 1945. Boppard am Rhein, 1995.
5. *Agte P.* Europas Freiwillige der Waffen-SS. Biographien aller Inhaber des Ritterkreuzes, des Deutschen Kreuzes in Gold, der Ehrenblattspange und der Nahkampfspange in Gold, die keine Deutschen waren. Europäische Freiwillige

- aus den Niederlanden, Belgien, Frankreich, Dänemark, Norwegen, Schweden, Finnland, Lettland, Estland und Ungarn. Pluwig, 2000.
6. *Alksnis E.* Leons Degrels // Ilustrētais žurnāls Frontei un Tēvzemei "Junda". Maijs, 1944 g. Nr. 9.
 7. Am Wege unserer Divisionen. Wallonische SS-Freiwillige im Jubel der Heimat // SS Leitheft. 10. Jahrgang. Heft 6, 1944.
 8. *Bartov O.* The Eastern Front, 1941–45, German Troops and the Barbarisation of Warfare. N.Y., 1986.
 9. *Baur J.* Die russische Kolonie in München 1900–1945: deutsch-russische Beziehungen im 20. Jahrhundert. Wiesbaden, 1998.
 10. *Beliaevsky N., Kharkevitch C.* La Drougina et la Belgique // Militaria Belgica. 2005.
 11. *Bene K.* La collaboration militaire française dans la Seconde Guerre mondiale. Talmont-Saint-Hilaire, 2012.
 12. *Berger F.* The Face of Courage: the 98 Men who Received the Knight's Cross and the Close-Combat Clasp in Gold. Mechanicsburg, PA, 2011.
 13. *Blindheim S.* Nordmenn under Hitlers fane. Dei norske frontkjemparane. Oslo, 1977.
 14. *Brandt A.* The Last Knight of Flanders: Remy Schrijnen and his SS-Legion "Flandern"/Sturmbrigade "Langemarck" Comrades on the Eastern Front 1941–1945. Atglen, PA, 1998.
 15. *Broekaert P.* Mon Journal au Paradis. Tome 2: De Meseritz à Tcherkassy. Erpe, 2012.
 16. *Broszat M., Fröhlich E.* Alltag und Widerstand. Bayern im Nationalsozialismus. München — Zürich, 1987.
 17. *Carrard P.* The French Who Fought for Hitler: Memories from the Outcasts. N.Y., 2010.
 18. Cherkassy Pocket. The Final Figures // Siegrunen. Summer 2008. № 80.
 19. *Christensen C. B., Poulsen N. B., Smith P. S.* Under Hagekors og Dannebrog: Danskere i Waffen SS. København, 1998.
 20. *Conway M.* Collaboration in Belgium: Léon Degrelle and the Rexist Movement 1940–1944. New Haven & London, 1993.
 21. *Coudenys W.* Leven in tijden van oorlog: Russen in België, 1914–1950 // De Russische beer en de Belgische leeuw: drie eeuwen Russische aanwezigheid in België. Leuven, 2005.
 22. *Coudenys W.* Russian Collaboration in Belgium during World War II. The Case of Jurij L. Vojcehovskij // Cahiers du Monde russe. Avril-septembre 2002. Vol. 43. № 2–3.
 23. *Dallin A.* Deutsche Herrschaft in Rußland 1941–1945. Eine Studie in Besatzungspolitik. Düsseldorf, 1958.
 24. *Dawletschin T.* Von Kasan nach Bergen-Belsen: Erinnerungen eines sowjetischen Kriegsgefangenen. Göttingen, 2005.
 25. *De Bruyne E.* Dur et pur: le contingent du 10 mars 1942, dit de la jeunesse, en faveur de la Légion Wallonie // Histomag' 44. Mai — juin 2011. № 71.
 26. *De Bruyne E.* L'engagement dans la Heer // Axe & Alliés. 2006. Hors série № 10.

27. *De Bruyne E.* La difficile naissance d'une légion perdue // *Histomag'* 44. Juin–juillet 2009. № 60.
28. *De Bruyne E.* Léon Degrelle et la Légion Wallonie: la Fin d'une Légende. Liège, 2011.
29. *De Bruyne E., Rikmenspoel M.* For Rex and for Belgium. Léon Degrelle and Walloon Political & Military Collaboration 1940–45. Solihull, 2004.
30. *De Lagarde J.* German Soldiers of World War Two. Paris, 2005.
31. *De Tcherkassy à Bruxelles.* Le retour triomphal de la SS Sturmbrigade "Wallonie". Erpe, 2003.
32. *De Wever B.* Militaire collaboratie in België tijdens de Tweede Wereldoorlog // *Bijdragen en Mededelingen betreffende de Geschiedenis der Nederlanden.* 2003. CXVIII. 1.
33. *Degrelle L.* La Campagne de Russie 1941–1945. Paris, 1987.
34. Degrelle sprach in Lüttich. Er meldete sich selbst zur Freiwilligenlegion Wallonien // *Brüsseler Zeitung.* 22. Juli 1941. Nr. 201.
35. *Devrière B., Mannaert R.* Roger Mannaert. La guerre à 17 ans // 39/45. Décembre 2012. № 306.
36. *Dodenhoeft B.* Vasilij von Biskupskij — Eine Emigrantenkarriere in Deutschland // *Russische Emigration in Deutschland. 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg.* Berlin, 1995.
37. Ein Kampf weltgeschichtlicher Entscheidung für Jahrhunderte. Die große Rede des Führers zur Eröffnung des Winterhilfswerkes im Berliner Sportpalast // *Freiburger Zeitung.* Samstag/Sonntag, 4./5. Oktober 1941. Nr. 273/274.
38. *Esteban J. D., Redondo E. R., Esteban E. R.* The Military Intervention Corps of the Spanish Blue Division in the German Wehrmacht 1941–1944: Organization, Uniforms, Insignia, Documents. Atglen, PA, 2008.
39. *Fierens L.* Prêtre chez les SS. Paris — Bruxelles, 2011.
40. *Förster J.* The "Crusade" Aspect // *Germany and the Second World War. Volume IV: The Attack on the Soviet Union.* N.Y., 1999.
41. *Fritz S. G.* Ostkrieg: Hitler's War of Extermination in the East. Kentucky, 2011.
42. *Gersdorff R.-C. von.* Soldier in the Downfall: A Wehrmacht Cavalryman in Russia, Normandy, and the Plot to Kill Hitler. Bedford, PA, 2012.
43. *Glant D. M., House J. M.* When Titans Clashed: How The Red Army Stopped Hitler. Lawrence, 1995.
44. *Haaest E.* Frontsvin. Frikorps Danmark-folk om kampene ved Ilmensøen. Lyngø, 1975.
45. *Hagemann J.* Die Presselenkung im Dritten Reich. Bonn, 1970.
46. *Hartmann C.* Wehrmacht im Ostkrieg. Front und militärisches Hinterland 1941/42. München, 2009.
47. *Heer H.* How Amorality Became Normality: Reflections on the Mentality of German Soldiers on the Eastern Front // *War of Extermination: the German military in World War II, 1941–1944.* N.Y., 2009.
48. *Hitler and His Generals: Military Conferences 1942–1945. The First Complete Stenographic Record of the Military Situation Conferences, from Stalingrad to Berlin.* N.Y., 2003.

49. Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945. Koblenz, 1983.
50. *Hoffmann J.* Deutsche und Kalmyken: 1942 bis 1945. Freiburg, 1974.
51. *Hoynoski J. J.* The Rexist Badge of Honor and the Wallonic Sleeve Shield // The Military Advisor. Fall 1999. Vol. 10. № 4.
52. *Hoynoski J. J.* The Silver and Bronze Rexist Badges: Part II // The Military Advisor. Spring 2011. Vol. 22. № 2.
53. *Jdanoff D.* “Russische Faschisten“. Der nationalsozialistische Flügel der russischen Emigration im Dritten Reich. Magisterarbeit, Humboldt-Universität zu Berlin, Philosophische Fakultät I. Berlin, 2003.
54. *Jerk V.* Ragnarök. En frivillig svensk Waffen-SS-soldat berättar om slutsriden i Europa 1945. Linköping, 2004.
55. *Julia X. M.* La División Azul. Sangre española en Rusia, 1941–1945. Barcelona, 2005.
56. *Kaden E.* Das Wort als Waffe. Der Propagandakrieg der Waffen-SS und die SS-Standarte „Kurt Eggers“. Dresden, 2009.
57. *Keene J.* Fighting for Franco: International Volunteers in Nationalist Spain during Spanish Civil War, 1936–1939. London, 2007.
58. *Kellogg M.* The Russian Roots of Nazism: White Émigrés and the Making of National-Socialism, 1917–1945. N.Y., 2005.
59. *Kirkebæk M.* Schalborg — en patriotisk landsforræder. København, 2008.
60. *Kleinfeld G. K., Tambs L. A.* Hitler's Spanish Legion: The Blue Division in Russia. Carbondale and Edwardsville, London and Amsterdam, 1979.
61. *Knoebel E. E.* Racial Illusion and Military Necessity: A Study of SS Political and Manpower Objectives in Occupied Belgium. University of Colorado, Ph.D., 1965.
62. *Kopõtin I.* Vene ohvitserid Eesti sõjaväes 1918–1940. Tallinn, 2012.
63. *Koulomzin S.* Many Worlds: A Russian Life. N.Y., 1980.
64. *Krabbe O.* Danske soldater i kamp på Østfronten 1941–1945. Lyngø, 1998.
65. *Laar M.* Eesti Sõdur II Maailmasõjas. Tallinn, 2009.
66. *Lambauer B.* Otto Abetz et les Français ou l'envers de la Collaboration. Paris, 2001.
67. *Landwehr R., Nielsen H. T.* Nordic Warriors: SS-Panzergrenadier-Regiment 24 Danmark, Eastern Front, 1943–45. Halifax, 1999.
68. *Landwehr R., Roba J.-L., Merriam R.* The “Wallonien”. The History of the 5th SS-Sturmbrigade and 28th SS Volunteer Panzergrenadier Division. Bennington, Vermont, 2006.
69. *Latviešu leģionāri / Brūvelis E... et al.* Rīga, 2005.
70. *Le Tissier T.* Zhukov at the Oder: the Decisive Battle for Berlin. Westport, 1996.
71. *Lefèvre E.* Wallonie 41–45: de la légion a la division // Armes Militaria. Février 1988. № 29.
72. Legionsminner. Trekk av den Norske Legions historie. Oslo, 1943.
73. *Lewis D. C.* European Unity and the Discourse of Collaboration: France and Francophone Belgium, 1938–1945. A thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Graduate Department of History. University of Toronto, 1996.

74. *Littlejohn D.* Foreign Legions of the Third Reich. Vol. 2: Belgium, Great Britain, Holland, Italy and Spain. San Jose, Calif., 1987.
75. *Luytens D.-C.* SS Wallons. Témoignages. Paris; Bruxelles, 2010.
76. *Mabire J.* Brigade d'Assaut Wallonie. La Percée de Tcherkassy. Paris, 1995.
77. *Mabire J., Lefèvre E.* Léon Degrelle et la Légion Wallonie 1941–1945. Paris, 1988.
78. *Meyer H.* The 12th SS: the History of the Hitler Youth Panzer Division. Mechanicsburg, PA, 2005.
79. *Morales G., Togores L. E.* La División Azul: las fotografías de una historia. Madrid, 2009.
80. *Mörke F.* Der Kampf um den Kreis Arnswalde im Jahre 1945. Göttingen, 2001.
81. *Nash D. E.* Hell's Gate: The Battle of The Cherkassy Pocket, January — February 1944. Stamford, 2009.
82. *Neulen H. W.* Eurofaschismus und der Zweite Weltkrieg: Europas verratene Söhne. München, 1980.
83. *Obhodaš A.* Lako prevozni zdrg Hrvatske legije — u borbama od Une do Dona, kolovoz 1941. — prosinac 1942. Zagreb, 2012.
84. *Obhodaš A., Mark J. D.* Croatian Legion: The 369th Reinforced (Croatian) Infantry Regiment on the Eastern Front 1941–1943. Sydney, 2010.
85. *Obhodaš A., Mark J. D.* Hrvatska legija: 369. pojačana (hrvatska) pješачka pukovnija na Istočnom bojištu 1941–1943. Zagreb, 2012.
86. *Pedersen H.* Germanische Freiwillige: Als dänischer Waffen-SS-Mann an der Ostfront. Kiel, 2010.
87. *Philippert H.* Et Mets ta Robe de Bal. Tome II. Erpe, 1999.
88. *Pojić M.* Hrvatska pukovnija 369. na istočnom bojištu 1941– 1943: ratni dnevnik. Zagreb, 2007.
89. Rede Adolf Hitlers zur Eröffnung des 3. Kriegs-Winterhilfswerkes im Berliner Sportpalast am 3. Oktober 1941. Berlin, 1941.
90. *Roba J.-L.* L'Honneur et la Fidélité. Essai de biographie de Lucien Lippert. Erpe, 2005.
91. *Roba J.-L.* Sturmbrigade "Wallonien" // Siegrunen. May 1978. № 2.
92. *Robinson P.* The White Russian Army in Exile. N.Y., 2002.
93. *Römer F.* „Im alten Deutschland wäre solcher Befehl nicht möglich gewesen“. Rezeption, Adaption und Umsetzung des Kriegsgerichtsbarkeitserlasses im Ostheer 1941/42 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 56, 2008.
94. *Sagarra P., Castillo V.* Lejos de España, pero por España. Las mejores fotos de la División Azul. Madrid, 2011.
95. *Schulte T. J.* The German Army and Nazi Policies in Occupied Russia. Oxford, New York, Munich, 1989.
96. *Seaton A.* The Russo-German War 1941–45. N.Y., 1971.
97. *Shepherd B.* War in the Wild East: the German Army and Soviet Partisans. London, Cambridge, 2004.
98. *Shkarovskij M.* Die Kirchenpolitik des Dritten Reiches gegenüber den orthodoxen Kirchen in Osteuropa (1939–1945). Münster, 2004.

99. *SS-PK. SS-KB Ceders R. Leona Degrela rota uzbrūk // Ilustrētais žurnāls Frontei un Tēvzemei "Junda".* Jūlijs, 1944 g. Nr. 14.
100. *Stahel D. Operation Barbarossa and Germany's Defeat in the East.* N.Y., 2009.
101. *Stahel D. Operation Typhoon: Hitler's March on Moscow, October 1941.* N.Y., 2013.
102. *Stein H. G. Waffen-SS. Hitler's Elite Guard at War 1939–1945.* Bristol, 2002.
103. *Stephan J. J. The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile, 1925–1945.* London, 1978.
104. *Strassner P. European Volunteers.* Winnipeg, 1988.
105. *Sündermann H., Sudholt G. Tagesparolen: deutsche Presseanweisungen 1939–1945: Hitlers Propaganda und Kriegsführung. Leoni am Starnberger See,* 1973.
106. *Terlin P. La Neige et Le Sang.* Paris, 1998.
107. *Tessin G. Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Band 10: Die Landstreitkräfte 371–500.* Osnabrück, 1975.
108. *Thomas N. The German Army 1939–45 (3). The Eastern Front 1941–43. Men— at—Arms #326.* Oxford, 1999.
109. *Thomassian L. Summer of '42: A Study of German-Armenian Relations during the Second World War.* Atglen, PA, 2012.
110. *Trang C. Waffen-SS: dictionnaire. Volume 3.* Damigny, 2011.
111. *Trang C. Waffen-SS: dictionnaire. Volume 4.* Damigny, 2012.
112. *Twilight of the Gods: A Swedish Waffen-SS Volunteer's Experiences with the 11th SS-Panzergrenadier Division "Nordland", Eastern Front 1944–45 / edited by T. Hillblad.* Solihull, 2002.
113. *Verlaine T. La Légion Wallonie en photos et documents.* Erpe, 2006.
114. *Veum E. Brenden G. De som falt. Nordmenn drept i tysk krigstjeneste.* Oslo, 2010.
115. *Werther S. Dänische Freiwillige in der Waffen-SS.* Berlin, 2004.
116. *Williamson G. Loyalty Is My Honour.* London, N.Y., Sydney, Toronto, 1995.
117. *Williamson G. The SS: Hitler's Instrument of Terror.* St. Paul, MN, 2004.
118. *Zetterling N., Frankson A. The Korsun Pocket: The Encirclement and Breakout of a German Army in the East, 1944.* Philadelphia, 2008.
119. *Ziemke E. F., Bauer M. E. Moscow to Stalingrad: Decision in the East.* N.Y., 1988.
120. *Zilm F.-R. Geschichte der Festung und Garnison Stettin.* Osnabrück, 1988.

МАТЕРИАЛЫ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

Les Actualités Françaises: édition du 29 août 1941 // <http://www.ina.fr/video/AFE86004238>

<http://www.kriegsberichter-archive.com/>

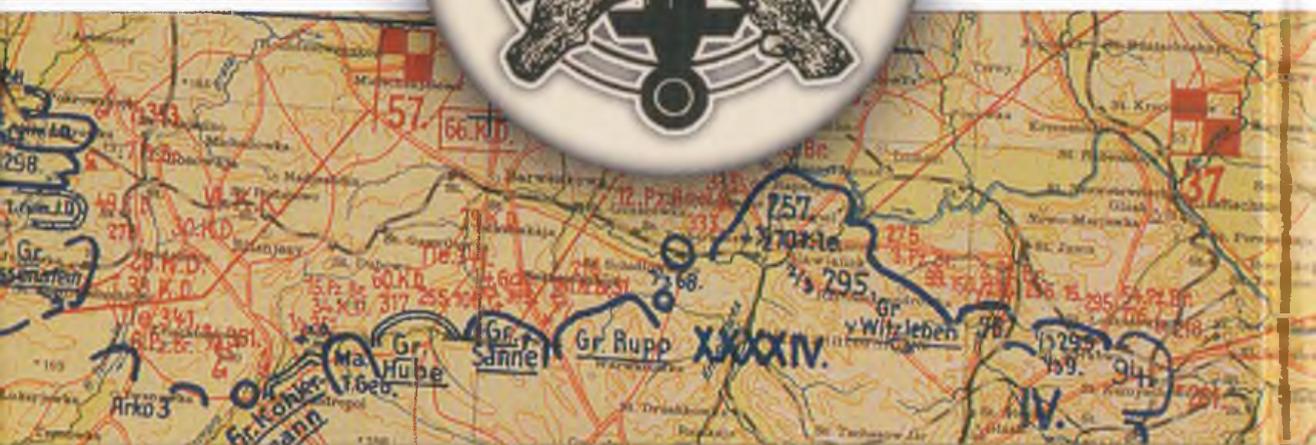
СОДЕРЖАНИЕ

О. И. Бэйда

Изгнанники поневоле, или «Враг моего врага...»	3
<i>Примечания</i>	55

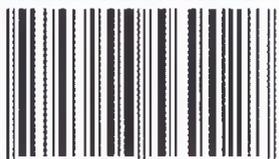
ДНЕВНИК

Ростислава Вадимовича Завадского	75
Приложение	167
<i>Примечания</i>	177
<i>Источники и литература</i>	215

Légion Wallonie

ISBN 978-5-906569-02-8

9 785906 569028